

И. М. Дьяконов

СЕМИТО- ХАМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Опыт
классификации

И. М. Дьяконов

СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Опыт классификации

Издание второе, исправленное

МОСКВА

URSS

Дьяконов Игорь Михайлович

Семито-хамитские языки: Опыт классификации. Изд. 2-е, испр.
М.: КомКнига, 2006. — 120 с. (Языки народов мира.)

Предлагаемая вниманию читателя работа, написанная выдающимся отечественным востоковедом и филологом И. М. Дьяконовым (1915–1999), посвящена семье семито-хамитских языков. Автор пытается положить в основу классификации показательные данные о материальных схождениях языков этой семьи в областях морфологии местоимения, имени и глагола. Причем речь будет идти лишь о выявлении соотношения между целыми ветвями; внутри ветвей И. М. Дьяконов принимает общепринятую классификацию с небольшими терминологическими поправками.

Книга предназначена для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов вузов.

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Подписано к печати 05.06.2006 г. Формат 60×90/16. Печ. л. 7,5. Зак. № 495.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, л. 11А, стр. 11.

10-значный ISBN, применяемый до 2007 г.:
ISBN 5-484-00513-2

Соответствует 13-значному ISBN, вводимому с 2007 г.:
ISBN 978-5-484-00513-0

© И. М. Дьяконов, 1965, 2006
© КомКнига, 2006

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

Тел./факс: 7 (495) 135-42-16

URSS Тел./факс: 7 (495) 135-42-46

3921 ID 36663

9 785484 005130 >

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ. ФОНОЛОГИЯ. КОРЕНЬ И СЛОВО *

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

До недавнего времени при историческом изучении семитских языков исследователи не привлекали материала других языков, им родственных. Со студенческой скамьи каждому арабисту, эфиописту, гебраисту, арамеисту или ассириологу было в общем виде известно, что в определенном родстве с семитскими языками состоят также так называемые «хамитские» языки, но представление о характере и степени этого родства было чрезвычайно туманным. Многолетние работы М. Коэна по историческому сопоставлению всех семитохамитских языков в целом не находили серьезного отклика среди большинства семитологов.

Исследования последних 10—15 лет, в особенности работы М. Коэна, Дж. Гринберга, О. Рёсслера, И. Фридриха, В. Вицихла, Дж. Кастеллино, А. Клингенхебена и других, а у нас — Д. А. Ольдерогге, наглядно показали, что никакой «хамитской» семьи (или ветви более обширной семитохамитской семьи языков), которая противостоит семитской, не существует; есть одна семья языков, делящаяся, по-видимому, на пять ветвей: семитскую, берbero-ливийскую, египетскую, кушитскую и чадскую. Очевидно, как достаточно ясно показывает вся история более разработанного индоевропейского языкоznания, тем самым дальнейшее изучение семитской ветви невозможно без учета материала других ветвей той же языковой семьи. В этой связи возникает вопрос о классификации семитохамитских языков в целом¹.

* Уважаемые читатели! По техническим причинам в настоящем издании наименование книги приводится со страницы 7.

¹ Помимо этого, встает также вопрос о самом наименовании этой семьи. Поскольку понятие «хамитские языки» отброшено, поскольку обозначение всей семьи как «семитохамитской» теряет смысл. О. Рёсслер предложил рассматривать берbero-ливийские языки как одну из групп семитских (O. Rössler, *Der semitische Charakter der libyschen Sprache*, — «Zeitschrift für Assyriologie», XVI (50), 1952, стр. 121—150). Однако очевидно, что произвольное расширение понятия «семитские

Историческое изучение семитохамитской лексики находится еще в зачаточном состоянии. Существуют хорошие практические словари отдельных (хотя не всех) семитских языков, древнеегипетского и коптского, двух-трех берберских диалектов, краткие словари отдельных кушитских языков, а также словари чадского языка хауса, однако историко-этимологические данные, содержащиеся в некоторых из этих словарей, далеко не всегда полны и надежны. Словари семитских языков, как правило, не содержат ссылок на другие семитохамитские языки, а большой египетский словарь А. Эрмана и Х. Грапова, хотя и содержит ссылки на языки родственные, но не делает различия между общим лексическим материалом и заимствованиями. Специальных этимологических и корневых словарей по отдельным ветвям семьи нет, есть лишь несколько работ, посвященных выявлению общесемитохамитской лексики в египетском и отчасти в берберском. Для ряда семитохамитских языков нет и вообще никаких словарей, кроме глоссариев к текстам и полевых записей. Опыт общесемитохамитского корневого словаря М. Коэна² очень полезен, но не всегда надежен. Весьма немногочисленны и случайны исследования, посвященные установлению лексического родства между отдельными ветвями семитохамитской языковой семьи. Совершенно недостаточно выявлены закономерности фонетических соответствий между ветвями³.

языки» не содействует уточнению классификации (ср. S. Moscati, *Chi furono i Semiti?* — «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei», Anno CCCLIV, Memorie, ser. VIII, vol. VIII, 1, Roma, 1957). Более целесообразно предложение Дж. Гринберга — называть данную семью не «семитохамитской», а «афро-азиатской», в качестве «единственной, представленной как в Африке, так и в Азии» (см. J. Greenberg, *Studies in African Linguistic Classification*, New Haven, 1955, стр. 54). Однако термин «семитохамитская семья языков» слишком укоренился, чтобы быть легко замененным. Следует заметить, что все семитохамитские языки происходят, очевидно, из северной Африки (Д. А. Ольдерогге, *Происхождение языка хауса*, — «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956, стр. 13 сл.). Судя по исторической близости между всеми ветвями, вряд ли и семитские языки составляют здесь исключение.

² M. Cohen, *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*, Paris, 1947.

³ Так, М. Коэн дает для семитского *š* в качестве его кушитских соответствий *ž*, *č*, *š*, *s*, *d*, *t* и др., в качестве берберских — *d* и *z*, *s*, не объясняя этого разнообразия, а для семитского *t* — берберские и кушитские *d/t*, *d*, *t*, причем в обоих случаях — независимо от позиций: например, он предлагает араб. *sʃr* 'быть желтым', акк. *sarp-* 'чистое серебро' сопоставлять с берб. *a-zrəf* 'серебро' и с куш. агау *čibi*, бед. *għla*, галла *kuba*; сем. (*i)sba' 'палац' с берб. *a-daf*; сем. *slū/ti* 'жарить' с берб. *əsli* 'поджаривать'; др.-евр. *sippōr* 'тишица' с куш. сомали *šimbir*, сахо-афар *kimbiro*, галла *z/šimbiro*; араб. *ṭibī-* 'сосок' с куш. бед.*

Хотя грамматическое родство всех семитохамитских языков между собой давно уже не вызывает особых сомнений, до сих пор, насколько мне известно, не было попыток дать сравнительно-грамматический обзор всей семьи в целом.

Однако в области морфологии местоимения, имени и глагола установлены, хотя во многом еще приблизительно, достаточно показательные данные о материальных схождениях, которые и можно пока положить в основу предварительной классификации семитохамитских языков.

Ниже будет сделан опыт такой классификации на основании: 1) типа корне- и словообразования, 2) системы показателей рода, числа и падежа в имени, 3) системы местоимений, 4) системы спрягаемых форм глагола различных семитохамитских языков.

Полезным представляется наряду с генетической классификацией ввести также и разделение языков семитохамитской семьи по диахроническому принципу, что сделает более наглядным реальное соотношение между сравниваемыми языками. Мы предлагаем (следуя за практикой иранского языкоизучания) различать среди семитохамитских языков древней, средней и новой ступени. В качестве характерных признаков для отнесения семитохамитского языка к той или иной ступени мы примем следующие:

Древняя ступень: полная или хорошая сохранность первичной фонологической системы, сохранность внешней именной и глагольной флексии.

Средняя ступень: упрощение первичной фонологической системы, утеря гласной внешней флексии имени и частично глагола, частичная перестройка системы морфологии.

Новая ступень: перестройка фонологической системы, полная перестройка грамматической структуры.

В настоящей работе речь будет идти лишь о выявлении соотношения между целыми ветвями; классификацию внутри ветвей мы принимаем общепринятую, с небольшими терминологическими поправками⁴:

Семитские языки делятся на четыре группы: а) северно-периферийная, или северо-восточная (древняя и средняя ступень: аккадский с диалектами вавилонским и ассирийским), б) североцентральная, или северо-западная (древ-

³ *šefi* 'пить молоко', но др.-евр. *tippā* 'капля' с купл. *agau* *tibbaq*, галла *dimbiba*, *čoba* 'капать', и т. п. Подобные сопоставления не могут быть убедительными без уточнения рефлексов в зависимости от языка внутри ветви и позиции в слове. Однако такая работа внутри отдельных ветвей семитохамитской семьи, кроме семитской ветви, еще не проделана.

⁴ Подробнее об отдельных языках семитохамитской семьи, о численности их носителей, о памятниках письменности на этих языках и характере письменности см. ниже библиографию, а также выпуски настоящей серии, посвященные отдельным языкам Азии и Африки.

няя ступень: ханаанейский, аморейский, — слабо засвидетельствованные в памятниках, — и угартский; средняя ступень: древнееврейский, финикийско-иудейский, различные арамейские диалекты; новая ступень: новосирийский, или «новоассирийский», иначе «айсорский», и арамейский диалект Малулы в Сирии), в) южноцентральная, или арабская (древняя ступень: классический арабский, позднейшие ступени: арабские диалекты и мальтийский язык), и г) южнопериферийная, или южноаравийско-эфиопская [древняя, — может быть, средняя—ступень: сабейский, минейский, катабанский и др.; средняя ступень: г'эз, или эфиопский; новая ступень: южноаравийские языки, — мэхри, шахри (шахри), сокотри (соцотри) и близкие диалекты; абиссинские языки — амхарский, тигре, тигринья, или тиграй, харари, гураге, аргобба].

С одной стороны, ряд архаических черт в грамматике и отчасти в лексике связывает между собой северную и южную периферийные группы, так же как ряд грамматических инноваций связывает между собой северную и южную центральные группы (и частично южноцентральную и южнопериферийную группы); с другой стороны, в области фонетики и лексики обе северные группы сближаются между собой, так же как и обе южные.

Египетская ветвь представлена одним египетским языком разных степеней, от древней⁵ (староегипетский, III тысячелетие до н. э.) до новой (коптские диалекты, III—XVI вв. н. э.).

Берберо-ливийская ветвь представлена множеством (до 300) близких диалектов и говоров новой ступени: среди них грамматически несколько особняком стоит язык тамашек (туарегский), интересный также тем, что почти не содержит арабизмов; ареал его охватывает центральную Сахару и область по обоим берегам р. Нигер. Из других диалектов следует отметить западную группу (ареал диалектов ташельхит, иначе язык шильх или шлех, в Мавритании и Марокко, ареал диалектов тамазигт и рифский язык в Марокко) и северную группу (важнейшие — кабильский, или зуауа, а также шауиа в Алжире). Другие диалекты разбросаны по всей северной Африке, от Сенегала до Египта (оазис Сива). Все современные берберские языки находятся

⁵ Поскольку древнеегипетские тексты не огласованы, постольку судить о степени сохранности гласной флексии в староегипетском трудно; его фонологическая система уже сильно отличается от предполагаемой общесемитохамитской, и, возможно, что староегипетский — так же как, безусловно, средне- и новоегипетский — надо отнести к средней ступени.

в столь же тесном родстве, как в пределах семитской ветви языки какой-либо одной группы. К той же ветви, видимо, принадлежал вымерший язык гуанчей на Канарских островах. Краткими надписями, а также глоссами и именами собственными в греческих и латинских текстах засвидетельствован ливийско-умидийский язык средней (?) ступени, однако в имеющихся данных о нем еще много неясного.

Кушитские языки (все — на новой ступени) делятся, по М. Э. Брайан с поправками Дж. Гринберга, на следующие группы: а) северная — язык бедауйе (в основном — в Республике Судан); б) восточная — языки саҳо-'афар⁶ (в Эритрее и северо-восточной Эфиопии), оромо («галла») с целым рядом более или менее самостоятельных диалектов (в западной, центральной и южной Эфиопии, а также в северной и в восточной Кении), сомали (в Республике Сомали, юго-восточной Эфиопии и восточной Кении), группа так называемых диалектов «сидамо» (в центре Эфиопии) и близкие к ним диалекты⁷; в) центральная — мелкие разрозненные диалекты языка агау (в Эритрее и в северной Эфиопии)⁸; г) западная, состоящая из множества мелких языков и диалектов, расположенных преимущественно вдоль западных окраин Эфиопии — каффа (каффично), воламо, ч'ара, диалекты группы «гимирра» и целый ряд других; д) южная — иракуи, возможно, мбугу и некоторые другие языки Танганьики⁹.

⁶ Племена 'афар известны также под названием данакиль.

⁷ В европейской лингвистической и этнографической терминологии во многих случаях приняты не самоназвания народов и племен, а клички или прозвища, даваемые им соседями. К таким прозвищам относятся, помимо многих других, и термины «галла» (самоназвание оромо; «галла» известны также под отдельными племенными названиями: маҷча, тулаама, итту, аруssi, в Кении — борана, барапетта, кафира) и «сидамо» (букв. «язычники», — или, может быть, «переселенцы» — под этим термином разумеются разные диалектные группы, относящиеся частью к восточно-кушитским — собственно сидамо, — частью к западнокушитским — воламо и др.).

⁸ Важнейшие диалекты группы агау — в Эритрее билин, в Эфиопии койла (язык народности фалаша, иудейской по вероисповеданию), хамир, куара и ряд других.

⁹ См. M. A. Bryān, *The Distribution of the Semitic and Cushitic Languages of Africa*, London, 1947; J. Greenberg, *Studies in African Linguistic Classification*, p. 43 sq.

Северная и восточная группы нередко противопоставляются центральной и западной (и южной) как «нижнекушитская» группа — «верхнекушитской». Различие между ними настолько велико, что некоторые авторы не без основания считают «нижнекушитские» и «верхнекушитские» языки не принадлежащими к одной языковой ветви. «Нижнекушитские» языки (особенно северная группа, диалекты бедауйе) значительно архаичнее; в «верхнекушитских» наблюдается гораздо большее отхождение от древнего прототипа и существенные упрощения в грамматике (в частности, отмирание общесемитохамитских форм глагольного спряжения, коренное изменение системы местоимений и пр.).

Чадские языки (также все на новой ступени) делятся, по Дж. Гринбергу, на девять групп, включающих почти сотню языков, диалектов и говоров, в значительной части классифицированных пока лишь очень условно. Важнейший язык — х а у с а, принадлежащий к 1-й, или западной группе (преимущественно в Нигерии и отчасти в Республике Нигер). В лингвистическом отношении особенно важны диалекты центральной группы (или 2-й — языки или диалекты логонекотоко и другие, в северном Камеруне и в Республике Чад) и восточной (или 9-й — языки или диалекты сомраи, муби и другие в Республике Чад)¹⁰. Группы с 3-й по 8-ю будут в дальнейшем условно называться южными группами.

Очевидно, что для целей сопоставления желательно пользоваться материалом языков древней или в крайнем случае средней ступени. На новой ступени развития семитохамитские языки, пожалуй, настолько же сильно разошлись, как, скажем, в индоевропейской семье французский, русский, персидский и бенгали. Их расхождения как в фонетическом, так и в типологическом отношении так велики, что в тех случаях, когда предшествующие ступени языка не сохранились, историческое исследование наталкивается на весьма значительные трудности. По счастью, по крайней мере берберские диалекты, а также некоторые из купитских (бедауье) сохраняют еще много архаичных черт, позволяющих хотя бы приблизительно представить себе их облик на предшествующей ступени. Что касается чадских языков, то они на первый взгляд кажутся едва ли не более архаичными, чем, например, староаккадский, однако, по всей вероятности, многие кажущиеся архаичными черты чадских языков являются результатом обособленного вторичного развития. Впрочем, нельзя исключить возможность того, что чадские языки, в условиях давной изоляции от других семитохамитских, действительно сохранили также и черты большой древности.

Привлечение для целей классификации многочисленных инноваций, наблюдавшихся в семитохамитских языках на новой ступени, значительно усложнило бы нашу задачу и не позволило бы уложиться в объеме этой книги. Поэтому сравнение будет нами вестись в основном на уровне языков древней и средней ступеней. Для семитской и египетской ветвей на этих ступенях у нас имеется достаточный лингвистический материал; для берbero-ливийских объектом сравнения будут преимущественно служить «общеберберские» формы, выведенные из сравнительного изучения отдельных берберских диалектов; судя по скучным, но все же, как кажется, достаточно убедительным данным,

¹⁰ J. Greenberg, *Studies in African Linguistic Classification*, pp. 48—49.

эти «общеберберские» формы сравнительно мало отличаются от явлений, существовавших на средней ступени, хотя и не представляют ее непосредственно. Для кушитской ветви придется ограничиться лишь отдельными более старыми или с очевидностью реконструируемыми формами, оставив состояние этих языков на средней ступени под вопросом во всех тех случаях, когда данных пока не хватает для убедительной реконструкции. Наконец, для чадских приходится исходить из их современного состояния. Положение чадских языков оказывается во многом обособленным; остается открытым вопрос о том, в какой мере эта обособленность является результатом раннего отделения этой ветви и в какой — результатом неправомерного сравнения чадских языков, находящихся на новой ступени и поэтому характеризуемых соответственными инновациями, с языками на более ранних ступенях развития.

При этом ввиду недостаточной исследованности ряда семитохамитских языков, а также ввиду ограниченности возможностей автора, являющегося только семитологом, мы вынуждены, во-первых, привлекать не все языки, а во-вторых, много данных брать из вторых рук. Так, мы будем брать для сравнения из кушитских — преимущественно бедауье (по работам Л. Рейниша), а для чадских — преимущественно хауса. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что это в значительной степени обделяет и иногда даже ставит под сомнение возможные выводы по этим ветвям семитохамитской языковой семьи.

Литература по различным языкам семитохамитской лингвистической семьи необозрима. Для того чтобы сжать материал до масштабов настоящей работы, пришлось обойтись без множества ссылок. Это не значит, однако, что автор не учитывает всей огромной работы, проделанной его предшественниками¹¹. В сущности в этом сочинении не так много мыслей, не высказывавшихся ранее, но автор ответствен за их систематическое изложение и за общие выводы.

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ АДСТРАТА СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ

Для того чтобы лучше понять проблемы семитохамитских языков, целесообразно сделать экскурс в некоторые соседние древние языки, служившие субстратом или адстратом семит-

¹¹ Очень важная работа Е. Куриловича (J. Kuryłowicz, *L'apophonie en sémitique*, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961) допала до меня слишком поздно, чтобы я мог включить его выводы в свою работу. Предварительно следует лишь заметить, что любое определение форм как протосemitских или как имеющих позднейшее происхождение должно, очевидно, не противоречить общесемитохамитским фактам; однако в отдельных случаях реконструкции Е. Куриловича им противоречат.

ских. В качестве представителя их возьмем шумерский; для этого языка, так же как для не родственных ему хурритского и урартского и т. п., характерна эргативная конструкция предложения. Сущность ее заключается в отсутствии грамматической категории прямого объекта¹².

В дошедших до нас индоевропейских языках всякое действие можно грамматически рассматривать либо с точки зрения субъекта, либо с точки зрения объекта. Этим двум точкам зрения соответствуют два залога переходных глаголов — активный (действительный) и пассивный (страдательный); в первом случае исходным пунктом и грамматическим подлежащим является логический субъект действия (*человек кладет палку* — логический субъект действия является и грамматическим подлежащим и выражен именительным падежом, как падежом подлежащего, объект действия выражен специальным объектным падежом — винительным, глагол согласуется с подлежащим = логическим субъектом); во втором случае исходным пунктом и грамматическим подлежащим является логический объект действия (*человеком положена палка* — логический субъект действия выражен косвенным падежом, логический объект является грамматическим подлежащим и поэтому выражен именительным падежом, глагол согласуется с подлежащим = логическим объектом).

В языках эргативной конструкции, где нет категории грамматического прямого объекта, не могут существовать залоги¹³, так как в глаголе оказывается невозможным отдельно охарактеризовать действие с точки зрения его логического субъекта без учета точки зрения логического объекта действия. То, что мы рассматриваем как объект действия, для эргативных языков является субъектом состояния, хотя и наступившего в результате данного действия. Поэтому он выражается падежом субъекта состояния (абсолютным)¹⁴, соответствующим нашему именительному, даже когда логически является одновременно объектом какого-либо действия.

Действительно, при глаголах состояния (непереходных) субъект (подлежащее) выражен в эргативных языках абсолют-

¹² Аналогичная конструкция предложения имеется из древневосточных языков также в эламском, однако падежи не имеют в нем внешне-флективного выражения.

¹³ В грузинском языке, являющемся нетипичным эргативным языком, существует страдательный залог, но в чистом виде — только в той группе времен, которая требует не эргативной, а номинативной конструкции. Страдательный залог в группе времен, требующих эргативной конструкции, не имеет специальной, своей формы, а представляет собой особый случай употребления форм, имеющих также и активное (например, результативное) значение.

¹⁴ Этим же падежом выражается имя вне связи с глагольным действием; в индоевропейских языках эту функцию обычно также несет именительный падеж.

ным падежом, так же как и в наших языках подлежащее выражено в этих случаях именительным падежом (*человек лежит*, шум. **lú i-ná*). Но в глаголах действия (переходных) абсолютным падежом, соответствующим нашему именительному, в языках эргативного строя выражается не логический субъект действия, а логический субъект состояния, наступающего в результате этого действия, т. е. то, что с точки зрения нашего восприятия есть логический объект (*человек кладет палку*, шум. **lú-e ǵidru i-b-ǵar-e*). Логический же субъект действия выражается особым, так называемым эргативным падежом (шум. **lú-e*). В этом отношении эргативная конструкция сходна с нашим пассивным залогом, с которым ее часто и смешивают (*человеком положена палка* — логический объект в именительном падеже). Однако существенная разница заключается в согласовании глагола. В нашем пассивном залоге господствует точка зрения логического объекта: он является грамматическим подлежащим, стоит в именительном падеже, и глагольная форма согласуется именно с ним (и только с ним), а падеж логического субъекта действия, выступающего как косвенное дополнение, является косвенным, и с ним глагольная форма не согласуется. В эргативной же конструкции одновременно отражены обе точки зрения — как точка зрения логического субъекта действия, так и точка зрения логического субъекта наступившего состояния (он же объект действия); поэтому оба субъекта можно рассматривать как подлежащее, и глагольная форма может согласовываться с обоими субъектами, чего не может быть в конструкции пассивного залога.

Возьмем два примера. Является ли глагольная форма в шумерском предложении **lú-e ǵidru i-n-ǵar*, соответствующем нашему *человек положил палку* или *человеком положена палка*, действительным или страдательным залогом? Она не может быть действительным залогом, так как в прямом (абсолютном) падеже стоит логический объект *ǵidru* ‘палка’, а логический субъект стоит в квази-косвенном (эргативном) падеже на *-e* (*lú-e* ‘человек’). Но она не может быть и страдательным залогом, так как в этом случае глагол должен был бы согласовываться с логическим объектом, т. е. с грамматическим подлежащим, — со словом, стоящим в прямом падеже; между тем субъектный показатель *-n-* (класс лиц) в глаголе согласуется со словом *lú-e* ‘человек’, а не с *ǵidru* ‘палка’.

Другой пример. Является ли глагольная форма в шумерском предложении **lú-e ǵidru i-b-ǵar-e*, соответствующем нашему *человек кладет палку* или *человеком кладется палка*, действительным или страдательным залогом? Она не может быть действительным залогом по той же причине, что и глагольная форма в первом примере, — так как в прямом (абсолютном)

падеже стоит логический объект *gidru* ‘палка’, а логический субъект стоит в другом падеже на *-e*. Но она не может быть и страдательным залогом, так как хотя формант лица *-b-* (класс вещей) в глаголе согласуется с *gidru* ‘палка’, как следовало бы при страдательном залоге, но зато второй формант лица *-e* в той же глагольной форме согласуется с *lú-e* ‘человек’, как если бы это был действительный залог.

Абсолютный падеж *gidru* — прямой падеж и соответствует здесь не нашему винительному, а нашему именительному падежу, выражая не объект, а субъект (а именно субъект наступившего состояния). Но и эргативный падеж здесь не является косвенным, так как с ним согласуется глагол и он выражает субъект (а именно субъект действия).

Таким образом, глагольная форма переходного глагола в эргативных языках залогово-нейтральна и соответствует обоим нашим залогам — и активному, и пассивному — и обычно характеризуется субъектно-объектным или, точнее, двусубъектным спряжением.

Поэтому во всех эргативных языках переходные и непереходные глаголы отличаются и формально — первые обычно обладают субъектно-объектным (или, точнее, двусубъектным), вторые — субъектным спряжением.

Конечно, это лишь принципиальная схема, и в ходе развития отдельных языков возникают различные осложняющие ее детали.

Резюмируя, можно отметить следующие основные и наиболее обычные и характерные черты типичных языков эргативного строя: в них нет категории прямого дополнения и соответственно: 1) не может быть винительного падежа, 2) не может быть активного и пассивного (действительного и страдательного) залогов, 3) один и тот же абсолютный падеж соответствует нашему именительному при непереходных и нашему винительному при переходных глаголах, 4) при переходном глаголе нашему именительному соответствует особый эргативный падеж, 5) непереходные и переходные глаголы формально отличаются, 6) переходные глаголы, как правило, имеют субъектно-объектное (двусубъектное) спряжение¹⁵.

Черты эргативной конструкции¹⁶ могут помочь в понимании некоторых особенностей семитохамитских языков.

¹⁵ Наилучшим образом возникновение эргативной конструкции можно объяснить из додлагольного состояния предложения: *человек + лежание = человек лежит; палка + взятие + у человека = палка взята человеком = палку взял человек*. Вариантом той же конструкции является посессивная: *палка + взятие + человека*. В происходящей отсюда глагольной конструкции субъект переходного глагола стоит в родительном падеже.

¹⁶ Имеются и другие черты несемитских языков древнего Ближнего Востока, которые могут осветить некоторые явления семитских языков, например развитие придаточных предложений (А. П. Рифтин).

ФОНОЛОГИЯ

Наилучшим образом древнейшая фонологическая система сохранилась в древнесемитских языках; есть основания думать, что она мало отличалась от общесемитохамитской. О некоторых, видимо, необходимых поправках будет сказано ниже.

Существуют черты, общие (или по крайней мере надежно реконструируемые) для фонологических систем всех семитохамитских языков. Они сводятся (если пока касаться только согласных) к следующему:

1. Наличие троичных групп согласных: звонкого, «эмфатического» и глухого¹⁷. Часть «эмфатических» согласных утеряна в египетском и почти во всех новосемитохамитских, однако полной их утери не наблюдается, как кажется, ни в одном семитохамитском языке. Даже в египетском, для которого в целом характерна потеря принципа троичности, все же сохранился согласный *q* наряду с *g* и *k*, хотя и артикулируемый глубже двух последних.

2. Наличие фарингальных фрикативных: звонкого ' и глухого *h*. Они также утеряны во многих новосемитохамитских, однако во всяком случае следы их могут быть выявлены во всех ветвях.

3. Наличие наряду с ларингальным фрикативным *h* также гортанного взыва ' как особой согласной фонемы. Этот гортанный взыв также постепенно исчезает, по крайней мере в известных позициях, однако его функция как согласного (а согласные в условиях семитохамитских языков играют особую роль) приводит к тому, что эта фонема проявляет все же удивительную стойкость.

4. Стойкое функционирование неслогообразующих *χ* и *ι* в морфологической роли согласных.

5. Отсутствие аффрикат, по крайней мере первичных (носр. ниже о ряде *z* — *s* — *s*).

В семитских языках на древней ступени фонологическая система согласных имеет наиболее полный вид, а именно следующий:

¹⁷ Реальное фонетическое осуществление «эмфатических» согласных может быть различным: это фарингализованные глухие (так, по-видимому, в большинстве семитских), фарингализованные звонкие (в берберо-ливийских, отчасти в арабском), смычногортанные (абиссинская подгруппа южнопериферийной группы новосемитских, частично кушитские, хауса), смычногортанные, артикулируемые на вдохе (частично в хауса), церебральные (в кушитских). Все эти артикуляции, очевидно, имеют общее происхождение — по всей вероятности, первичным является произошение «эмфатических» как смычногортанных, а позже — как фарингализованных глухих. В дальнейшем термин «эмфатический» применяется условно к согласному, составляющему третий член ряда, наряду со звонким и глухим.

1. Губные	<i>m</i>	<i>b</i>	<i>p</i> (?)	<i>p</i>
2. Переднеязычные	<i>n</i>	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
3. Переднеязычные	—	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
4. Переднеязычные плоско-щелевые (межкаубные)	—	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>t</i> ¹⁸
5. Дрожащие и двухфокусные	—	<i>r</i>	<i>s</i>	<i>š</i>
6. Латеральные (?)	—	<i>l</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
7. Заднеязычные	—	<i>g</i>	<i>k</i>	<i>k</i> ¹⁹
8. Увулярные	—	<i>γ</i>	—	<i>ḥ</i> ²⁰
9. Фарингальные	—	<i>χ</i>	—	<i>ḥ</i> ²¹
10. Ларингальные и нижне-фарингальные	—	,	—	<i>h</i>
11. К этому следует добавить неслогообразующие <i>μ</i> , <i>l</i> .				

В пояснение следует отметить следующее.

К ряду 1: существование фонемы **p* реконструируется весьма предположительно, на основании очень редких случаев кажущейся или действительной нерегулярности соответствий *b* // *p* в семитских языках (араб. *biγyūt-*, др.-евр. *par'ōbš* 'блоха' и т. п.; это не относится к случаям перехода *b* > *p* в некоторых северносемитских языках под влиянием хурритского субстрата).²² Реально *p* (=смычногортанное *p*) засвидетельствована только в некоторых семитских и кушитских языках Эфиопии; как полагают, здесь она имеет субстратное происхождение. Фонема *p* в южносемитских, берbero-ливийских и кушитских языках, как правило, реализуется в виде фрикативного *f*.

К ряду 3: в северносемитских языках *s* имела характер аффрикаты *ʃs* (при заимствовании северносемитских слов, содержащих эту фонему, она во всех соседних языках, имевших аффрикаты, передавалась аффрикатой).²³ Судя по передаче семитских *s*, *s* в средне- и новоегипетском в заимствованных

18 Точнее *ð*, *θ*, *θ̄*.

19 Иначе *g*, *q*, *k*.

20 Точнее *χ*, *χ̄*.

21 *ḥ* = араб. *χ*.

22 Так же и в кушитских, наряду с регулярным сохранением *b* и *f* во всех группах, имеются и случаи с неустойчивым *b* // *f*, типа бед. *dambā* 'подошва' ~ агау *žanfi*, *šafā*; бед. *āðf* 'кусок мяса' ~ сахо-'афар *dūbð*; бед. *šeñi* 'пить молоко' ~ агау *šab*, *šab*; бед. *genūf* 'нос' ~ агау *qīnðā*, галла *humbi*; эти примеры, возможно, тоже указывают на наличие третьего губного, наряду с *b* и *p* // *f*, в прототипе. Особенно интересно и здесь слово «блоха»: каффа *p'illō*; агау *peleyā* (куара), *felīā* (хамир), *felītā* (билин), возможно, <**p'll'df-*,ср. сем. **pərgyūt-*?

23 В древнеегипетском, хеттском, хурритском, урартском, эламском и древнеперсидском.

словах с помощью *d*, *t*²⁴, а также по тому, что аккадские клинописные знаки для сочетаний с *z*, *s* используются для передачи хурритских аффрикат *č*, *c*²⁵, не исключено, что весь этот ряд имел аффрикативный характер. В живых семитских языках *z*, *s* и обычно *š* — фрикативные фонемы того же ряда, что и взрывные *d*, *t*, *t*.

К ряду 5: фонемы *r*, *s* и *š* соединены нами в один ряд лишь условно, для упрощения схемы; *š* не является глухим *r*, хотя имеются указания на их исконное фонологическое сродство (см. ниже). В арабском **s* > **š* > *s*.

Артикуляция *s* вообще совершенно неясна: ни в одном из исторически засвидетельствованных языков эта фонема не сохранилась (за возможным исключением древнейшего староаккадского)²⁶, но отличие ее рефлексов от рефлексов *s*, *t*, *š* и *s* указывает на ее автономный фонологический характер²⁷.

К ряду 6: латеральный характер фонем *š* и *š* оспаривается некоторыми исследователями, хотя их связь с *l* кажется довольно ясно установленной (ср. примеры ниже). В семитских языках средней ступени *š* > *s* (аккадский, древнееврейский и др.), *d* (большинство арабских диалектов), *l* (некоторые южные арабские и южнопериферийные диалекты) или *g*//*γ* (в даль-

²⁴ Здесь и ниже транскрипция *d*, *t* соответствует *d*, *t* египтологической транскрипции, поскольку в нашей работе последние символы применяются, по семитологической традиции, для межчаубных *θ*, *θ*. Следует отметить, что *d*, *t*, по-видимому, действительно были палатализованными *d'* (или *g'*) и *t'* (или *k'*), по крайней мере первоначально. Египтологическое *s* мы транскрибуируем как *z*, а *š* — как *s*, поскольку символ *š* в семитологии применяется для другой (латеральной) фонемы. По-видимому, транскрипция *z* и *s* соответствует действительному первоначальному произношению этих древнеегипетских фонем.

²⁵ Данные об этих аффрикатах в хурритском будут нами опубликованы отдельно.

²⁶ Несмотря на начавшееся совпадение сибилиятов *t*, *š*, *š* и *s* в староаккадском, все же статистически выявляется закономерность, согласно которой знаки, условно транслитерируемые как SA, SE, SI, SU, чаще всего применяются для этимологических *š*, *s*, знаки ŠA, ŠI, ŠU — для *t* и знаки SÁ (?), ŠÈ (?), SU₄ — для *s*; например -SU₄ = -šu 'его', араб. -ħū, согип. -f, хауса *si, но -SA = -šū 'ее', араб. -ħā (по аналогии?), егип. -s, хауса *t(-ta)*; также довольно регулярны написания l-BA-ŠÈ = {iba(s)s}t (?) 'есть', 'существует', и реже NI-ŠÈ = nɪsɪ (?) 'люди' (см. I. J. Gelb, *Old Akkadian Writing and Grammar*, 2-nd ed., Chicago, 1961, p. 34 и sq.). Высказывалось мнение (A. Goetze, *The Sibilants in Old Babylonian*, RAss, LII, 1958, fasc. 3, pp. 137 и сл.) о наличии в древнесemitском и еще одного сибилията. Вопрос этот спорен и здесь не будет разбираться.

²⁷ Общесемитохамитский **s* > акк. *š* [*s?*], др.-евр. *h*, арам. *h* > ' (и *š*), южнопериферийный *s* (а в других диалектах *h*), араб. ' и в некоторых позициях *s*, берб., по-видимому **h* > ноль и в некоторых позициях *s*, егип., куш., чад., по-видимому, *s* (но в некоторых диалектах бедауйе > *h*).

нейшем', арамейский); $s > \dot{s}$ (аккадский²⁸, арабский), глухой ℓ (некоторые южнопериферийные диалекты) или s^29 .

К ряду 7: k (иначе q) артикулируется глубже, чем g и k , почти там же, где γ и \dot{b} , т. е. фактически является увулярным.

К ряду 8: исконность фонемы γ (Γ) оспаривается.
К ряду 10: функционально 'близок χ и ℓ .

Следует отметить, что прослеживаются пережитки еще более старой ступени, на которой звуки внутри рядов, возможно, фонематически не различались. Это видно по наличию корневых дуплетов и триплетов со сходной семантикой, например:

$s'k$ араб., др.-евр. 'кричать', 'шуметь', $z'k$ то же;

rdd др.-евр. 'отталкивать', 'подчинять', араб. 'отталкивать', акк. 'преследовать'; $rd\ell$ др.-евр. 'давить', 'растяпывать', 'господствовать', арам. 'идти', 'наступать', 'покорять', араб. 'ступать', акк. 'гнать'; $\dot{s}dd$ др.-евр. 'разорять', 'грабить', 'насиливать', араб. 'преграждать' 'проникать', 'разорять', эфиоп. 'выталкивать', акк. 'тащить';

rkb общесем. 'ездить (на колеснице, верхом)', акк. также 'совокупляться', эфиоп. 'встречать'; $\dot{s}kb$ др.-евр., арам., эфиоп. 'ложиться', 'сожительствовать', араб. 'изливать';

$r\dot{q}d$ др.-евр., араб. 'бродить', эфиоп. 'нападать'; $\dot{s}\dot{q}t$ др.-евр., арам. 'бродить';

lpt др.-евр. 'охватывать', 'обнимать', араб. 'вертеть', акк. 'прикасаться', 'бить'; $\dot{s}bt$ общесем. 'схватывать', 'удерживать';

$\dot{s}hk/k$ общесем. 'смеяться', shk др.-евр., эфиоп. 'смеяться';

$\dot{s}\bar{a}'$ - общесем. 'коа' или 'овца', $\dot{s}a'n$ - общесем. 'козы и овцы', la' - $\bar{a}t$ - '(дикая) корова' (ср. кушитские: агау $la\dot{u}$, сахо la 'скот', бед. $\dot{s}\bar{a}'$, сом. $s\bar{a}'$ 'вол', 'корова'; чадские: вост. la 'скот', зап. lo 'мясо', 'животное', хауса $\dot{s}\bar{a}'$ 'бык', вост. $s\bar{u}$ 'мясо');

tdd , $t\dot{q}t$ 'вытягивать', 'мерить'.

gdd общесем. 'врезать', 'отрезать', gzz общесем. 'разрезать', $k\dot{t}t$ 'отрезать', $k\dot{q}l$ 'убивать', $k\dot{t}t$ 'отрезать', $k\dot{s}s$ др.-евр. 'соскабливать', и многие другие (весыма обширная группа корней).

Эти примеры могут быть умножены.

Поскольку мы застаем остальные (несемитские) языки семитохамитской семьи по большей части на позднейших ступенях, постольку естественно, что там фонологические системы согласных оказываются обединенными. Для наглядности их можно представить в виде табл. 1.

Таким образом, фонологические системы согласных всех семитохамитских языков весьма близки между собой и, по-

²⁸ Возможно, что акк. \dot{s} на самом деле следует рассматривать как \dot{s} (начиная со средней ступени сочетание $-st$ - и т. п. дает $-lt$ -), а в ассирийском диалекте оно позже переходит в s (ср. в арабском $*\dot{s} > *\dot{s} > s$).

²⁹ В египетском $*\dot{s}$, видимо, $> \dot{s}$, но также, — по крайней мере в некоторых позициях, $— > s$.

Таблица 1

Фонологический состав семитохамитских языков

Семитские (древн.)	Общеберберо- ливийский (нов.)	Египетский (древн./средн.)	Кушитские (нов.)			Чадские (нов.) хауса
			бедуине	сомалик	кушитские (нов.)	
1. <i>m b</i> <i>p/t</i>	<i>m b</i> — —	<i>m b</i> — —	<i>m b</i> — —	<i>m b</i> — —	<i>m b</i> — —	<i>m b</i> <i>p/t/h</i>
2. <i>n d t</i>	<i>n d</i> <i>d</i> <i>t</i> (но <i>dd tt</i>)	<i>n d</i> — —	<i>n d</i> — —	<i>n d</i> — —	<i>n d</i> — —	<i>n d</i> <i>d'</i> <i>t</i>
2a.	{	<i>d</i> — —	<i>t</i> — —	<i>j</i> — —	<i>s</i> — —	<i>s</i> — —
3. — — <i>z s</i>	— — <i>z</i> — —	— — <i>z</i> — —	— — <i>r</i> — —	— — <i>r</i> — —	— — <i>r</i> — —	— — <i>z</i> — —
4. — — <i>d z</i>	— — <i>r</i> — —	— — <i>r</i> — —	— — <i>z</i> — —	— — <i>z</i> — —	— — <i>z</i> — —	— — <i>r</i> <i>z</i> (вто- рично)
5. — — <i>s</i>	— — <i>z</i> — —	— — <i>z</i> — —	— — <i>l?</i> — —	— — <i>l</i> — —	— — <i>l</i> — —	— — <i>l</i> — —
6. — — <i>l f</i>	— — <i>l</i> — —	— — <i>l</i> — —	— — <i>g k</i> — —	— — <i>g k</i> — —	— — <i>g k</i> — —	— — <i>g k</i> — —
7. — — <i>g k</i>	— — <i>g</i> — —	— — <i>k</i> — —	— — <i>g^{ph}</i> — —	— — <i>g^{ph}</i> — —	— — <i>g^{ph}</i> — —	— — <i>g' k'</i> — —
8. — — <i>b</i>	— — <i>y</i> — — (но <i>kk</i>)	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —
9. — — <i>h</i>	— — — —	— — — —	— — <i>h</i> (па- лат.?)	— — <i>h</i> — —	— — <i>h</i> — —	— — <i>h</i> — —
10. — — <i>h</i>	— — — —	— — — —	— — <i>h</i> (вто- рично)	— — <i>h</i> — —	— — <i>h</i> — —	— — <i>h</i> (вто- рично)
11. <i>v i</i>	<i>v</i> , <i>i</i>	<i>v (w)</i> , <i>i (y, t)</i>	<i>v, i</i>	<i>v, i</i>	<i>v, i</i>	<i>v, i</i>

видимому, в основном сводимы к системе, аналогичной древнесемитской.

Теперь мы можем перейти к вопросу о фонетических соответствиях в той мере, в какой их пока удается выявить (см. табл. 2)³⁰.

Сравнительно надежно устанавливаются фонетические соответствия между семитскими и берберо-ливийскими, благодаря работе О. Рёсслера³¹. Значительно сомнительнее семитоегипетские соответствия. Что касается кушитских и чадских, то в ряде случаев пока приходится ограничиваться сопоставлением лексических и морфологических элементов, состоящих из акустически сходных фонем, так как не всегда эти сопоставления могут быть вполне убедительно аргументированы на примере конкретных рефлексов.

При этом для семитохамитских языков характерна сравнительная редкость фонетических изменений, наступающих только в определенных позициях; чаще всего изменения затрагивают фонему в любом окружении³². Это объясняется особой ролью согласных фонем в составе корня, о чем речь будет ниже.

Но в некоторых случаях наблюдаются и более сложные комбинаторные зависимости. Так, по-видимому, в известных сочетаниях в берберском возникают сибилианты *š*, *ž*, которые в свою очередь в определенных комбинациях дают *h*. То же самое происходит с фонемой *s* (в которой совпал целый ряд общесемитских сибилиантов), *z* и, возможно, *b*.

Сложнее комбинаторные изменения, произшедшие в египетском. Так, комбинаторного происхождения, по-видимому, егип. *f* (по крайней мере в некоторых случаях) и палатализованные *đ*, *ł*, *ḥ*³³; семитский *l* обычно соответствует фонеме,

³⁰ Поздние комбинаторные и позиционные изменения, особенно в кушитских языках (например, *g* > *ʃ*, *h* > ноль и т. п. в бедауйе) не приняты во внимание в таблице.

³¹ O. Rössler, *Der semitische Charakter der libyschen Sprache*, ZA (NF), XVI (50), 1952.

³² В большинстве случаев дело идет либо о совпадении соседних рядов, либо о совпадении отдельных фонем соседних рядов. Иногда дело в различной фонетической реализации фонемы. Так, в берберо-ливийском фонемы 8–10 рядов представлены нулем во всех позициях, *s* и *t* совпали между собой, а *ʃ* и, вероятно, *f* совпали с *t*. В классическом арабском *g* фонетически реализуется как *j*, а *ʃ* как *d*, и т. п.

³³ По-видимому, в результате палатализации в древнеегипетском развились *đ* из **g*; *ł* из **k*; *ḥ* (в древнейших текстах иногда писавшееся *š* и произносившееся, вероятно, как [x]) из **h* и, возможно, также из **b*; возможно также, что др.-егип. *đ* соответствует сем. *s*, *f*; а др.-егип. *f* соответствует отчасти **p*, отчасти **g*, быть может, также как результат палатализации. В дальнейшем др.-егип. *đ* > *d* > *t*; *ł* > *t*, *ḥ* > *s*; *z* > *s*.

Таблица 2

Основные фонетические переходы в семитохамитских языках

Семитские языки				Кушитские				Чадские		
аккадский (древн.)	древне-еврейский (средн.)	арамей-сккий (средн.)	араб-ский (древн.)	южно-периферийные (древн.)	Общеберберо-ливийский	Египетский	бедуине	сомали	array	хауса
<i>n</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>b</i>	<i>m; b?</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m; n</i>
<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b?</i>	<i>b?</i>	<i>b?</i>	<i>b?</i>	<i>b?</i>	<i>b</i>	<i>b?</i>
<i>p?</i>	<i>p?</i>	<i>p?</i>	<i>p</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>p?</i>	<i>f?</i>	<i>f?</i>	<i>p.</i>	<i>p?/h?</i>
<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>							<i>f</i>	
<i>n; m</i>	<i>n; m</i>	<i>n; m</i>	<i>n</i>	<i>n; m</i>	<i>d</i>	<i>n</i>	<i>d</i>	<i>n</i>	<i>d</i>	<i>n</i>
<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>z</i>
<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>						
<i>d̄</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>d̄ > d</i>	<i>d̄</i>		<i>d̄</i>			<i>?</i>	<i>?</i>
<i>t̄</i>	<i>t̄ > ſ</i>	<i>ſ</i>	<i>t̄ > t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>d̄?</i>	<i>c?</i>
<i>t̄</i>	<i>t̄ > ſ</i>	<i>ſ</i>	<i>t̄ > t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>t̄</i>	<i>?</i>	<i>?</i>

Таблица 2 (продолжение)

аккадский (древн.)	Семитские языки				Общеберберо-ливийский Египетский	Кушитские			Чаекое хауса
	древне-еврейский (средн.)	арамейский (средн.)	арабский (древн.)	южно-периферийные (древн.)		бедауде	сомали	агау	
r	r	r	r	r	r; ' 5	r?	r?	r/t	r?
s > š	h 6	h; ' 6	' 6; s	h (>'), 7 (НОЛЬ?), s	s	s (также l, n) s (дигл. h)	s (НОЛЬ) s (известных случаях š?)	s	s
š	š	š	s	š (> s > s)	s; š?;			s; š?	s
l	l	l	l	l	l	l?	l?	l/r	l
š, 'š	š	š > '	š > s	š (> z)	d??	(также r, n) d?	s?	s?	s?
k	k	k	k	k	g' k				
γ ' (НОЛЬ)¹²	γ > '	γ > '	γ	γ (>')	(НОЛЬ)¹³	b; b?	?	?	?

Таблица 2 (продолжение)

Семитские языки					Кушитские			Чадские
аккадский (древн.)	древне-еврейский (средн.)	арамейский (средн.)	арабский (древн.)	южно-периферийные (древн.)	Общеберберо-ливийский	Египетский	бедаудье	сомали агуй хауса
’ ; (ноль) ¹² h ; (ноль) ¹²	’ ; h	’ ; h	’ ; h	’ ; (ноль) (ноль)	’ ; h ; h	’ ; (ноль) (ноль)	’ ; (ноль) h ; (ноль)	’ ; (ноль) h ; (ноль)
’ ; (ноль) h	’ ; h	’ ; h	’ ; h	’ ; (ноль) (ноль)	’ ; i ; h	’ ; (ноль) h	’ ; (ноль) h	’ ; (ноль) h ; (ноль)
u ; (ноль) i ; (ноль)	u ; i	u ; i	u ; i	u ; i	u (w) ; t/y i/y	u (w) ; t/y i	u ; i i	u ; i i, u?

Причечания. 1 В определенных позициях *m > b*.

2 -m в «иммации» (см. Морфология).

3 -t в формантах неустойчиво: вследу имеется тенденция перехода *t > h > ноль*. В хаусе *ti- > ci*

4 *f*, видимо, только в заимствованных словах.
5 , в *Inlau'e*.

6 -st- > -š- (в арабском -st-); в местном смыслах сохраняется *h*. В Угаритском и арамейском кваузативный префикс *s-* иногда дает š (под аккадским влиянием?).

7 В разных диалектах.
8 Графически (?) *n*, *r* (читать *l?*).
9 Видимо, перед *i* (и *u?*).
10 Возможно, в определенных позициях *k > d*.
11 Перед *i* (и *u?*) *k > l*, *g > d*.
12 С изменением окраски соседнего гласного: *a > e*.

13 Основа **gurgaf* 'ворон', видимо, связана не с сем. *yrab*, а с лат. *corvus*.

14 В начальной позиции *u > i*.

передаваемой как *r* или *n* (возможно — ретрофлексному: *r/l?*), но иногда ~ *t*³⁴; *r* в конце слога дает ' . Совершенно неясна судьба семитохамитских переднеязычных «эмфатических» сибилянтов в египетском (в части случаев > *d?*). Сибилянты **t*, **s* **š*, и, вероятно, **s*³⁵, **s*, все, по-видимому, дают *s*; **t* > **d* > *d*.

Если многое неясно в проблемах фонетических соответствий между семитским, египетским и берберо-ливийским, то вопрос о соответствиях между этими языками, с одной стороны, и кушитскими и чадскими, с другой, разработан еще слабее. Во всяком случае, пока нельзя установить какой-либо группировки ветвей семитохамитской семьи по принципу характерных фонетических изменений, как это делалось для индоевропейских языков³⁶. Некоторое представление о существующих соответствиях может дать прилагаемая табл. 2, данные которой, однако, ненадежны в том, что не касается семитской ветви языков.

По счастью, для выражения грамматических формантов в семитохамитских языках используются по преимуществу такие согласные, которые подвергаются наименьшим или наиболее очевидным изменениям (так, совершенно не используются для этого «эмфатические», а также согласные последних рядов). Это позволяет по крайней мере на морфологическом материале проводить сравнительно-историческое исследование с известной строгостью.

О фонологической системе гласных будет вкратце сказано в следующем разделе. По правилам, общим для всех семитохамитских языков³⁷, не исключая и чадских, слог не может начинаться: 1) с гласного, 2) с двух согласных. Он не может также кончаться на два согласных.

³⁴ Символом *t* в египтологии передаются фонемы ' (гортанный взрыв) и *č* в тех случаях, когда графика не позволяет их различить; чаще всего это *č*.

³⁵ Возможно, впрочем, что сем. *s* ~ егип. *š* (и *s*, в зависимости от позиции?). Происхождение егип. *š* вообще не очень ясно. Соответствие сем. *s* ~ егип. *š* относится, как нам кажется, только к словам, заимствованным в египетский из семитских языков.

³⁶ Озвончение всех или части эмфатических, казалось бы, отделяет все остальные ветви семьи от семитской; однако и в арабском *f* > *ɸ*, *z*; *ʃ* > *d*; вместе с тем удвоенные (долгие) эмфатические сохраняются в берберо-ливийском как глухие *tt*, *kk*, а не переходят в *d*, *γ*. Для всех ветвей, кроме семитской, характерен переход *s* > *s*, но аналогичные явления наблюдаются и в ряде южнопериферийных семитских языков и частично в арабском (**s* > *h*'), но *-*s*- > -*s*-); в аккадском *s* > *š* (в остальных семитских языках *s* > *h*; возможно, что такой переход наблюдался в известных случаях и в других языках, например в берберском на средней ступени).

³⁷ Известные отступления от этих правил проявляются лишь в некоторых языках новой ступени.

В большинстве семитохамитских языков, по-видимому, в историческое время господствовало силовое ударение; относительно слабым оно было лишь в арабском. В хауса ударение тоническое, причем неясно, является ли оно архаизмом или, что более вероятно, восходит к субстрату.

СТРУКТУРА КОРНЯ

Во всех классических пособиях по семитологии указывается, что семитский корень в отличие от корня в других языках мира состоит из одних только согласных и притом, как правило, из трех, в то время как гласные вместе с некоторыми согласными аффиксами либо уточняют значение корня, либо передают грамматические категории.

Однако эта общая формулировка верна только со значительными оговорками. Лишь в арабском, который, несмотря на сохранившийся им архаизм фонологической системы, во многих отношениях является исторически более продвинутым, чем другие семитские языки, гласная внутренняя флексия действительно пронизывает собой весь словарный состав. В более древнем аккадском языке и, хотя менее последовательно, в других северосемитских языках можно четко различить две группы корней. Глаголы и отглагольные имена и здесь настолько пронизаны гласной внутренней флексией, что установить какой-либо корневой гласный для них невозможно, и корень устанавливается в составе одних только согласных.

Но имена, не связанные с глаголом, имеют постоянную огласовку корня, и нет основания не считать соответствующий гласный частью самого этого корня. Этот же корневой гласный, как правило, сохраняется для данных слов и в других семитских³⁸, а в ряде случаев даже шире — семитохамитских языках. Исключения существуют, но по большей части объяснимы комбинаторными условиями или историей отдельных языков. Так, явление огубления гласных под влиянием соседнего губного согласного, в историческое время мало распространенное, видимо, было довольно обычным на древнейшей ступени семитских языков, так что практически все корни с *i*, где присутствует губной, встречаются также с *u*, в результате чего наряду с исходными формами **im̥-* 'мать', **bɪn-* 'сын', **bl̥r-* 'колодец', **libb-* 'сердце', **šim-* 'имя' и т. п. мы встречаем в отдельных языках формы *'im̥t-*, *bɪn-* (амор.), *būr-*, *lub(a)b-*, *šit-* и т. д. Гласный *u*, как кажется, никогда

³⁸ В этой категории имен несоответствие гласного общесемитскому типу и вариантные огласовки чаще встречаются в арабском, чем в других семитских языках.

не бывает первоначальным. Иногда лабиализация наступает и в присутствии g ($*g^w?$)³⁹.

К первой группе корней относятся корни таких слов, как '*ab-* 'отец', '*āb-* 'брать', *ham-* 'тесть', *lād-* 'рука', *mād-* 'вода', *'il-* 'бог', *mut-* 'мужчина', *bāb-* 'дверь', *baṭt-* 'дом', *hakl-* 'поле', *qaṣṭ-* 'день', *kalb-* 'собака' и другие, а также числительные и местоимения; они имеют твердую огласовку; гласный у них, несомненно, входит в корень. Даже в арабском для имен этой группы исходная их форма с одним определенным гласным обычно не вызывает сомнения, хотя при образовании отымененных глаголов и форм так называемого «ломаного» множественного числа имена этой группы рассматриваются также как имеющие только согласный корень.

Именные корни этой группы имеют свои определенные модели. Обозначим согласные *l*, *m*, *n*, *r*, *'*, *l*, *q* как S (сонанты), а все согласные, включая и сонанты, как С и гласные как V. Если в корне может быть только гласный *a*, он обозначается а. Тогда мы можем следующим образом формулировать возможные комбинации фонем в первичных корнях: 1) C₁aS; 2) C₁VC₂ (при этом C₂ не может быть S); 3) C₁aSC₂; 4) C₁VC₂S; 5) C₁VC₂C₂ (=C₁VC₂).

Других возможностей нет⁴⁰. В отличие от имен отлагольного происхождения принадлежность имени первичной кате-

³⁹ Встречаются и другие исключения, особенно в арабском, где внутренняя гласная флексия проинклира в область именного корня, но появление подобных исключений только в отдельных языках в противоположность регулярному употреблению во всех остальных лишь доказывает их позднее происхождение. В большинстве случаев они могут быть объяснены историей отдельных языков. Так, арам. *šimš-ā* 'солница', *rīš-ā* 'голова' не противоречат наличию форм **bat-*, **ra'* в других языках, так как в данном случае огласовка отражает распространявшееся в историческом арамейском новое явление чередования *i/a* и *a/l* в определенной группе имен и возникновение других подобных форм по аналогии. Редкие случаи корней с неустойчивым гласным, вероятно, отражают корневые варианты прототипа, явление, известное и в индоевропейских языках и не указывающее на то, что гласный не принадлежит к корню.

⁴⁰ Так, не может быть первичного именного корня, кончающегося на два разных согласных, если только один из них не является сонантом, а также кончающегося на гласный. Не может быть первичных именных корней с *i* или *u* перед сонантом. Корень не может также начинаться с двух согласных или с гласного.

Имеется корень, содержащий только один согласный, а именно *p-* 'рот', но он обычно получает наращения: *f-am-*, *p-itt-* и т. п.

В семитских языках имеется также некоторое число первичных двусложных именных корней, но последний согласный и в них всегда сонант: *gamml-* 'верблюд', *batūl-* 'юноша', 'девственник', *tihām-* 'море', 'побережье', *atān-* 'ослица', *hi/aṭār-* 'осел' и др. Возможно, что *-ā/ūl-*, *-ām-*, *-ān-*, *-ār-* здесь старые морфемы, не относящиеся собственно к корню. Это несомненно в случае слова *li/aṣḍn-* 'язык', ср. др.-егип. *ns* (чит. *las?*), берб. *i-ls*, вост. чадск. *lis(i)*, и весьма вероятно в слу-

гории к той или иной из приведенных пяти моделей семантического значения не имеет.

В классической семитской фонологической системе имеются только три краткие и три долгие гласные фонемы: *a*, *i*, *u*, *ā*, *ī*, *ū*⁴¹. Высказывалось предположение, что эти фонемы не первоначальны, и что древнейшие семитохамитские языки знали только нейтральный гласный *ə* различной высоты тона, давший *a* и *i*, и что *u* является лабиализацией нейтрального гласного высокого тона. Действительно, *u* редко встречается в первичных именных корнях иначе, как в комбинации с губным⁴². Однако приведенное выше правило корнеобразования, по-видимому, указывает на то, что в прасемитохамитском наряду с **ə* и **ā* были также и сонанты, функционировавшие и как согласные, и как гласные⁴³.

Поэтому приведенные выше модели корней можно упростить следующим образом (обозначая символом V как собственно гласные, т. е. **ə* и **ā*, так и сонанты **l*, **m*, **n*, **r*, **g*, **j*, **μ*): 1) C₁V; 2) C₁VC₂; 3) C₁VC₂ (при этом V всегда либо **ə*, либо **ā*); 4) C₁V₁C₂V₂ (при этом V₂ — сонант).

Конечный сонант функционирует как согласный. Поэтому корень не может кончаться на **ə > a* или **ā > i*, *u*. В типе 1 сонанты **j*, **μ* также не представлены. Полусогласный характер сонантов, в отличие от «чистых гласных» **ə* и **ā*, является причиной того, что в типе 3 только два последних могут быть гласным компонентом корня.

Указанное выше правило может быть проиллюстрировано следующим образом:

Тип 1: Cl: *dal-t-* ‘дверная створка’; Ср: *datm-* ‘кровь’, *ham-* ‘тестя’; Ср: **san-t-* ‘год’; Са: *sā* ‘овца или коза’, *mā-* ‘вода’⁴⁴.

чае слов *gamtmāl-* и *hi/amār-* (ср. ниже). Неустойчивость первого гласного в *hi/amār-* и *li/āsān-*, возможно, зависит от условий ударения в более древний период.

⁴¹ Тот же состав гласных реконструируется для египетского, для берберо-ливийского [берб. *a* (< *ā), *i* (< *ī), *u* (< *ū), *ə* (< *a, i, u)]. Вероятно, все семитохамитские языки прошли этап шести гласных *a*, *i*, *u*, *ā*, *ī*, *ū*. Берберские *a*, *i*, *u*, по-видимому, обычно восходят к *ā*, *ī*, *ū*, но в некоторых комбинациях и к кратким вариантам этих гласных. Берберский «нейтральный» гласный *ə* может соответствовать либо старым кратким *a*, *i* или *u*, либо этимологически нуль гласного, возникшая лишь во избежание скопления согласных. В связи с этим место гласного *ə* в модели огласовки не вполне устойчиво, например: *qdət* ‘трудись’, но *kəzə* ‘работай’ (метатеза под влиянием плавного); *nə-kəzə* ‘работаем’, но *kəz-ət* ‘работаю’. Нуль гласного, однако, тоже может восходить к *a*, *i* или *u*.

⁴² Из числа очень редких исключений назовем *'ugn-* ‘ухо’ и *gul-gul-t-* ‘чепец’.

⁴³ Этим можно объяснить тот факт, что гласные *i* и *u* никогда не встречаются в первичных именных корнях перед S (сонантом).

⁴⁴ *mā-* и акк. (ассир. диал.) *dām-*, вероятно, позднейшие формы.

Тип 2: $C_1\theta C_2$: *ləd-* 'рука'; **kab-kab-* 'звезда'; $C_1\theta C_2$: '*il-*' 'бог'; *bin-* 'сын', *gul-gul-t-* 'череп', *mat-* 'муж, мужчина', *n(i)s-* 'люди', **ši/it-* 'имя', *t(i)n-* 'два'⁴⁵; $C_1\Gamma C_2$: *šal-* 'ребро'; $C_1\Theta C_2$: **samš-* 'солнце'; $C_1\Gamma C_2$: *arš-* 'земля', *karb-* 'внутренность', *mar-* 'сын' (акк.), 'хозяин' (арм.); $C_1\Theta C_2$: *ka's-* 'чаша', *ra's-* 'голова'; **ša'n-* 'овцы и козы'⁴⁶; $C_1\Gamma C_2$: *bałt-* 'дом', **lałt-* (и **nałt-*) 'лев', *ałn-* 'глаз'; $C_1\Gamma C_2$: *lałt-* 'день', *kaał-* 'голос'.

Тип 3: $C_1\theta C_2$: '*ab-* 'отец'⁴⁷, '*ałb-* 'брать'⁴⁷, *bakk-* 'комар', *kall-āt-* 'невеста', *sarr-* 'вождь'; $C_1\theta C_2$: **imm-* 'мать', *libb-* 'сердце', *iłs-* 'дерево'⁴⁷.

Тип 4: $C_1\Theta C_2$: '*ahl-* 'палатка, родовое жилище' (также '*uhl-*'); $C_1\theta C_2$: *rigl-* 'нога' (также *ragl-*); $C_1\theta C_2\text{пр}$: *ri'm-* 'дикий бык'; $C_1\theta C_2\text{пр}$: *udn-* 'ухо'; $C_1\theta C_2\text{пр}$: *bl'r-* 'колодец', *kibr-* 'берег'⁴⁸.

Вторая группа корней — глагольные, причем от них образуется и огромное множество весьма разнообразных вторичных глагольных и именных основ, численно образующих большую часть семитской лексики. Эти корни в историческое время включают в семитских языках, как правило, три со-

⁴⁵ Ср. также *di'-b-* 'волк', где *-b-* — особая морфема. Также *lab-b-* 'лев' ($C_1\theta C_2$), *dub-b-* 'медведь' ($C_1\theta C_2$), *ta'l-ab-* 'лисица' ($C_1\theta C_2$). Корни *kis-* 'кошель' и *tūm-* 'чеснок' — общесемитские, но первоначальными формами, вероятно, были **kis-* и **tūm-*. Удлинение первоначального гласного имеет параллель в возникновении наращений, как в '*il-* || *il-āh-* 'бог'. Причиной подобных изменений, по-видимому, является то обстоятельство, что, когда трехсогласный корень (или двухсогласный корень с долгим гласным, см. ниже) стал общим правилом, то корни типа *dam-*, '*il-*', *kis-*, *tūm-*, *ta-*' ощущались как неполные. Частые стяжения слов *bin-*, *in-* и *nis-* до *bn-*, *in-* и *ns/ś-* (и отсюда **naś-* и др.), очевидно, обусловлены скороговорным произношением.

⁴⁶ *bāb-* 'дверь', вероятно, из **ba'-ba-* < **baq-baq-*, так как **bəb-* дало бы **bab-*, а **bəqb-* дало бы **ba'b-*. Ср. общесемитохамитский глагольный корень **bał-* 'входить'.

⁴⁷ Корни '*ab-*', '*ałb-*' и '*iłs-*' могут рассматриваться и как входящие в тип 2: $C_1\theta C_2$, $C_1\Theta C_2$. В аккадском единственном числе '*ab-*', '*ałb-*', '*iłs-*', но во множественном '*abb-*', '*ałb-*', '*iłs-*'. Это могло бы быть результатом аналогии с трехсогласными корнями, однако ср. '*abb-* также в берберо-ливийском и кушитском'.

⁴⁸ Примечательно, что корни типа 4 могут иметь неустойчивый гласный: '*ahl-* || *uhl-*', *rigl-* || *ragl-*. Огласовка *udn-* также подозрительна в смысле первоначальности, хотя др.-егип. *ldn*, быть может, следует огласовывать **udn-*, и тогда оно не указывает на чередование в огласовке. Ср. также неустойчивый гласный в двухсогласных корнях *hi/amār-* и *li/aśān-*. Возможно, причина здесь в конечном слоге (или конечном сонанте), который мог первоначально находиться под ударением, и вследствие этого гласный первого слога мог быть нейтральным по высоте. В случае *liś-ān-* гласный *-i-* представляется первоначальным, однако др.-евр. **laśān-* поддерживается др.-егип. *ns*, которое, вероятно, читается *las* (так как **lis* дало бы написание **is*).

Есть небольшая группа именных корней, которые не подчиняются приведенным выше моделям, как, например, *pīrī-* 'плод', *birk-*, *burk-* 'колено' и т. п. Возможно, они глагольного происхождения (безусловно глагольного происхождения, например, *kasr-* 'серебро', от глагольного корня **ksp* 'разламывать на кусочки').

гласных, а состав гласных является полностью переменным, подчиняясь определенным законам чередования, т. е. огласовка представляет собой элемент основы, но не корня, а также может быть грамматической внутренней флексией.

Трехсогласные корни, кроме семитских языков, абсолютно преобладают также в берберо-ливийских и египетском: из наличных в этих языках двухсогласных (и даже односогласных) корней часть может быть исторически возведена к первоначальным трехсогласным (с утерей согласного *'*, *u* или *i*, а в берберо-ливийских — также согласных 8—10 рядов). Наряду с этим в египетском и берберо-ливийских существует и довольно значительное количество корней двухсогласных⁴⁹, соответствующих семитским так называемым «пустым» корням, т. е. таким, в которых вторым корневым согласным считается неустойчивый *'*, *u* или *i*.

Ранее полагали, что в семитских языках двухсогласных глагольных корней нет. Это, однако, не совсем верно. Поскольку образование глагольных грамматических форм требует здесь строго заданного распределения определенного числа конкретных гласных внутренней флексии по известным моделям, где взаимное расположение согласных и гласных является обусловленным, постольку приходится строить формы от двухсогласных глагольных корней по моделям для более распространенных трехсогласных; такие корни («пустые» и «недостаточные») считаются содержащими «неустойчивые» согласные *'*, *u* или *i*, в зависимости от того, имеют ли они в основной спрягаемой форме *a*, *u* или *i*⁵⁰. Подобные корни составляют весьма значительный процент среди семитских глагольных корней. В том или ином из семитских языков под влиянием так называемого *Systemzwang* возникают от таких корней

⁴⁹ А также четырех- и пятисогласных корней, однако последние в подавляющем большинстве случаев восходят к старым редупликациям и словосложениям. Четырехсогласные корни содержат в качестве одного из корневых согласных как в этих языках, так и в семитских либо лексикализованный формант, либо *t*, *n*, *l*, *r*, *u*, *i* или *'*.

⁵⁰ Например, если форма **qa-prus* 'он разделил' производится от корня **prs*, *qa-lmad* 'он выучил(ся)' — от **lmd*, *qa-ṣdiḥ* 'он шествовал' — от **ṣdḥ*, то **qa-tmī* 'он причислил' производится от **tmū*, *qa-bnī* 'он построил' — от **bnī*, *qi-mūt* 'он умер' — от **mūt*, *qi-bāš* 'он прояснился' — от **b'š*, *qi-ṣim* 'он установил, решил' — от **ṣim*. Однако допустимо считать, что отличие между **qa-tmī* и **qa-bnī*, между **qi-mūt*, **qi-bāš* и **qa-ṣim* того же порядка, что и различие между *qa-prus*, *qa-lmad* и *qa-ṣdiḥ*, и вовсе не обусловлено исчезнувшим «неустойчивым» согласным.

Долгота гласного в «слабых» корнях (**mūt*, **bnī* и т. д.) не может быть первоначальной, а сама является результатом «компенсаторного» удлинения для подгонки под схему трехсогласных корней. Первоначальная форма этих корней должна была быть **māt* (или **mūt*), **bənī* и т. д. (тип C₁VC₂ или C₁SC₂ и C₁VC₂S. Ср. большое число глагольных корней типа C₁SC₂ и C₁C₂S, где S = *l*, *m*, *n* и *r*).

отдельные формы с реально звучащими ', *µ* и *l* (причем не всегда с тем именно из этих согласных, который якобы требуется корнем), а в некоторых случаях в дальнейшем происходит и полная подгонка под трехсогласную схему. Однако данные древнесемитских языков заставляют думать, что первоначально в подобных корнях было только два согласных, зато корень содержал определенный гласный. Ср., например, модель спряжения трехсогласного глагола со спряжением двухсогласных в аккадском:

	V^{*prs}	$V^{*kūn}$	$V^{*bnī}$
Имперфектив	<i>iparras</i>	<i>iku'an</i>	<i>ibannī</i>
Перфектив	<i>iprus</i>	<i>ikūn</i>	<i>ibnī</i>
Императив	<i>purus</i>	<i>kūn</i>	<i>binī</i>
Имя действия	<i>parās-</i>	<i>ku'ān-</i>	<i>banā'-</i>
Причастие действия	<i>pāris-</i>	<i>kā'in-</i>	<i>bāni'</i>
Причастие состояния	<i>paris-</i>	<i>kīn-</i>	<i>bani-</i> ⁵¹

Появление ' вместо **µ* и **l* в глагольных именах необъяснимо, если исходить из того, что корни здесь трехсогласные **kūn* и **bnī*, в которых согласные *µ* и *l* реально существовали: в таком случае ожидалось бы **kaqān-*, **kāqin-*, **banāl-* и т. п.; переход *µ* и *l* > ' ничем фонетически не вызван, и фонема ' появляется здесь под влиянием *Systemzwang* в порядке подгонки под трехсогласную схему. С другой стороны, сохранение гласных *u* и *i* в ряде форм указывает на корневое происхождение этих гласных, так как моделью внутренне-флективной огласовки они не обусловлены.

Наряду с этим в семитских языках встречаются и такие глаголы, в которых ', *µ*, *l* выступают в качестве реальных согласных во всех или в большинстве форм. Но характерно, что если какой-либо глагол, содержащий эти фонемы, выступает в одном семитохамитском языке в качестве «правильного» трехсогласного⁵², то в других он же может выступать в качестве «пустого» или «недостаточного», типа приведенных выше глаголов **kūn* и **bnī*, например: др.-евр., эфиоп. **sūb* 'кричать' — «правильный» глагол, но акк., араб., угар. **sīb* 'кричать' — «пустой»; сем. **tūt* 'умирать' — «пустой», но егип. **twt*⁵³ — «правильный» и т. п. Это указывает на вторичный характер подгонки двухсогласных корней под трехсогласную схему.

На наличие гласного в глагольном корне на первоначальной ступени развития семитохамитских языков, возможно,

⁵¹ Ср. др.-евр. перфект *kām* < **kāta* от мнимого «корня» **kūm*; закономерной формой от такого корня была бы **kōm* < **kāta* < **kaqata*.

⁵² В арабском от «недостаточных» глаголов образуются преимущественно «правильные» формы.

⁵³ Хотя и пишется, как правило, *tw*.

указывают и отдельные фонетически и семантически необъяснимые случаи незакономерной огласовки трехсогласных глагольных форм, противоречащие модели (так, переходный глагол в «старом перфективе» должен иметь огласовку типа *la-prus*, мы же встречаем отдельные формы типа *la-lmad*)⁵⁴.

С переменным характером огласовки основы в семитских языках связана устойчивость в них согласного состава и редкость комбинаторных изменений. В самом деле, если *ga давало бы, скажем, *ga*, *gi — скажем, *ji*, а *gu — скажем, *wi*, то различные формы от корня, содержащего *g, не ассоциировались бы, не связывались в систему, и тем самым была бы нарушена структура грамматических и лексических моделей. Поэтому в семитских языках древней и средней ступени⁵⁵, т. е. пока сохраняется общесемитская лексикограмматическая структура, таких комбинаторных изменений, как правило, не наблюдается (так, в классическом арабском *g>j*, но во всех случаях). Явление спирантизации взрывных в северо-семитских языках средней ступени было также вначале всеобщим; если, например, в древнееврейском оно наблюдается только после гласного, то во всяком случае пары *b/b* (или *v*), *g/g* (или *γ*), *d/d* (или *δ*), *p/p* (или *f*), *k/k* (или *χ*), *t/t* (или *θ, s*) не представляют собой отдельных фонем; с точки зрения фонологии существуют только *b, g, d, p, k, t*, в то время как *v, γ, δ, f, χ, θ (s)* являются только позиционными произносительными вариантами.

Для реконструкции характера семитохамитского корня очень интересны комбинаторные изменения, наблюдающиеся в древнеегипетском. Некоторые из них, относящиеся к именным и местоименным корням, не представляют ничего необычного [например, сем. *rħš* ‘мыть’ ~ егип. *rħt*, но сем. *karm* ‘виноградник’ ~ егип. *k'm*, сем. *karb* ‘внутренность’ ~ егип. *k'b*; сем. *li/as-ān-* ‘язык’ ~ егип. *ns (*las)*, но сем. *libb-* ‘сердце’ ~ егип. *ib (*ilbb- или *lubb-)*; сем. *-ka* ‘твой’ (м. р.) ~ егип. *-k*, но сем. *-ki* ‘твой’ (ж. р.) ~ егип. *-t*]. Однако нередко и в глагольных корнях одной семитской фонеме соответствуют две разные египетские (например, сем. *ħsb* ‘считать’ ~ егип. *ħsb*, но сем. *ħtm* ‘быть жарким’ ~ егип. *ħtm*), и это явление не может быть объяснено так просто. В самом деле, или оно означает, что семитская фонема *ħ* восходит к двум общесемитохамитским фонемам, которые дали в египетском соответ-

⁵⁴ Однако некоторые исследователи (Е. Курилович) рассматривают эту форму как медиальную, что, может быть, является более вероятным объяснением.

⁵⁵ Почти единственным исключением является ассимиляция *n* последующим согласным, а также различные изменения, вызванные выпадением «слабых» согласных *j* и *q* — явление, как мы видели выше, частично кажущееся.

ственно *ḥ* и *ḥ*, а в семитских совпади в *ḥ*, или же оно означает, что общесемитохамитский *ḥ* в египетском дает либо *ḥ*, либо *ḥ* в зависимости от комбинаторных условий. Первое предположение, по-видимому, не подтверждается сравнением с другими ветвями семитохамитских языков, не являющими никаких следов предполагаемой общесемитохамитской фонемы **ḥ*, и т. п. Считать же, что различие рефлекса одной и той же фонемы (например, общесемитского *ḥ* в египетских глагольных корнях *ḥsb* и *ḥmt*) объясняется комбинаторными условиями, можно только в том случае, если предполагать, что на каком-то этапе в египетском (как и ныне в хауса) огласовка первого слога глагольного корня не менялась в зависимости от grammaticalской формы, а была постоянной, и что поэтому в корне *ḥsb* во всех формах после *ḥ* следовал, скажем, гласный *a*, а в корне *ḥmt* — во всех формах, скажем, гласный *i*. Очевидно, это еще одно доказательство того, что первоначально семитохамитский гласный корень содержал не только согласные, но и гласный.

Большинство семитских глаголов, как указано, имеет три согласных в корне. Однако только два из них являются носителями основного значения. Наличие чередующихся корней с заменой одного (обычно первого или последнего) корневого согласного другим, а также семантически близких корней с двумя одинаковыми и одним переменным согласным является этому свидетельством [например, акк. *qa'bāl-* 'принести', *zabāl-* 'таскать', *nabāl-* 'носить', *tabāl-* 'доставлять', ср. от глагола *qa'bāl-*: *bil* 'принести', *bil-t-* 'принос, дань'; араб. *kaṭa'a* 'отрезал', *kaṭ(a)tā* 'разрезал', *katala* < **kaṭala* 'убил'; акк. *šalāl-* 'брать добычу, полон', араб. *salaba* < **šalaba* 'взял в добычу'; др.-евр. **gūr* 1) 'нападать', 2) 'уклоняться', **grī* в интенсивной форме 'подстрекать к битве', **grr* др.-евр. 'тащить', акк. 'бежать зигзагом', и т. п.]. Ср. также семитский глагольный корень *ḍld* 'рожать', 'родиться' с берб. (*ḍ*)*ul-t* 'дочь', чадск. центр. диал. (*ḍ*)*il(t)*, чадск. вост. *ḍil* 'ребенок'; согласного *d* здесь, возможно, никогда не было; ср. в египетском параллельные формы *š'* и *š'd* 'резать' и т. п. Таким образом, представляется вероятным, что первоначально семитский глагольный корень мог состоять из двух согласных и гласного.

Чрезвычайно сложен вопрос о происхождении третьего корневого согласного. В ряде случаев (в частности, в случае первого корневого *n*-) дело, несомненно, в лексикализации форманта; в других случаях третий корневой согласный является реликтом редупликации двухсогласного корня (весьма многочисленный тип так называемых *verba secundae geminatae*, например приводившиеся выше корни **gll*, **grr*, чередующиеся с **glb*, **gūr*). Весьма значительный процент трех-

согласных глагольных корней и практически все четырехгласные (кроме редуплицированных) содержат либо сонорные согласные *m*, *n*, *l*, *r*, либо *χ*, *l'* и поэтому, возможно, восходят к корням с двумя (или соответственно тремя) согласными и слогообразующим сонантам, функционально игравшим роль гласного. Но и это не исчерпывает всех случаев трехсогласия глагольного корня. Возможно, что и оставшиеся случаи объясняются наращением древних формантов — «определителей»; подобное явление наблюдается, в частности, в чадских языках, где формантный характер третьего корневого согласного в большинстве случаев еще достаточно ясен.

Переходя от семитского корня к корню в других семитохамитских языках, следует отметить, что картина здесь сильно смазана утерей целых рядов согласных. В этих языках встречается очень большое количество корней, по видимости двухсогласных и даже односогласных как в имени, так и в глаголе. Но по крайней мере в египетском и бербероливийском соотношение численности двухсогласных и трехсогласных корней, вероятно, было первоначально примерно таким же, как в семитских языках. Так, в берберском в ряде случаев происходит вокализация (теоретических) согласных *χ*, *l*, отпадение согласных 8—10 рядов и т. п., что дает картину мнимого двухсогласия корня: **haguggar* > **əguggər* > *guggər* 'опоясывать' (корень **hgr*, а не **gr*, глагольная форма с удвоением второго корневого согласного, а не первого); *əndu* 'сбивать масло' (корень **ndχ // ndū*, ср. акк. корень **ndl* 'бросать'); *ələm* 'кожа' (корень **ilm*), *alt* 'подниматься' (корень **'lχ // 'l̥*).

Сложнее обстоит дело с кушитскими и особенно с чадскими языками. В кушитских языках мало трехсогласных глагольных корней, которые нельзя было бы возвести к заимствованиям из семитских языков. Хотя система согласных здесь очень обеднена, все же не представляется вероятным, чтобы такое обеднение привело к почти полному исчезновению трехсогласных корней. Новосемитские языки, даже испытавшие сильнейшее видоизменение древней фонологической системы, как, например, мальтийский или новосирийский («новоассирийский»), все же дают картину сохранения трехсогласия в большинстве глагольных корней, и нет причин полагать, что в кушитских, если в них первоначально господствовал трехсогласный глагольный корень, картина должна быть иной.

В чадских также весьма распространены двухсогласные корни, причем здесь, несмотря на наличие внутренней гласной флексии (впрочем, далеко не столь широко применяемой, как в других семитохамитских языках), как правило, можно выделить корневой гласный как в именных, так и в глаголь-

ных корнях. Хотя в историческом плане чадские языки почти не исследовались, нам все же представляется, что структура чадского глагольного корня (двухсогласного с постоянным гласным) является чертой архаичной. Возможно, что система с преобладанием трехсогласного глагольного корня и полным вытеснением в нем корневого гласного внутренней флексией возобладала полностью в берберо-ливийской и семитской ветвях, затем (может быть, не на самом древнем этапе) в египетской, но не в кушитской и чадской; впрочем, как уже указывалось, и в первых трех ветвях есть много глаголов с корнями, содержащими два согласных и гласный.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Большое своеобразие являются семитохамитские языки в области словообразования. Словосложение (кроме отдельных случаев редупликации и образования весьма редких четырех- и пятисогласных глагольных корней) практически чуждо семитохамитским языкам. Более распространена аффиксация, однако и число продуктивных аффиксов в исторически за- свидетельствованных языках чрезвычайно ограничено (относительный суффикс *-i-*, *-āl-* // *-aca*⁵⁸, конкретизирующее-индивидуализирующий суффикс *-ān-*, *-āt-*, суффиксы *-t-* и *-u-* с их вариантами, о которых еще пойдет речь ниже, и префиксы местоименного происхождения — *sa-*, *ta-*, *la-*, *na-*). Весьма распространены лексикализованные устойчивые словосочетания типа акк. *tār 'imtāni* 'сын ремесленника' → 'лицо, принадлежащее к коллективу ремесленников', араб. *fi (a)l-kar-nā'i* 'обладатель двух рогов' → 'двурогий', *'abu (a)n-paṣṭi* 'отец сна' → 'мак', хауса *d'a-n kunc'e* 'сын борьбы' → 'боец', *abi-n-o'i* 'вещь ядения' → 'пища', и т. п.

Но основным типом словообразования (как и формообразования, особенно в глаголе) является образование именных и глагольных основ при помощи внутренней гласной флексии, иногда в сочетании с аффиксацией (преимущественно префиксацией). При этом существуют определенные модели огласовок; каждая имеет определенную семантику^{58a}. Так, в семитских языках (примеры из аккадского; аналогично и в остальных):

Модель *pars-*: продукт или результат действия.

Модель *pirs-*: понятие, связанное с глагольным действием.

Модель *parās-*: название действия.

⁵⁸ Ср. относительный суффикс *-āu-* > *-ā* в кушитских языках, применяемый, в частности, для образования причастий и имен действия, имена действия в хауса на *-ua* и т. п. с общесемитохамитскими относительными суффиксами *-ał-*, *-i-* > *-i*, а также чередование *u* // *i* в семитохамитских языках также и в других случаях.

^{58a} Подробно см.: J. Kuryłowicz, *L'apophonie en sémitique...*

Модель *pāris*-: причастие действия.

Модель *parrās*-: название профессии.

Модель *parrus*-: имя действия или наступившего состояния, или причастие наступившего состояния фактитивного глагола.

Модель *ta-prīs*,(-*t*-): имя действия фактитивного глагола.

Модель *ta-pras*, *ma-pris*: название места и орудия действия и т. п.

Число подобных моделей весьма велико. Существование их обуславливает необходимость в устойчивости согласного костяка: комбинаторные изменения согласных в различных условиях, возникающих лишь в той или иной определенной группе моделей, привели бы к утере семантической корреляции между моделями: это обстоятельство функционального порядка, как уже указывалось, и определяет в семитских языках либо устойчивость согласного состава, либо фонетические изменения типа сдвига рядов, охватывающие соответственные согласные фонемы в любой позиции, и редкость частных позиционных комбинаторных изменений согласных. Последние изменения наступают, как правило, лишь на новой ступени, в связи с далеко зашедшем изменением всей грамматической структуры языка.

При образовании этих моделей огромную роль, вероятно, играл процесс инфиксации былых суффиксов. В некоторых, правда немногих, случаях это можно показать. Так, общесemitской модели причастий **pāris*- с инфиксированным *-l*- в кушитских (и даже в пределах семитской ветви — в эфиопском) соответствует причастие с суффиксированным относительным показателем *-i* <-i<-i⁵⁷: бед. *fādg-i* от *fēdig*, др.-егип., вероятно, *sxd̥xmti*^x-(где *x* — неизвестный гласный), эфиоп. **parāsī*⁵⁷. По-видимому, первоначально чередование гласных затрагивало только второй слог глагольной основы.

К сожалению, отсутствие огласовки в древнеегипетских текстах обычно не позволяет установить наличие подобных моделей в египетской ветви, однако, судя по косвенным данным, в ней господствовал тот же принцип словообразования, хотя система моделей имен, различающихся по огласовке, не была столь развита. То же, по-видимому, верно в отношении языков берbero-ливийской и кушитской ветвей, хотя в этих языках новой ступени стройная система моделей огласовки, конечно, уже и не может быть прослежена так явственно⁵⁸.

⁵⁷ Ср. также имена места и орудия, образуемые в хауса по модели *ta-biḍ-i* 'ключ' (от *biḍ'a* 'открывать'), а в семитских, наряду с моделью *ta-pras*, также по модели *ta-pris*- (< **ma-pras-i*-?).

⁵⁸ Ср. однако: егип. *m-ḥ'-t* 'весы' (от *ḥ'* 'мерить'), *m-sdr* 'ухо' (от *sdr* 'спать'); берб. *ta-ḍqur-t* 'дверь' (от *ḍqer* 'закрывать'), *a-ḍla* 'воров-

Иное положение в чадских языках. Внутренняя флексия здесь (по крайней мере в хауса) практически не играет словообразовательной роли. Зато, помимо создания устойчивых словосочетаний, большую роль играет редупликация и аффиксация. Большинство аффиксов, если не считать некоторого числа заимствованных из соседних языков, имеет общесемитохамитское происхождение. Таковы относительные суффиксы *-l*, *la*, *-a_и*, *-u_и*, абстрактные суффиксы *-(n)ti*, *-(n)ta* и префиксы *ta-*, *ta-l-*.

Префикс *ta-l-* в хауса представляет большой интерес, так как стоит на грани морфемы и лексемы. Действительно, он может присоединяться не только к именной основе, но и к целому устойчивому словосочетанию (*ta-l-hankali* 'умный' при *hankali* 'ум'; *ta-l-baki-n kai* 'невежественный' при *baki* 'темный' и *kai* 'голова'). При этом сам префикс состоит из демонстративной части *ta-* (в этой форме префикс присоединяется к глагольной основе) и личного местоимения 3-го лица единственного числа; поэтому во множественном числе *ta-su-hankali*. Это типологически архаическая черта, так как данный префикс связан с общесемитохамитским же местоимением **mād*⁵⁹, и в то же время наблюдается в большинстве других семитохамитских языков. Трудно представить себе, чтобы местоимение, уже в общесемитохамитских диалектах превратившись в формант, затем вторично лексикализовалось в хауса.

Префикс *ta(-i)-* применяется в хауса для образования прилагательных, причастий, абстрактных имен, а также имен, обозначающих место и орудие (в последних трех употреблениях — в сочетании с относительным суффиксом *-i*). Примерно такова же функция префиксов *ta-*, *ti-*, *t-* и в других языках, где они, вероятно, возникли раньше, но сходным путем.

ство' [от *a_иl(ə)l* 'воровать', ср. *a_иel* 'похищать'], *a-tə-kṣa(и)* 'пастух' (от *ekṣi* 'части'), *a-nəbbal* 'могильщик' (от *ənbəl* 'погребать'); бед, *fādgī* (причастие от *fedig* 'оставлять', 'разводиться'), *fakkī* (причастие от *fe-kik* 'открывать'), *dān* 'начало' (от *din* 'начинать'), *ta-dir*, *ta-dēr* 'убийство' (от *dir* 'убивать'), *te-mhag* 'подметание', 'метла' (от *tehag* 'мести'). В египетском известны также изменения огласовки основы и даже метатезы, обусловленные, видимо, ударением, а также закрытым или открытым характером слова. Возможно, это было одним из путей возникновения различных моделей огласовок, и указывает на изменчивый характер огласовки не только в семитских языках, но и в древнеегипетском: *sn(-w)* 'брать', читать **san(-u)* > копт. *son*; *sn-i* 'сестра', читать **sān-at-* > копт. *əbne*; *bin* 'плохой', читать **bā'in-*, **bā'lin-* > копт. *bōbn*; *bin-t* (ж. р.), читать **ba'n-at* > копт. *boone*; *h'f-w* 'змей', читать **ha'f-a_и* > копт. *hof*; *h'f'-t* 'змея', читать *h'afā'-at* > копт. *hjōb*, и т. п.

⁵⁹ Объяснение Н. В. Юшманова, согласно которому *ta-* является здесь хаусанским предлогом дательного падежа, кажется мне в свете аналогий из других семитохамитских языков менее вероятным.

Из приводимого ниже раздела о местоимениях будет видно, что не только *ta-*, но также *s(a)-*, *la-*, *n(a)-* являются самыми распространенными основами местоимений (указательных и личных местоимений 3-го лица); местоименно-классный характер имеет и элемент *t(a)-*. Таким образом, как это видно на примере чадского словообразовательного префикса *ta(-l)-*, все семитохамитские типы префиксального словообразования восходят к устойчивым словосочетаниям типа араб. *đī (a)l-karnađni* 'двурогий', где первым элементом словосочетания является указательное местоимение⁶⁰.

Таким образом, в отношении типа корне- и словообразования семитская, берберо-ливийская и египетская ветви противостоят периферийной чадской, как сохранившей многие значительно более архаичные явления; кушитская ветвь, видимо, занимает промежуточное положение.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ

О степени близости лексического состава отдельных ветвей семитохамитской семьи можно судить по приводимой ниже табл. 3⁶¹.

Как показывает анализ этой таблицы, представляющей весьма неполные данные по отдельным языкам (в особенности по кушитским), любая ветвь семитохамитских языков дает наибольшее число сближений с семитской, затем с чадской, затем с берберской и кушитской и меньше всего с египетской. Эта картина указывает на то, что число сбли-

⁶⁰ Любопытно, что и в арабском языке *đī* лишь вторично воспринимается как имя — «обладатель» (так как встречается в подобных словосочетаниях), этимологически же оно является указательным местоимением.

⁶¹ Материал приводится в основном по Дж. Гринбергу (J. H. Greenberg, *Studies in African Linguistic Classification*, New Haven, 1955) и М. Коэну (M. Cohen, *Essai comparatif...*). Отобранные слова, выявленные этими исследователями не менее чем в трех ветвях семитохамитской семьи, при этом из семитских — преимущественно общесемитские, для берберо-ливийских — также преимущественно общеберберские, а из слов, встречающихся только в определенной группе диалектов, главным образом из языка тамашек, наиболее изученного и в то же время, по-видимому, лексически наиболее архаичного. Для чадской ветви привлечены слова, встречающиеся не менее чем в двух группах диалектов по Дж. Гринбергу; приводится форма какого-либо одного диалекта, но название его не дается, а указывается только группа, к которой принадлежит диалект: «з(ападная)» (1-я группа), «ц(ентральная)» (2-я группа), «в(осточная)» (9-я группа), «ю(жные)» (прочие группы). Буква «х» означает «хауса». К сожалению, лексика хауса, наиболее исследованного чадского языка, не наилучшим образом приспособлена для сравнения, так как наводнена заимствованными словами. 2-я и 9-я группы, по-видимому, в фонетическом и лексическом отношении наиболее архаичны.

Таблица 3

Образцы общесемитохамитской лексики

Наки- ки Эна- че- ние	Семитские	Египетский	Берbero-ливийские	Кушитские	Чадские
отец	* <i>ab-</i> (акк. <i>abb-<i>u</i></i>)	' <i>b-t</i> 'семья'	<i>ibba, abba</i>	aray <i>abba</i> , сом. <i>abba</i>	x. 'iba
мать	* <i>imn-</i>	<i>mw-t</i> , конт. <i>taau</i>	<i>imma</i> , лив.-нум. <i>m-t</i>		x. 'ima (диал. 'im- ma — займств.?)
брать		<i>sn</i> , конт. <i>son</i>		бед. <i>sun</i>	B. <i>sen</i>
мужчина (муж.)	* <i>mu-i-</i>	* <i>mt(?)</i>			x. <i>mutum</i>
рог	* <i>p-</i> ; арам. <i>p-itt-</i> ; араb. <i>f-am-</i> , акк., др.-евр. <i>p-ān-</i> 'ли- цо', (ср. 'нос')	<i>fn̄d</i> 'нос'	- <i>fn̄</i> , - <i>n̄f</i> 'морда', 'лицо', общечум. <i>af</i>		x. ' <i>aʃi</i> 'глотка', 'кусок', з. ро 'рог', ю. <i>fat</i>
губа	* <i>śap-t-</i>	<i>spt</i>			x. <i>lebe</i> (сюда ли? ср. аналогичные слова в других африканских и прочих языках)
язык	* <i>li/aš-ān-</i>	<i>ns</i> , конт. <i>las</i>	<i>i-ls</i>		x. * <i>ha-lsi</i> , в. <i>lis</i>

Таблица 3 (продолжение)

Язы- ки Зна- че- ние	Семитские	Египетский	Берберо-ливийские	Кушитские	Чадские
зуб	*šinn-	sn 'острого'	там. <i>zin</i> ; пильх <i>a-sennan</i> 'шип'		в. <i>sen</i> , <i>sinqay</i> , ц. <i>sannai</i> (некото- рые из этих форм, возможно, — мн. число)
глаз	.	<i>i-r-t</i>		сом. <i>il</i>	ц. <i>il</i>
сердце	*iħb-	<i>iħ</i>	<i>ul</i> < *vih < *ib, *iħb(?)	кафра <i>nħħo</i> галла <i>labb</i>	ю. <i>nħħ/u</i> , ц. <i>nħu</i>
кость		<i>k:s</i>	<i>i-γəs</i>		х. <i>fas(i)</i>
нога	*šūk- 'бедро' (со- да ли?)		зап. <i>ta-zay-t</i> 'нога'	бед. <i>suknā</i> , агай <i>zagħana</i> 'стуни' и т. п.	з. *seke 'нога'
ноготь	*iħpr-		там. <i>a-tħar</i>	агай <i>xiżżeq</i>	
нога, слеп		*rdi 'бронить', 'точ- тать', 'гнать' и т. п. *ruð 'бродить' и т. п.	<i>rd</i> , конт. <i>rat</i> 'нога'		бед. <i>rād</i> 'слеп'

Таблица 3 (продолжение)

Языки Энчи- чес- ные	Семитские	Египетский	Берbero-ливийские	Кушитские	Чадские
вода	* <i>māš-</i> - мн. ч.; ср. <i>iam-</i> 'море'	во <i>m(y)-w</i> 'воды', копт. <i>moi</i> ; ср. <i>im</i> 'море' (за- имств.)	<i>a-ma-n</i> 'воды'	бед. <i>jam</i> 'вода', сом. <i>tañ</i> 'течь', <i>m-ñ</i> 'море'	з. 'am', в. 'ame' ю. <i>jam</i> 'вода'
день			<i>a-ss</i>	<i>m̄buñ aži</i>	п. <i>s̄e</i>
вечер	акк. <i>maš-</i> 'ночь', араб. <i>masa(i)-</i> 'вечер'	<i>msw-t</i> 'ужин' (или от корня * <i>sw?</i>)	<i>əns</i> 'ночевать'	бед. <i>atmas</i> 'вечер'	
собака	* <i>kal-b-</i>			сахо <i>kare</i> , воламо <i>kana</i>	х. <i>kare</i> , ц. <i>kele(y)</i>
баран, яг- ненок	* <i>kar-r-</i> 'ягненок'	<i>r</i> 'детеныш'	<i>i-karri, i-kru</i> 'баран'		
газель	акк. <i>mai-ñ-</i> 'гавели'			бед. <i>nai</i> 'коя'	
скот	* <i>la'-ñ-</i> 'дикая ко- рова'			сахо <i>lā</i> , сом. <i>lā</i> , аграй <i>lañ</i> 'скот'	в. <i>la</i> 'скот' з. <i>lo</i> 'мясо'
	* <i>śa'-ñ-</i> 'овца или ко- зьи' (мн. ч. <i>śa'n-</i>)		там. <i>əsi</i> 'скотина'	бед. <i>śā</i> м. п. 'ско- тина', 'корова', ж. п. 'мясо', сом. <i>śā</i> 'скотина' (мн. ч. <i>łā</i>)	х. <i>śā</i> 'бык' в. <i>śi</i> 'мясо'

Таблица 3 (продолжение)

Нам- ки Зна- че- ние	Семитские	Египетский	Берберо-ливийские	Кушитские	Чадские
плод	*piri-	pr-t 'плод'		бед. <i>liri</i> 'произво- дить, потомство', 'расцветать'	
моча	*tsin- (сюда ли?)	wss, wšš 'мочиться'	a-ṣṣa 'моча'	бед. (<i>h)ūṣa</i> 'моча'	х. <i>sar-ki</i> (сюда ли?)
царь, вождь	*šarr-	sr			х. <i>sar-ki</i> (сюда ли?)
имя	*ši/um-		i-sam (занимств.?)	бед. <i>sim</i> 'имя'; se- <i>ti</i> 'называть'	з. <i>sim</i> , ц. <i>sumto</i> , х. <i>sūnā</i>
рождать- (ся)	*yld		uL-t 'дочь', лив.-нуум. w- (< *yka/l/>) 'сын', uL-t 'дочь'		ц. <i>uL</i> , в. <i>uL</i> 'ребе- нок'
сосать	*ink	s-nk		сом. <i>aug</i>	
ливать	*lk̥k//lkt		ellər	бед. <i>lak</i> , ср. агай <i>lərk̥i</i> 'янтарь'	
есть	*sii 'пить' (сюда ли?)		atš, интенс. <i>ta-tt</i>	бед. <i>tisi</i>	х. * <i>ti</i>

Таблица 3 (продолжение)

Наки ки	Семитские	Египетский	Берbero-ливийские	Кушитские	Чадские
Зна- че- ние					
глотать	* <i>t'm</i> 'глотать', 'вкушать'			сахо <i>t'a'am</i> (заимств.?) 'глотать', бед. <i>tam</i> 'есть'	х. <i>dən-dəna</i> 'пробовать',
пить		' <i>m</i> 'глотать'			
		<i>zwr</i> (сюда ли?)	<i>su(y)</i>	бед. <i>əm</i> 'поесть', сом. <i>'an</i> 'есть'	в. <i>suya</i>
совокуп- ляться	* <i>nīk</i>	<i>nk</i>	там. <i>ənki</i>		
зачинать	* <i>hr̩/ū</i> 'быть беременной' (⟨ * <i>r̩ū?</i>)	<i>iwr</i> 'зачинать'	<i>aru</i> 'рожать'	бед. <i>nēkət</i> 'беременность'	
умирать	* <i>mūt</i>	<i>mwt</i> ¹ , конт. <i>tu</i>	<i>əmmat</i> (имперфектив <i>i-mmt</i>)	бед. <i>ətər</i> 'ребенок', 'сын'	х. <i>'arrəy</i> 'ребенок' (сомнит.)
быть	* <i>h₂ūi</i> , * <i>h₁i</i>	<i>iw</i> (сюда ли?)	<i>ək//ihi</i> (скола ли? — или из * <i>iisi?</i>)	бед. <i>hāj</i> , <i>fāj</i> сом. <i>haj</i>	
		<i>wnn</i>		сахо <i>na</i>	х. <i>nā</i>

Таблица 3 (продолжение)

Языки	Семитские	Египетский	Берберо-ливийские	Кушитские	Чадские
Значение					
быть	* <i>kūn</i> 'быть постоянно- ним', араб. 'быть'		<i>əkən</i> 'устраивать'	aray <i>kūn</i> 'быть', 'существовать'	x. <i>kun</i> 'иметь обыкновение'
делать(ся)	акк. * <i>μṛi</i> 'отправ- лять', (сюда ли?) <i>lli</i>	<i>iṛy</i> , конт. санд. <i>ire</i> , конт. фракт. <i>lli</i>	<i>ili</i> 'быть'	сом. *- <i>l</i> бед. <i>χət</i> (сюда ли?)	x. <i>ič</i> 'делать' (сюда ли?)
делать	* <i>ʃl</i>		<i>asi</i> 'брать'	сидамо <i>az</i> 'делать'	x. <i>za</i> 'кастить', 'по- буждать'
строить	* <i>bni</i>		<i>əbna</i> (неровято за- имств.)	сидамо <i>min</i>	з. <i>bin</i> 'дом', в. <i>be- ni</i> 'строить'
входить	* <i>bu</i> , * <i>bā</i>	<i>bw</i> 'место'		бед. <i>bāi</i> , «галла» <i>bā</i>	общечадск. <i>ba(i)</i> 'идти'
приходитъ	араб. 'qād' 'отправ- ляться за' (со- да ли?)	<i>tw/y</i> , конт. <i>t</i>	там. <i>aṭu</i>	бед. <i>ti</i>	
поднимат- ся	* <i>ll</i>	<i>iṛ</i> , <i>ry</i> , конт. <i>ale</i>	<i>ali</i>		сахо 'al' 'высокий', 'вершина', 'al' 'гора'

Таблица 3 (продолжение)

Языки Эна- че- ние	Семитские	Египетский	Берберо-ливийские	Кушитские	Чадские
кончать	* <i>tmm</i>	<i>tmm</i> 'кончать', 'закрывать'		бед., агай <i>tim</i> 'мол- чать' (сюда ли?)	
сохнуть, гореть (от жара или хо- лода)	* <i>krt</i> 'коченеть', 'мерзнуть', 'сохнуть'	<i>krt</i> 'обжигать'	<i>iγar</i> 'быть сухим' (квадилатив) (ср. <i>kətig-ət</i> 'гореть')		
звать	* <i>kṛ'</i>		<i>γer</i>		x. <i>kira</i> (сюда ли?)
слышать	* <i>šm'</i>	<i>šdm</i> (сюда ли?)			ц. <i>samat</i> 'ухо'
быть хо- рошими, краси- выми		<i>nfr</i> (< * <i>n-fi?</i>)	там. <i>i-frar</i>	бед. <i>nefir</i> 'быть приятным', по- лучать удоволь- ствие'	
знать	араб. <i>yaħa-</i> 'идти'; ю.-пер. ю.-вой) знак'	* <i>wsn</i> , демот. <i>swn</i> , коит. <i>soqñ</i>	* <i>assn</i> (корень <i>*wṣn</i> < * <i>swn?</i>)		x. <i>sani</i> , * <i>sina</i> , π. <i>sen</i>
черный	* <i>tlm</i> 'быть темным, черным'			бед. <i>dusjata</i> , агай <i>čalam</i>	ц. <i>c'illim</i>

Таблица 3 (продолжение)

Языки	Семитские	Египетский	Берbero-ливийские	Кушитские	Чадские
Значение					
желтый, зеленый	* <i>χarg-</i>	<i>i'k-t</i> ‘чеснок’, ‘овощ’	<i>i-χra'</i> ‘быть’ (квалификатив)		
правый	* <i>janin-</i> ‘правый’, ‘южный’	<i>imn</i> ‘правая сто- рона’, ‘запад’			x. <i>jamta</i> ‘запад’
два	* <i>tn</i>	<i>sn</i>	<i>sin</i>		
четыре		<i>i-fdw</i> , конт. <i>ftou</i>		бед. <i>fadiq</i> (< *sa- <i>dig?</i> , сюда ли?), каффично <i>aχda</i> (сюда ли?)	x. <i>fufu</i>
шесть	* <i>śidt-</i>	<i>sis < srs</i> (сю- да ли?) ,	* <i>sids</i>		x. * <i>sidda</i>
семь	* <i>stb-</i>	<i>sṭb</i> (сюда ли?)	<i>sa'</i> (< * <i>sah'</i> < * <i>sab'-z-</i>)		
восемь	<i>lamān-i-</i>	<i>ḥmnw</i> (сюда ли?)	<i>tam</i> (< * <i>tamn?</i>)		

жений до известной степени является функцией изученности словаря соответствующих языков: действительно, наиболее изучены семитские языки, наименее — кушитские. Правда, хорошо изученный египетский язык дает наименьшее число сближений; это отчасти объясняется значительными фонетическими изменениями в египетском, делающими рефлексы недостаточно очевидными, но отчасти, вероятно, указывает на известную изолированность египетского, что подтверждается и грамматическими данными. Сравнительно большое число чадско-кушитских сближений также вряд ли случайно, поскольку кушитский словарь изучен довольно слабо.

Но при современном состоянии семитохамитского языкоznания не всегда легко отличить заимствования из арабского и других семитских языков от общесемитохамитского материала. Мы надеемся, что проявили достаточную осторожность при отборе материала для нашей таблицы.

Помимо приведенных в ней, имеется еще немало слов основного словарного фонда, встречающихся только в двух ветвях семитохамитской семьи. Приведем несколько примеров.

Семитские и берберо-ливийские⁶²:

(арам.)** <i>z̥l</i> '(у)ходить'	<i>azzəl</i> 'бежать'
* <i>dam-</i> 'кровь'	<i>i-damm-ən</i> (plurale tantum) 'кровь'
* <i>gll</i> 'катиться', * <i>galgal-</i> 'ко- лесо'	<i>gələllət</i> 'быть круглым'
* <i>gūr</i> , * <i>grī</i> 'нападать', 'под- стрекать к битве'	<i>əgru</i> , <i>əgər</i> 'выпускать', 'бро- сать'
(араб.) <i>kaik-at-</i> 'яйцо'	<i>tə-kaki-t</i> 'яйцо' (заимствов.?)
* <i>lmd</i> 'учиться', 'узнавать'	(там.) <i>əlməd</i> 'научиться', 'по- нять', 'читать'

⁶² В качестве примеров приводятся преимущественно глагольные корни. Это объясняется тем, что общеберберские материалы по имени не собраны, в то время как по глаголу имеется капитальная монография А. Basset, *La langue berbère. Morphologie. Le verbe. Étude de thèmes*, Paris, 1929. За основную глагольную форму для берберского принято брать императив. К сожалению, прекрасный труд А. Бассэ дает не всегда четкую классификацию берберских глаголов, например: образование трехогласного корня путем редупликации одного из корневых согласных (*əbdəd* 'стоять' и т. п.) рассматривается в одном плане с редупликацией как средством образования глагольных пород (*əlli* 'подвешивать' при *ali* 'подыматься'; *əmigəmī* 'требовать в разных местах' при *əgmī* 'искать'); морфологическое чередование гласных (перфектив *i-azu*, импорфектив *i-ila*) рассматривается в том же плане, что и появление дополнительных гласных, являющиеся, видимо, результатом вокализации сонантов *ʃ* и *χ* и отпадения согласных рядов 8—10 (*ali* < **alI* и т. п.), и что появление дополнительных гласных в некоторых глагольных породах [*yāim* < **kāləm*,ср. араб. *kātala*; *agdəħ* < **ha-gdi/as(?)*,ср. араб. *'a-kṭala*, и т. п].

* <i>mgr</i> 'падать', 'кидать' (арам.); 'отбрасывать', 'отпускать' (др.-евр.); 'проявлять милосердие' (акк.)	<i>əmger</i> 'жать', 'сжинать'
* <i>m/nfl</i> 'сгибаться', 'вытягиваться'	<i>əm/pdu</i> 'бросать(ся)', 'прыгать'
* <i>ndr</i> 'рычать', 'гневаться' (акк.); 'обещать' (др.-евр., арам.)	<i>əndər</i> 'стонать'
(акк.) * <i>ndl</i> 'класть', 'бросать'	
* <i>nzk</i> 'терпеть вред'	
* <i>prs</i> 'разрезать', 'разделять'	
* <i>kūt</i> 'стоять', 'вставать'	
* <i>rgm</i> 'забрасывать камнями', 'проклинать'; 'кричать', 'читать', 'гриметь' (акк.)	
* <i>r'l</i> 'хотеть', 'желать' ⁶⁴	
* <i>tiš</i> - 'девять'	
	<i>əndi</i> 'сбивать масло', <i>ənd</i> 'кастрировать' ⁶⁵
	<i>əŋzəy</i> 'быть погубленным, поврежденным'
	(там.) <i>əfrəs</i> 'срезать, жать (хлеб)'
	<i>γaʃt</i> (< * <i>kāiət</i> , порода А, см. ниже) 'оставаться'
	<i>ərgət</i> 'вредить'
	<i>iri</i> 'хотеть'
	<i>təzza</i> < * <i>tis'a</i> и др.

Семитские и египетский:

* <i>uðn</i> 'ухо'	<i>idn</i> 'ухо' (вытесняется словом <i>msdr</i> , образованным по типу * <i>ma-pra/is-</i> от глагола <i>sdr</i>)
* <i>hmt</i> 'быть жарким'	<i>ħmt</i> 'быть жарким'
* <i>ħsb</i> 'считать'	<i>ħsb</i> 'считать'
* <i>marr-</i> 'мотыга'	<i>mr</i> 'мотыга'
* <i>aʃn-</i> 'глаз'	'(y)n' 'глаз' (вытеснено словом <i>ir-t</i>)
* <i>karb-</i> 'внутренность'	<i>k'b</i> 'внутренность'
* <i>šatt-</i> 'трава'	<i>sm</i> , (конт.) <i>sim</i> 'растение'
* <i>zyr</i> , * <i>syg</i> 'быть малым'	<i>z'</i> 'сын' и др.

Семитские и кушитские:

* <i>mħš</i> 'быть'	(агау) <i>maħaç</i> 'быть'
* <i>škī</i> 'поить'	(агау) <i>sekī</i> 'пить'
* <i>ṭll</i> 'давать тень'	(агау) <i>ċ'alal</i> 'давать тень' и др.

⁶³ Ср. русск. «кладеный баран».

⁶⁴ Если только не из **rfl?*

Семитские и чадские:

* <i>wšn</i> 'спать', * <i>šin-t-</i> 'сон',
* <i>šun-t-</i> 'сновидение'	(п.) <i>wisan</i> 'спать', <i>sun</i> 'сон'
* <i>šamā'/l-</i> 'небо'	(х.) <i>sama</i> 'сверху', (п.) 'дождь'
и др.

Египетский и берберо-ливийские:

<i>inm</i> 'кожа'	<i>iləm</i> , <i>ələm</i> 'кожа'
<i>d'd'-t</i> 'собрание', первона-
чально 'круг' (< * <i>girgir-t-</i>
или * <i>gurgur-t</i>)	<i>a-grur</i> 'круг из камней'; (риф.)
<i>a-grau</i> 'собрание'
<i>fsy</i> 'обжигать', 'жарить'	<i>əfsi</i> 'растопляться'
<i>gty</i> 'находитъ'	<i>əgti</i> 'искать'
<i>mr-t</i> 'подбородок', 'борода'	<i>ta-mar-t</i> 'подбородок', 'бо-
рода'
<i>wnš</i> 'волк'	<i>uššən</i> 'шакал' и др.

Египетский и кушитские:

' <i>by</i> 'пантера'	(агау) <i>libā</i> 'пантера'
<i>bl</i> 'металл'	(сахо) <i>birta</i> 'железо'
<i>ib</i> 'козочка', 'козленок'	(бед.) <i>ab</i> 'коза'
<i>ntr</i> (* <i>nātir-</i> ?) 'бог'	(агау) <i>inkerā</i> 'душа', 'дух' и
др.

Египетский и чадские:

<i>mry</i> 'любить'	(х.) <i>marmari</i> 'желание' и др.

Кушитские и чадские:

(агау, диал. хамир) <i>bir</i> , (сом.)
<i>bilō</i> 'кровь'	(в.) <i>bari</i> , ю. <i>bell</i> 'кровь'
(агау, диал. хамир) <i>dirba</i> ,
(агау) <i>danbi</i> , (сом.) <i>dambo</i>
'спина'	(ю.) <i>deba</i> 'спина' ⁶⁵
(агау) <i>gabā</i> , (бед.) <i>gäb</i> 'бли-
зко, у'	(х.) <i>gabā</i> 'перед, в присут-
ствии'
(каффа) <i>kurō</i> , (сахо) <i>okalo</i>
'осел'	(з., п.) <i>kogo</i> 'осел', (ю.)
<i>kuro-ta</i> 'ослица' (?)
(гимирра зап.) <i>taʃn</i> , (сидамо)
<i>men-ti</i> , (гелеба вост.) <i>minne</i>
'женщина'	(з.) <i>men</i> , (ю.) <i>min</i> , <i>muni</i>
'жена'
(агау, диал. хамир) <i>esiy</i> ,
(ч'ара зап.) <i>sinan</i> , (сом.)
<i>san</i> 'нос'	(п.) <i>siŋ</i> , (ю.) <i>asin-n</i> 'нос' и
др.

⁶⁵ Ср. араб. *dbr* 'быть позади', *dabr-* 'спина', 'зад'? (М. Коэн).

Берберские и чадские:

<i>a-gaṣa</i> 'голова'	(х.) <i>kaṛ</i> 'голова' (сюда ли?)
<i>səm̥tɪd</i> 'холоден' (квалитатив)	(д.) <i>simmade</i> , (ю.) <i>sem̥mia</i> , <i>simer</i> 'холод', 'ветер' ⁶⁶ и др.

В целом можно сказать, что в лексическом отношении все пять ветвей довольно самостоятельны; хотя они сохраняют достаточно слов общего фонда, чтобы можно было заключить об их общем происхождении, однако они, очевидно, разошлись очень давно. Берберская ветвь, пожалуй, ближе других к семитской; кушитские языки, видимо, представляют собой посредствующее звено между чадской ветвью и остальными.

Учитывая значительное фонетическое развитие по отдельным языкам, следует отметить, что все же в довольно многих случаях наблюдается сохранение не только согласного костяка, но и огласовки первичных имен в различных ветвях. Показательно также, что общими для наибольшего числа ветвей являются, как правило, двухсогласные корни.

⁶⁶ Сюда ли сем. *ṣm̥t* 'ускользать', 'выпускать', 'пропускать'? (Дж. Гринберг).

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

Характерной чертой всех семитохамитских языков является наличие двух грамматических родов. Этой черте в свое время придавалось преувеличение значение главного дифференциального признака; на основании его К. Мейнхоф относил к «хамитским» все языки Африки с наличием родов. Правда, целью работ К. Мейнхофа было не столько собственно лингвистическое исследование, сколько попытки выявления мнимых следов европеоидо-средиземноморской «расы господ» в Африке, и поэтому он не достаточно строго применял лингвистические методы. Однако его выводы считались долгое время весьма авторитетными. Тем не менее, очевидно, что такая чисто типологическая и к тому же довольно второстепенная черта, как наличие грамматических родов, отнюдь не может считаться признаком генетического родства, что на материале языков Африки и было очень наглядно показано Дж. Гринбергом¹.

К тому же известно, что в семитских языках выявляются следы более старой многоклассной системы². Но если соответ-

1 J. H. Greenberg, *Studies in African Linguistic Classification...*

2 Например: а) -b — показатель класса диких и вредных животных: **arn-ab* 'заяц', **dub-b-* 'медведь', **di'-b-* 'волк', **dub-āb-* 'кусачая муха', **kal-b-* 'собака' (первоначально, очевидно, дикая), **lab-b-* 'лев', **akr-ab* 'скorpion', **ta'l-ab-* 'лисица', 'шакал', ср. семитский вариант **lu'āl-* 'лисица' и кущ. *kana*, *kare*, чадск. *kare*, *kale* 'собака'; б) -r/-l — показатель класса производственных животных (объектов скотоводства и охоты): **imm-ar-* 'баран', **bak-ar-* 'рогатый скот', **hi/am-ār-* 'осел', **kar-r-* 'ягненок' (первичная огласовка сомнительна: акк. *kirr-* могло бы означать *kerr- < *karr-*, ср. др.-евр. *kar < *karr-*, но егип. *t'* указывает на египетскую огласовку **kir-*), **lab-r-* (и **rab-l-*) 'овца', **aʃ-r-* 'осленок', **taq-r-* 'вол'; **aʃ-al-* 'олень', **ib-il-* 'верблюд (?)', **gam(m)-al-* 'верблюд', **naj-äl-* (акк.) 'род "газели"', **ag-al*, **ig-l-* 'теленок', **rab-l-* 'овца' и др. Ср. егип. *t' (< *kir-)*, берб. *i-kru*, *i-kərri* 'баран'; бед. *nā'i* 'коха' и еще, может быть, бед. *kāt* 'верблюд'.

ствующие окончания, наблюдаемые в известной категории семитских существительных, быть может, и свидетельствуют о наличии системы грамматических классов в далеком прошлом, то это уже не более как пережиток, так как во всех известных историях семитохамитских языках господствует, как сказано, только двухродовая система. При этом довольно явственно заметно, что она восходит к системе двухклассной (класс имен социально-активных = мужскому роду, класс имен социально-пассивных = женскому роду). Это видно из следующего:

1. К женскому роду относятся не только слова, обозначающие существа женского пола, но также: а) имена социально-пассивные по своему характеру (объекты деятельности: акк. *zitt-* 'доля', 'результат раздела имущества', *ðalam-t-* 'труп', *lubuš-t-* 'одежда', 'ткань', *ta-rbīt-* 'воспитанник'); б) имена со значением единичности или части целого (араб. *naml-at-* 'муравей' при *naml-* 'муравьи'), а также уменьшительные имена; в) абстрактные понятия (акк. *damik-t-* 'благо').

2. Имена, обозначающие существа женского пола с активной социальной функцией или с функцией иной, чем у соответствующего существа мужского пола, хотя в настоящее время (по крайней мере в семитских языках) и согласуются по женскому роду, однако показателя женского рода не получают (сем. *'imma-* 'мать', *raħl-* 'овца', *'atān-* 'ослица', араб. *ħāmil-* 'беременная', *kā'id* 'женщина, уже не рожающая', берб. *imta* 'мать', хауса *taħe* 'женщина', куш. бед. *śā'* (мужской род) 'корова' (женский род) 'мясо'³.

3. Показатель женского рода *-t* используется как объектный показатель в местоимениях.

В отношении способа выражения мужского и женского рода семитохамитские языки делятся на три группы, что может быть представлено в виде приводимой ниже табл. 4.

Впрочем, в семитских имеется и много исключений, хотя часть из них — заимствованные слова, а также эпитеты. В других семитохамитских языках окончания *-b* и *-r/-l* в этих значениях как будто не прослеживались, однако ср. егип. *tb* 'слон', *z'b* 'волк', *db* 'гипопотам', *zr* 'овца' и др.

³ К этой же группе относятся и названия географических понятий, а также парных и четных частей тела. Ср. также имена женского рода этой же группы, оформленные как женские, но образующие множественное число по мужскому роду: берб. *ti-ħeħħ-ep* 'козы'. Наблюдаются и обратные явления (образование имен мужского рода по образцу женских, или множественное число женского типа у имен мужского рода).

Таблица 4

Способы выражения родов в семитохамитских языках

Род	Языки		
	Кушитские, египетский	Берберо-ливий- ские	Семитские, чадские
Мужской	*-(a) μ^{-1} (и ноль)	* μ^{-2}	(ноль)
Женский	*-(a) $t^{-1}(>^*ah>-ā)>$ $>-a >$ ноль)	* $t- \dots -t^3$ $*t- \dots ^3$ $* \dots -t$	*-(a) $t^{-4}(>-ah>$ $>-ā >-a)$

Приимечания. ¹ В языках новой ступени эти показатели обычно бывают утеряны. В бедауде оба родовых показателя сохраняются только в винительном падеже ($-b$, $-t < *-\mu-a$, $*-t-a$), а женский — также в родительном ($-t-i$). В каффично $-a\mu > -b$ при всех именах мужского рода.

² Только в status appexus (см. ниже).

³ Префиксы μ -, t -, возможно, были самостоятельными местоименными соответствующих грамматических классов; ср. artikel мужского рода μ -й, женского рода t -й в бедауде. В нумидийско-ливийском, по-видимому, не было показателя мужского рода, по крайней мере графически.

⁴ В некоторых южночадских сохраняется в (бывшей косвеннопадежной) форме $-ta$, $-ti$; в хауса-а (возможно, что и $-ta$ в хауса нередко исторически является окончанием женского рода, хотя воспринимается здесь как часть основы). В большинстве семитских, начиная со средней ступени, $-at > -ā$, но вариант $-t$ обычно сохраняется.

Склонение исчезло во всех семитохамитских языках на средней ступени в связи с отпадением внешней гласной флексии. О возможном наличии склонения в староегипетском мы не имеем сведений ввиду отсутствия огласовки в египетских текстах, поэтому, если не считать пережитков в кушитских и, видимо, в чадских⁴, мы можем судить о склонении только на материале древнесемитских. Наиболее полно система склонения сохранилась в староаккадском, где имеются следующие формы:

- 1) абсолютная форма: ноль или $-a^5$;
- 2) локативно-именительный падеж: $-u^6$;

⁴ См. выше примечания 1 и 4 к табл. 4.

⁵ См.: I. J. Gelb, *Old Akkadian Writing and Grammar*, 2-nd ed. Chicago, 1961, p. 141—142; *La lingua degli amoriti*, — «Accademia Nazionale dei Lincei, Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche», ser. VIII, vol. XIII, 3—4, 1958, p. 154—155. Форма на $-a$ является архаическим пережитком уже в староаккадском.

⁶ При этих падежных окончаниях имеется «мимация», см. ниже.

- 3) винительный падеж: -*a*⁶;
 4) родительный падеж: -*i*⁶;
 5) дательно-локативный падеж: -(*i*)_s⁷.

Абсолютная форма служила для выражения имени без синтаксических связей (в обращении, перечислении), имени (объекта или субъекта) в роли определяемого другим именем или местоимением (если оно само не являлось определением другого имени), а также имени в роли предиката.

Локативно-именительный падеж помимо функции выражения локатива (утерянной в других семитских языках, кроме аккадского) служил также для выражения субъекта спрягаемой формы глагола. При этом, как мы увидим ниже, первоначально это были только глаголы переходные, глаголы индоативного (начинательного) действия или глаголы движения. Так как в древнесемитских наблюдались и другие признаки эргативной конструкции глагольного предложения (формальное различие переходного и непереходного спряжения, отсутствие ясно выраженного пассива, местоименные аффиксальные показатели не только субъекта, но и объекта при глаголе и др.), то мы можем с большой долей уверенности говорить о семитском именительном как о первоначально эргативном падеже; совпадение эргатива с локативом — весьма обычное явление⁸. В дальнейшем, правда, в аккадском языке функции локативного и именительного падежа на -и разграничились и формально, главным образом в синтаксическом плане. В египетском⁹ языке, как мы увидим ниже, локативно-именительного (эргативного) падежа либо вовсе не выработалось, либо он был вытеснен общекосвенно-родительным.

Винительный падеж представляется нам функциональным вариантом абсолютной формы. В этом нет ничего удивительного, так как в языках с эргативной конструкцией предложения прямой объект переходного глагола (субъект состояния, вызванного действием) и субъект именного или непереходного сказуемого (т. е. также субъект состояния) неизбежно выражаются одинаково, а именно прямым, или неоформленным (абсолютным) падежом, в то время как субъект переходного глагола (субъект действия) выражается локативным

⁷ В других древнесемитских языках, по-видимому, *-as [> -ah (угар.) > -ā (др.-евр.)]. Падежное окончание *-s > -h встречается, по-видимому, и в южнопериферийных языках, см. A. F. L. Beeston, *A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian*, London, 1962, § 33, 6. В арабском этого падежа, по-видимому, не было, или он совпал с винительным места. Неясно, того же ли происхождения дательный падеж на -s в центральных и западных кушитских языках, или он возник вторично из послелога.

⁸ Так в шумерском, в некоторых кавказских языках и др.

⁹ О положении в берbero-ливийском см. ниже.

или другим косвенным падежом. Для полноты картины эргативной конструкции предложения нужно было бы лишь доказать, что субъект именного и непереходного сказуемого в семитохамитских языках первоначально выражался не тем косвенным падежом, которым выражается субъект действия, а прямым, или «абсолютной формой». Ниже мы постараемся показать, что именно таково первоначально было положение по крайней мере в египетском.

Винительный падеж, раз сложившись как противоположность локативно-именительного, в свою очередь приобрел и локативный характер («винительный места»), что также не удивительно, поскольку глаголы движения конструировались как переходные.

Родительный падеж генетически связан с относительным суффиксом *-i-*. Он выражал не только принадлежность, но и более широкий круг отношений зависимости¹⁰. Во множественном числе (а в египетском, видимо, и в единственном) родительный падеж выступал в роли общекосвенного¹¹.

О дательно-локативном падеже трудно сказать что-нибудь определенное. Если не считать пережитков в североцентральных семитских языках¹², он сохранился как живое обозначение только в староаккадском¹³.

Особо следует остановиться на «абсолютной форме». В зависимости от того, стояло ли имя в этой форме отдельно

¹⁰ Ср. в бедауде родительный падеж *-i*, *-j*, выражавший не только притяжательные, но и локативно-аблативные и инструментальные отношения.

¹¹ По-видимому, в египетском языке не было ни именительно-локативного, ни винительного падежа, и различались только две формы — *status absolutus*, соответствующая, вероятно, семитскому родительному, и сокращенная форма, соответствующая, вероятно, семитским *status indeterminatus* и *constructus*. См. ниже.

¹² Локативный показатель *-ah* (угар.), *-ā* (др.-евр.) до недавних пор рассматривался как «винительный места»; однако в этом случае невозможно объяснить согласный *h* в угаритском.

¹³ Поскольку предлоги почти без исключения имеют в семитских языках именное происхождение, поскольку они всегда управляют родительным падежом, и лишь в редких случаях и в порядке плеоназма — локативными.

Отдельную проблему составляет отсутствие винительного падежа множественного числа в семитских языках. Прямой объект переходного глагола во множественном числе выражается общекосвенным (родительным) падежом. Согласно нашему предположению, поскольку во множественном числе абсолютный падеж не имел формы на *-a*, поскольку от него не могла ответвиться особая форма для винительного падежа. Когда возникло противопоставление именительного падежа винительному, потребность в особой форме нового косвенного — винительного падежа стала во множественном числе удовлетворяться применением родительного, поскольку он уже функционировал в качестве общекосвенного с широким кругом значений. Но интересно отметить, что дательно-локативный падеж, по-видимому, также употреблялся только в единственном числе.

(например, в обращении, перечислении, в роли предиката), или в роли определяемого другим именем, или же в роли определяемого местоимением, оно несло на себе ударение, различное по силе и месту расположения, что впоследствии привело к фонетическим изменениям различного характера. Также и имя, стоящее в родительном падеже, претерпевало различные изменения в зависимости от того, было ли оно определено другим именем, или местоимением, или же вовсе не имело при себе определения. В связи с этим в семитских языках выработалась система так называемых состояний имени (статусов).

Status rectus — имя полной формы с падежным окончанием [например, ст.-акк. *kalb-u(m)*, *kalb-a(m)*, *kalb-i(m)*, *kalb-is* 'собака'; *sinniš-t-u(m)*, *sinniš-t-a(m)*, *sinniš-t-i(m)*, *sinniš-t-is* 'женщина'; мн. ч. *kalb-ū*, *kalb-ī*, *sinniš-ā-t-u(m)*, *sinniš-ā-t-i(m)*¹⁴].

Status praedicativus — имя в беспадежной форме в роли сказуемого [например, ст.-акк. *kal(a)b* или **kalba*¹⁵, *sinniš-(a)t*, мн. ч. *kalb-ū*, *sinniš-ā*].

Status indeterminatus — имя в беспадежной форме без синтаксических связей, обычно совпадает со *status praedicativus* [например, ст.-акк. *kal(a)b*; *sarrat* 'царица' (но также *sinniš* 'женщина')].

Status constructus — имя, имеющее в качестве определения другое имя существительное или определительное придаточное предложение. Определенное может быть либо в прямом падеже (что в данном случае включает и винительный), совпадая по форме со *status praedicativus* или *indeterminatus*, либо в родительном (сопряженная форма родительного падежа): [например, ст.-акк. *kal(a)b sarr-i(m)* 'собака царя', род. пад. *kalb-i sarr-i(m)*; *sarr-at 'ēkall-i(m)*, род. пад. *sarr-at(i) 'ēkall-i(m)*; но *sinniš-ti 'ēkall-i(m)* 'женщина дворца', в обоих падежах]¹⁶.

Status pronominalis — имя, определенное местоимением. Эта форма первоначально совпадала со *status constructus*, но имела другое ударение; в определенной группе имен в *status pronominalis* имеется и полное склонение со всеми падежами [например, ст.-акк. *kal(a)b-su* 'его собака', род. пад. *kalb-ī-su*, *sinnišassu < *sinniš-(a)t-su* 'его женщина', род. пад. *sinniš-t-i-su*; *kalū-sunu* 'их совокупность', вин. пад. *kalā-sunu*, род. пад. *kalī-sunu*].

¹⁴ Редка и, может быть, не первоначальна форма дательно-локативного падежа во мн. ч. ж. р.: *sinniš-ā-t-is*.

¹⁵ Последняя форма зафиксирована только в собственных именах, которые в аккадском часто не склоняются, но также в заимствованиях из аккадского в шумерский, более старых, чем самые древние староаккадские тексты.

¹⁶ Конечное *-i* в прямом падеже, вероятно, не имеет фонематического значения (читай *'sinniš-t(ə) || 'sinniš-t*; но в род. пад. *sin'niš-t-i*).

После утери внешней флексии на средней ступени языка *status rectus*, *praedicativus* и *indeterminatus* совпали в *status absolutus*¹⁷, отличающееся от других состояний отсутствием стяжений [так, др.-евр.: *st. abs.* *ḥākām* 'мудрец' (< **ha-kam-*), *kālāb* 'собака' (< **kalb-*), *mal'kā* 'царица' (< **malk-(a)t-*); *st. constr.* *ḥākām*, *kālāb*, *mal'kāt*; *st. pronom.*: 1) с притяжательным энклитическим местоимением 3-го л. ед. ч.¹⁸: *ḥākā'm-ō* 'его мудрец', *kal'b-ō* 'его собака', *malkā't-ō* 'его царица'; 2) с притяжательным энклитическим местоимением 2-го л. мн. ч.¹⁹ *ḥākām(ō)-kām* 'ваш мудрец', *kalb'-kām* 'ваша собака', *malkāt(ō)-kāt* 'ваша царица'].

Различие между состояниями имени существовало также, во всяком случае и в египетском²⁰, а вероятно, и других семитохамитских языках древней и средней ступени.

Специфической характерной чертой семитских языков является мимация или нунация (*tanqīn*). Она выражается в присоединении окончания *-m(a)* или (в других языках) *-n(a)* к формам *status rectus*. По-видимому, первоначально этот формант носил детерминирующий характер типа определенного артикла²¹ (и поэтому всегда отсутствовал в *status constructus* и *pronominalis*, где имя уже детерминировано иначе, а также в абсолютной форме *status indeterminatus* и *praedicativus*, как недетерминированных по своей функции). Но затем детерминирующая функция мимации/нунациистерлась (так уже в староаккадском, где формы *status rectus* автоматически получают мимацию в единственном числе)²². Ввиду стирания функции мимации/нунации, в арабском и в древних южнопериферийных семитских языках выработался новый определенный артикль²³, а формы *status rectus* с ми-

¹⁷ В арабском, напротив, исчезли беспадежные формы имени. Из-за отсутствия сильного ударения различие между *status constructus* и *status absolutus* заключается здесь только в невозможности или возможности нунации (см. ниже).

¹⁸ И другими местоименными энклитиками того же типа.

¹⁹ В мужском и женском роде.

²⁰ Состояния имени сохранились в коптском.

²¹ J. Kuryłowicz, *La mimation et l'article en arabe*, — «Archiv Orientalny», XLVIII, 1/2, 1950.

²² За исключением некоторых имен собственных.

²³ Араб. *al-* (< **hal-*?), южнопериф. *-āt* (< **-hān?*). Новый артикль выработался также в языках североцентRALНОЙ группы — др.-евр. *ha-* (< **han?*), арам. *-āt* (< **-hā?*). Аналогичный артикль уже после ливийско-нумидийской (средней) ступени выработался и в берберо-ливийском (по-видимому, в форме **ħā-*, мн. ч. **ħl-* — для мужского рода, **tā-*, мн. ч. **ti-* — для женского рода, с вытеснением префиксального родового показателя м. р. **μ-*, ж. р. **t-*). Однако в настоящее время этот артикль лишился своего детерминирующего значения, и префиксы *a-* (реже *i-*), в женском роде *ta-* (*ti-*), во множественном числе м. р. *i-*, ж. р. *ti-* воспринимаются уже как составная часть слова, точнее — как показатель так называемого *status liberus*, в то время как в sta-

мацией/нунацией стали восприниматься как недетерминированные. При этом мимация/нунация осталась невозможной в *status constructus* и *status pronominalis*, т. е. действует правило: детерминированное имя (все равно — артиклем, другим именем или притяжательным местоимением) мимации/нунации не имеет, недетерминированное — имеет²⁴. В остальных семитских языках мимация/нунация либо постепенно исчезла (так в аккадском), либо сохранилась без какой-либо специфической семантики только в *status absolutus* множественного числа (так в языках североцентральной группы).

В других семитохамитских языках следы мимации/нунации в единственном числе отсутствуют или ненадежны, но *tus appenxus* (форме имени в роли определения или подлежащего глагола, следующего за сказуемым) сохраняются первоначальные родовые показатели: st. lib. м. р. *a-gallid* 'царь', мн. ч. *i-gallid-an*, ж. р. *ta-gallid-t*, мн. ч. *ti-gallid-in*; st. annex. м. р. *u-gallid*, мн. ч. *u-gallid-an*, ж. р. *t(a)-gallid-t*, мн. ч. *i(a)-gallid-in*. Однако те имена, которые эти мологически начинались с согласного, в историческое время исчезнувшего (*u*, *i* и согласные 8—10 рядов), имеют постоянное гласное начало, качественно зависящее от этого исчезнувшего согласного, причем данное качество гласного сохраняется как в *status liberus*, так и в *status appenxus*; в большинстве случаев оно одинаково в единственном и множественном числе. Гласный бывшего артикла на это гласное начало, как правило, уже не влияет, а в *status annexus* родовой показатель, естественно, помещается перед ним. Таким образом, в *status liberus* имена этой группы начинаются в мужском роде с *a-*, *i-*, *u-*, а в *status appenxus* — с **u-a->ua-*, **u-i->i-*, **u-u->u-*; в женском роде в обоих состояниях имена этой группы начинаются с *t-a-*, *t-i-*, *t-u-*. В ливийско-нумидийском в *status appenxus* мужского рода родовой показатель графически не обозначался, зато имелся специальный суффикс *status appenxus* — *-t*.

²⁴ В арабском имеется определенная группа имен с двухпадежным склонением без нунации (им. пад. *-i*, родительно-винительный *-a*). Происхождение этой группы имен неясно, хотя несомненно, что двухпадежное склонение является вторичным. Согласно М. Ливерани (M. Liverani, *Antecedenti del diptotismo arabo nei testi accadici di Ugarit*, — «Rivista degli studi orientali», 1963, № 2, стр. 131—160), это явление возникло на почве североцентральных семитских языков. Когда в середине II тысячелетия до н. э. была утеряна мимация, родительный падеж весьма распространенных собственных имен и прилагательных на *-ān-i*, *-īn-i*, *-īl-i* совпал с формами имен без суффиксов *-ān-*, *-īn-*, *-īl-*, но с суффиксом притяжательного местоимения 1-го лица множественного числа *-ni*; поэтому в группе имен с суффиксом *-ān-*, *-īn-*, *-īl-* форма родительного падежа была вытеснена формой на *-a*, заимствованной из многочисленного класса несклоняемых имен собственных, где *-a* было первоначально окончанием абсолютной формы. Применение нового родительного падежа на *-a* в этой группе имен проникло и в соседние арабские диалекты, где двухпадежное склонение (им. пад. *-i*, род. пад. *-a*) было затем распространено и на другие именные модели близкой семантики; некоторые из этих моделей были затем использованы для образования форм так называемого «ломаного» множественного. Возможно, известную роль сыграла, как полагает Е. Курилович (J. Kurylowicz, *Le diptotisme et la construction de nombre en arabe*, «Word», VII, 1951, стр. 224), аналогия двухпадежного склонения имен во множественном числе въездно-флективного типа.

вероятно, что формы множественного числа берб. -*in*, чадск. -*en*, -*una* и, возможно, берб. -*ən*, а также берберское реликтоное двойственное число на -*in* восходят к формам с нунацией.

В семитохамитских языках первоначально имелось три числа: единственное, двойственное и множественное, причем двойственное сохраняется как продуктивная форма не далее средней ступени, т. е. из известных нам языков — только в семитских и египетском (формант -*ā-* в прямом, -*ał-* в косвенном падеже, с мимацией/нунацией или без нее²⁵). Реликты есть в новоарабских и берберских диалектах: ташельхит *təgħaż-in* 'двадцать', где -*in* < *-ēn < *-ał-na/i.

В двойственном и множественном числе различалось, как правило, только два падежа: прямой и родительный-общекосвенный.

Множественное число в семитохамитских языках обра-зуется по следующим основным первоначальным типам:

I. С помощью аффиксов -*ā-*²⁶ или -*ān-*. Последний может рассматриваться как -*ā-* плюс нунация, или быть связанным с индивидуализирующим показателем -*ān-* (множественное конкретных единиц — так в аккадском).

II. С помощью удлинения падежного показателя.

III. С помощью редупликации основы.

IV. С помощью переогласовки (внутренней флексии) — так называемое «ломаное» множественное, обычно представляющееся характерной особенностью семитохамитских языков.

Разберем эти типы отдельно. Первые два из них имеют между собой то общее, что множественность выражается долготой гласного.

I. Образование множественного числа с помощью аффиксов -*ā-* и -*ān-*.

Аффикс -*ā-* помещается между основой и родовым показателем, если таковой имеется, во всяком случае перед падежным показателем. Если имеется мимация/нунация, то она помещается перед падежным показателем в мужском и после него — в женском роде.

Подтип 1

м. р. ед. ч. (- <i>u-</i>)	мн. число - <i>āu-</i>
ж. р. ед. ч. - <i>t-</i> ,	мн. число - <i>āħāt-</i> (вместо *- <i>ā-t-</i> по аналогии).

²⁵ В египетском имеется только показатель двойственного числа -*u* (после родового показателя), что этимологически соответствует семитскому косвенному падежу.

²⁶ Не является ли это -*ā* удлинением гласного исхода абсолютной формы?

Употребителен в египетском²⁷. Падежные окончания в данном случае неизвестны.

Подтип 2

	Ед. ч.	Мн. ч.	Мн. ч. без мима- ции/нунации
м. р.			
им. пад.	- <i>u</i> (- <i>m/n</i>)	прям. пад. - <i>ā-n-u</i>	- <i>ā-ū</i>
вин. пад.	- <i>a</i> (- <i>m/n</i>)	косв. пад. - <i>ā-n-i</i>	- <i>ā-l</i>
род. пад.	- <i>i</i> (- <i>m/n</i>)		
ж. р.			
им. пад.	-(<i>a</i>) <i>t-u</i> (- <i>m/n</i>)	прям. пад. - <i>ā-t-u</i> (- <i>m/n</i>)	- <i>ā-t-u</i>
вин. пад.	-(<i>a</i>) <i>t-a</i> (- <i>m/n</i>)		
род. пад.	-(<i>a</i>) <i>t-i</i> (- <i>m/n</i>)	косв. пад. - <i>ā-t-i</i> (<i>m/n</i>)	- <i>ā-t-i</i>

Употребителен из семитских в наиболее архаичных: в аккадском (только множественное конкретных единиц -*ān-ī*, -*ān-ī*; форм *-*ā-ū*, *-*ā-l* нет) и в южнопериферийных (теоретически вся схема полностью)²⁸, а также в арамейских²⁹; далее, в берберо-ливийских (только в мужском роде: окончание -*an*), в кушитских (в бедауде окончания -*ā*, -*ān*, в сомали также и в женском роде: -*ō(d)* < **ātu?*). Возможно, сюда же восходит множественное число на -*a*, -*en* в чадских: хауса *laro* 'мальчик', *ta-keri* 'кузница', мн. ч. *lara*, *ta-kera*; логоне *marar* 'грудь', мн. ч. (или первоначально двойственное?) *marar-en*. Быть может, к этому же типу восходит хаусансское множественное число женского рода имен на -*la* и -*ta* по образцу *hanja* 'дорога', мн. ч. *hanl-oli*, *tuta* ' знамя', мн. ч. **tut-oti* > *tut-oci*, если эти

²⁷ В берберо-ливийских окончания множественного числа м. р. -(*a*)*ān*, ж. р. -(*a*)*āi* имеют, вероятно, вторичное происхождение. По мнению А. Басса, они образовывались первоначально только от основ с конечным -*ū*, отпадающим в единственном числе (например, *a-məksa* 'пастух' < **a-məksaū*, мн. ч. *i-məksaū-ān*, ж. р. *ta-məksaū-t* 'пастушка', мн. ч. *ti-məksaū-in*), и лишь позже распространились на другие слова по аналогии. Вероятно, вторично происходит также арамейских форм множественного числа на -*ādāt*(-*ā*), так как в наиболее старых диалектах они встречаются очень редко.

²⁸ Картина здесь осложняется некоторыми диалектными и фонетическими явлениями.

²⁹ Уже в староарамейских диалектах начала средней ступени во множественном числе сохранились только формы косвенного падежа (st. *absolutus* мужского рода обраузет множественное число по типу II):

Мн. ч. st. abs.	м. р. - <i>i-n</i>	< *- <i>l-na</i>	ж. р. - <i>ā-n</i>	(по аналогии)
Мн. ч. st. constr.	м. р. - <i>ē</i>	< *- <i>ā-i</i>	ж. р. - <i>ā-t</i>	
Мн. ч. с артиклем:	м. р. - <i>a ī ā</i>	< *- <i>ā-i-hā</i>	ж. р. - <i>ā-tā</i>	< *- <i>ā-t-hā</i>

Но в одном из самых старых арамейских диалектов (я'удийском) сохранилась и форма множественного числа мужского рода прямого падежа без нунации: -*ā-ū*.

окончания можно было бы возвести к **-oti* < **-āti*? Ср. в южно-чадском языке баде: мн. ч. м. р. *-n*, ж. р. *-t*, *-ēt*.

Подтип 3

Инфиксация форманта *-ā-* внутрь основы: берб. кабил. *a-sərdun* 'мул', мн. ч. *i-sərdan*; затем также уже и от слов, не оканчивающихся на *-n*: берб. *a-bərnus* 'бурнус' (< лат. *burrhus*), мн. ч. *i-bərnas*³⁰. Этот тип очень распространен в берберо-ливийских, кушитских и чадских языках (бед. 'ōr 'сын', мн. ч. 'ar, сом. *bēr* 'печень', мн. ч. *bērar*; логоне *sini* 'зуб', мн. ч. *san*, хауса *kīrgi* 'шкура', мн. ч. *kīraga*³¹). Этот внутренне-флективный тип образования множественного числа следует отличать от собственно «ломаного» множественного, о котором ниже. Имена во множественном числе, образованном по этому типу, могут плеонастически иметь и внешний показатель множественности, например: берб. *a-sif* 'река', мн. ч. *i-saff-ən*, логоне *ŋgūn* 'живот', мн. ч. *ŋgūan-ən*, хауса *sarki* 'вождь', мн. ч. *sarak-unā*. Сюда же, по Дж. Гринбергу, относятся и формы множественного числа от моделей типа **pars-*, **pirs-*, **purs-* в языках североцентRALЬНОЙ группы семитских (др.-евр. *kālāb* < **kalb-i*, мн. ч. *kālāb-īm* < **kalb-īma*).

II. Образование множественного числа с помощью удлинения падежного окончания.

Этот тип распространяется только на имена мужского рода там, где мужской род не имеет своего особого суффиксального родового показателя (семитские, чадские, может быть, берберо-ливийские языки). В женском роде сохраняется инфиксация *-ā-* перед родовым показателем:

Ед. ч.	Мн. ч.
м. р.	
им. пад. <i>-i(-m/n)</i>	прям. пад. <i>-ū(-m/na)</i>
вин. пад. <i>-a(-m/n)</i>	косв. пад. <i>-ī(-m/na)</i>
род. пад. <i>-i(-m/n)</i>	
ж. р.	
им. пад. <i>-(a)t-i(-m/n)</i>	прям. пад. <i>-ā-t-i(-m/n)</i>
вин. пад. <i>-(a)t-a(-m/n)</i>	косв. пад. <i>-ā-t-i(-m/n)</i>
род. пад. <i>-(a)t-i(-m/n)</i>	

Употребителен во всех семитских языках (аккадский не сохранил мимации в мужском, североцентRALЬНЫЕ -- в женском роде множественного числа). Сюда же, по всей вероятности,

³⁰ Так в обоих родах: *ta-sərdun-t* 'мулица', мн. ч. *ti-sərdan*.

³¹ Для оценки чадских, в частности хаусанских, форм следует учитывать, что здесь в большинстве случаев невозможен согласный исход слова, и конечный гласный нередко этимологически неоправдан.

относятся чадские окончания множественного числа на *-ipa* и, может быть, на *-en* и т. п.³².

III. Образование множественного числа путем редупликации основы.

Архаический тип образования множественного числа путем полной или частичной редупликации основы распространен главным образом в чадских и отчасти в кушитских языках (например, регулярно в каффично: *bāk-ō* 'петух', мн. ч. *bākik-ō*; бед. *hinin* *kassān sanasanā-ba* 'мы все — братья'; хауса *dambe* 'борьба', мн. ч. *dambedambe*; *magana* 'слово', мн. ч. *maganganu*; *kofa* 'дверь', мн. ч. *kofofi*, и т. д.).

IV. «Ломаное» множественное (*pluralis fractus*).

Этот внутреннефлективный тип образования множественного числа — основной для арабского и других южносемитских языков и, по видимости, распространен также в берbero-ливийских, кушитских и чадских языках (араб. *kalb-* 'собака', мн. ч. *kilāb-*; *kalb-* 'сердце', мн. ч. *kulūb-*; *baħr-* 'море', мн. ч. *'abħār-*; *ma-rkaz-* 'центр', мн. ч. *ma-rākiz-*; берб. *a-gadir* 'форт', 'укрепленный склад', мн. ч. *i-gudar*; *ta-mazir-t* 'огород', мн. ч. *ti-mizar*; *a-fus* 'рука', мн. ч. *i-fass-ən*; кабил. *a-duggyal* 'свойственник по жене', мн. ч. *i-dul-an*; *θa-sir-θ* 'мельница', мн. ч. *θi-slar*; *a-gənduz* 'теленок', мн. ч. *i-gundəz*; бед. *ba'e'lūk* 'облако', мн. ч. *'bā'lek*; *fe'tür* 'завтрак', мн. ч. *fi'tir*; *eb'rīk* 'кофейник', мн. ч. *'ebrik*; *kāt* 'верблюд', мн. ч. *kam*; хауса *'akiṭa* 'коза', мн. ч. *'aṣakal*; *sirdi* 'седло', мн. ч. *siradda*).

Формы эти неоднородны по своему происхождению. Возможность их существования и широкого распространения объясняется в любом случае тем, что внутреннефлективное изменение огласовки вообще было в семитохамитских языках наиболее продуктивным и привычным средством словообразования и словоизменения, однако конкретные пути образования типов внутреннефлективного множественного были различны. Одним из них, как мы видели, было возникновение внутренней флексии из внешней (инфикация *-ā-*). Другие типы являются

³² Труднее объяснить берберское окончание множественного числа женского рода на *-in*. А. Бассэ приводит ряд доказательств того, что первоначально это окончание, как и окончание *-ən*, *-an*, не было специфическим для какого-либо одного рода и лишь позднее произошла дифференциация, в силу которой окончания *-ən*, *-an* закрепились за мужским родом, а *-in* — за женским. Материалы ливийско-нумидийского языка показывают, что на средней ступени окончанием множественного числа мужского рода было *-n* [огласовывать предположительно **-ān(i)*, **-ān(a)*], а окончанием женского рода *-in* (огласовывать предположительно *-ālin*), где конечное *-n*, вероятно, объясняется влиянием аналогии с мужским родом. Позднее, может быть в силу дальнейшего выравнивания по аналогии, возвинило современное противопоставление форм множественного числа м. р. *-an*, *-ən*, ж. р. *-in* (<**-ēn* <**-āhīn* <**-ālin?*).

результатом стяжений и других фонетических изменений под влиянием ударения, а также под действием *Systemzwang*³³.

Тем не менее остается еще достаточно форм «ломаного» множественного, которые не поддаются такому объяснению. Но, несмотря на их широкое распространение в семитохамитских языках, можно усомниться в их общесемитохамитском происхождении. В самом деле, северосемитские языки, в частности наиболее архаичный аккадский, «ломаного» множественного практически не знают³⁴.

Для «ломаного» множественного характерно, что между моделью огласовки единственного числа и моделью огласовки множественного числа нет никакого закономерного соотношения³⁵ — «ломаное» множественное есть в сущности категория лексическая.

Не было, по-видимому, сколько-нибудь распространено «ломаное» множественное и в египетском. Из известных нам языков древней ступени только в арабском и южнопериферийных безусловно преобладает «ломаное» множественное; при этом в южнопериферийных это преимущественно типы **afrās-* и **afrūs-*; другие типы здесь сравнительно редки. Что касается классического арабского, то хотя по сохранности фонетического строя и внешней флексии он относится к древней ступени³⁶, однако его грамматический строй вообще про-

³³ Так, например, берберский тип *ta-mazir-t*, мн. ч. *ti-mizar* можно, вероятно, объяснить из инфиксации *-ā-*: **tī-mazīr > ti-mizar*,ср. в ка-бильском *fa-sīr-ð*, мн. *fi-sīgār*; берберский кабильский тип *a-duggūl*, мн. ч. *i-dul-an* объясняется стяжением (**hā-taqūl > *ā-taqūl > a-dug-
gūl*, а во множественном числе **hī-qaqqāl-ān > *i-qaqqāl-ān > i-
qūl-ān > i-dul-an); «ломаное» множественное кабил. *a-ȝeġġuad* 'сад', мн. ч. *i-ȝeġ-
gūda* объясняется ложной аналогией в целях сохранения мнимого согласного костика **ȝgd* (на самом деле *ȝgd* здесь из **ȝd*, а корень **ȝid*, а не **ȝgd*, поэтому имеется вариантовое множественное число *i-ȝid-an*, образованное как *i-dul-an*); передвижением ударения (причина которого сама по себе еще неясна) объясняются многие случаи «ломаного» множественного в бедауде, например: *ba'e'lūk*, мн. ч. *'ba'lelk*, *eb'rīk*, мн. ч. *'ebrik*, и т. д.*

³⁴ Оно встречается здесь лишь в совершенно единичных случаях: акк. *'alak-t* - 'щель', 'поведение', мн. ч. *'alkak-ā-t-* (только в переносном смысле); др.-евр. *sūk* 'улица', мн. ч. *sədāk-lm* (от суффиктивной основы *"sādāk-* — случай подгоны двухсогласного корня под трехсогласную модель!). Следует также исключить случаи переогласовки имени в его различных состояниях, наблюдающиеся в древнееврейском под влиянием ударения.

³⁵ Однако имеются известные тенденции группировать модели «ломаного» множественного в соответствии с семантически обусловленными моделями единственного числа. Причина заключается в том, что типы коллективных имен, от которых образованы формы «ломаного» множественного, сами были тоже семантически обусловлены. См. A. S. Le-kiaschwilii, *Zur Bildung des gebrochenen Plurals im Arabischen*, — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», II, М., 1963.

³⁶ Это объясняется отсутствием в арабском сильного экспираторного удараия, что препятствовало развитию здесь стяжений и выпадений

двинут даже дальше, чем в североносемитских языках средней ступени³⁷. Если предположить, что арабское «ломаное» множественное принадлежит к чертам общесемитского типа, то трудно объяснить его утерю в таких наиболее архаичных языках, как староаккадский и староегипетский.

Далее, хотя принцип образования «ломаного» множественного один и тот же для всех семитохамитских языков, однако конкретные формы этого множественного различны.

По общему мнению семитологов, арабское «ломаное» множественное сложилось следующим образом. В условиях широчайшего распространения внутренней флексии от одного и того же корня образовывались самые разнообразные по огласовке модели, при этом многие из них служили для выражения имен со значением обобщения, собирательности или коллективности, семантически параллельных именам, образованным от того же корня по другим моделям и служивших для обозначения имен со значением единичности. Подобные пары имен со значением единичности и коллективности и стали использоваться как единственное и множественное число³⁸, и этот прием был обобщен на другие случаи, а в арабском языке сделался ведущим.

Не случайно формы «ломаного» множественного в арабском согласуются как имена женского рода единственного числа. Некоторые модели «ломаного» множественного еще явственно показывают следы своего происхождения из моделей, служивших для выражения обобщений различного рода³⁹.

Не только общесемитохамитских, но даже только общесемитских форм «ломаного» множественного восстановить невозможно. Очевидно, они образовывались по одинаковой при-

гласных. Именно с этим связано и то обстоятельство, что в арабском языке господствует метрическое стихосложение, в то время как в североносемитских и в древнеегипетском — тоническое.

³⁷ Так, в арабском (и в других южно- и центральноносемитских) выработался новый тип спрягаемых форм глагола, неизвестный общесемитскому, и даже будущее время, совершенно неизвестное другим семитским языкам на древней и средней ступени.

³⁸ Полную аналогию представляет собой использование в аккадском суффикса имен абстрактных *-it-* для образования множественного числа прилагательных.

³⁹ Ср. модель **paras-t-*: акк. *tāb-t-* 'добро', *qabār-t-* 'колония чужестранцев' (выражает обобщение) ~ эфиоп. *nagaš-t-*, мн. ч. от *nagūš* 'царь'; модель **pirāš-*: араб. *kīlāb-* 'письмене', 'книга' от глагола *kīb* 'писать' (выражает множественный характер явления) ~ араб. *kilāb-*, мн. ч. от *kalb-* 'собака'; модель **sa-prās-*: акк. *ša-přāk-* '(величайшая) трудность', *ša-rbāb-* 'обессиление', 'паралич', *ša-lbāb-* 'яростный' (выражает обладание качеством в наибольшей степени) ~ араб. *'abħāg*, мн. ч. от *baħr-* 'море'.

чине, но в разных языках по-разному и в разное, но всегда в относительно позднее время⁴⁰.

Распространение «ломаного» множественного в чадских языках указывает, вероятно, на более широкое в прошлом распространение в них внутренней флексии вообще.

Таким образом, подытоживая, можно отметить способ редупликации как характерный для образования множественного числа в кушитских и особенно чадских языках; способ аффиксации показателя *-ā-* (*-ān-*) как характерный для всех ветвей семьи (причем первый подтип с инфиксацией *-ā-* перед родовым показателем как в женском, так и в мужском роде, что дает показатель *-āu-*, типичен для египетской ветви, а третий подтип с инфиксацией *-ā-* в основу — для берберо-ливийской, кушитской и чадской); и способ удлинения падежного показателя в мужском роде как характерный для семитских языков и ранее, возможно, также для берберо-ливийских и чадских. «Ломаное» множественное возникает всюду вторично и не известно наиболее архаичным семитохамитским языкам.

МЕСТОИМЕНИЕ

Группа личных местоимений в семитохамитских языках представлена, с одной стороны, самостоятельными (обязательно эмфатически подчеркнутыми, несущими на себе логическое ударение), и, с другой стороны, аффиксальными. При этом местоименные аффиксы, выражающие субъект при глагольном сказуемом и всюду, кроме чадских языков, представляющие собой неотъемлемую часть спрягаемой глагольной формы, будут нами рассмотрены в разделе глагола. Объектные суффиксальные местоимения, напротив, не составляют обязательной принадлежности глагольной формы, и хотя они чрезвычайно важны для понимания структуры глагола, и мы будем вынуждены вернуться к ним в соответствующем разделе, однако их целесообразнее рассматривать в связи с системой личных местоимений в целом.

С учетом этих оговорок местоимения личной группы в семитохамитских языках могут быть формально и семантически разбиты на следующие категории:

⁴⁰ В чадских и кушитских языках встречаются также различные другие типы образования множественного числа, вероятно обвязанные своим происхождением взаимодействию с субстратом, например в хаусе: **ba-hause* 'хаусалец', мн. ч. *haus-a-да*; последняя форма, вероятно, — разновидность общесемитохамитской «нисбы» (относительного прилагательного, выражающего этническое или локальное происхождение), первоначально, как в аккадском средней ступени, не менявшейся по числам; дифференциальная форма единственного числа является заимствованием.

Самостоятельные

1. Личные местоимения прямого падежа
2. Притяжательные местоимения
3. Личные местоимения прямого объекта
4. Личные местоимения косвенного объекта (дательно-локативные)

Аффиксальные

- [Субъектные аффиксы спрягаемых форм глагола]
- Суффиксальные притяжательные местоимения при имени и предлоге
- Суффиксальные местоимения прямого объекта при глаголе
- Суффиксальные местоимения косвенного объекта при глаголе

Самостоятельные притяжательные местоимения сохранились не во всех языках, по крайней мере в своей первоначальной форме; по большей части они заменены вторичными образованиями. Самостоятельные личные местоимения косвенного объекта сохранились только в аккадском языке древней ступени; они отличаются от таких же местоимений прямого объекта только падежным показателем *-g* вместо *-t*, и поэтому их можно оставить без рассмотрения. Суффиксальные местоимения косвенного объекта существенно отличаются по форме от суффиксальных местоимений прямого объекта тоже только в аккадском.

Прежде чем перейти к рассмотрению местоимений личной группы в семитохамитских языках в целом, следует обратить внимание на особое положение, сложившееся в египетском языке. В связи с господством здесь посессивной конструкции глагола⁴¹ (о чем подробнее ниже) субъект глагола действия в египетском выражается не местоимением прямого падежа, а суффиксальным притяжательным местоимением. Лишь одна спрягаемая форма — форма качества и состояния (калитатив-статив), или «псевдопартицип», применяясь первоначально в случаях непереходности сказуемого, требует не посессивной, а прямой («номинативной») конструкции, вследствие чего субъект при ней выражен глагольным окончанием, которое является реликтом личного местоимения прямого падежа.

I. Личные самостоятельные местоимения могут быть по отдельным ветвям семитохамитской семьи разделены на два типа:

1. Личные местоимения прямого падежа 1-го и 2-го лица

⁴¹ Речь идет, конечно, о том, что египетская конструкция глагола — исторически посессивная; в дошедших до нас памятниках она уже так не воспринимается.

имеют префикс '*an-*', подчёркивающе-выделяющего значения⁴².

Этот тип распространен в семитских и кушитских языках. Указательный элемент '*an-*' сохранился как самостоятельная частица в египетском (в форме *in*; вводит именной субъект при причастном сказуемом); мы встречаем его также в 1-м лице так называемых «независимых» личных местоимений, выражающих субъект при именном предикате. Однако для других лиц элемент *in* заменяется здесь другим указательным элементом *nt-*, о чём подробнее см. ниже.

Сходное положение и в берберском (в 1-м и 3-м лице)⁴³ (см. табл. 5).

2. Префикс '*an-*' в местоимениях 1-го и 2-го лица отсутствует.

К этому типу в семитских языках (в аккадском) принадлежат самостоятельные объектные местоимения, в египетском — так называемые «старые независимые» местоимения, выражающие субъект с именным предикатом, а равно и так называемые «личные зависимые» местоимения, выражающие субъект при адвербияльных и инфинитивных конструкциях и объект при глагольных формах; в хауса — как субъектные, так и объектные местоимения⁴⁴ (см. табл. 6).

Если (как это, видимо, следует из табл. 6) личные местоимения прямого падежа могли выражать как субъект, так и объект, то возникает вопрос, зачем и как возникли местоимения собственно объектные, с показателем *-t*? Вспомним, однако, что *-t* первоначально было не чем иным, как показателем грамматического класса имен социально-пассивных. Староаккадский, берберский и хаусанский материал заставляет думать, что показатель *-t* первоначально и существовал именно только для этого класса, давшего позже женский род, появление же *-t* также и в мужском роде, очевидно, — явление вторичное. В египетском местоимения, формально совпадающие с аккадскими объектными («старые независимые» личные местоимения), выражают логический субъект именного предиката, чередуясь в этой роли с самостоятельными местоимениями 1-го типа (так называемыми «независимыми личными» местоимениями). Роль собственно объектных местоимений

⁴² Этот '*an-*', по-видимому, не восходит к **han-*, поэтому его не следует связывать с этой указательно-местоименной основой, весьма распространённой в семитских языках (ср. акк. '*ann-i-*' < **hann-i-*, др.-евр. *hinnē* < **hann-i-*, а также артикль *ha-* < **han*(?). По-видимому, существовали отдельные местоименные основы '*-*', *h-* и *s-*.

⁴³ 2-е лицо здесь, очевидно, принадлежит ко 2-му типу.

⁴⁴ В сомали самостоятельные объектные местоимения — не что иное, как лексически обособившиеся суффиксальные (ед. ч. 1-е л. *l*, 2-е л. *ku*, 3-е л. *ll*, мн. ч. 1-е л. *na*, 2-е л. *idin*, 3-е л. *ll*).

Таблица 5

Личные местоимения прямого падежа 1-го типа

	Семитские			Кушитские (сомали) ¹			Египетский	Берберские
Enncterehhoе	1-е Л. 2-е Л. 3-е Л.	*'an-āku/i ² , *'an-i ³ , *an-ta (< *'an-ka?) *an- <i>t</i> *sū('a) *sī('a) [или *sī('a)?]		ana, a'ni } ada, a'di (< *'atta, *'atti) u (< *hū), u/lsa ³ a _i (< *ha _i ?), i _i a (*hi _i a?) ³			in-k nt-k nt-č	nki, nəlk kai, kii ⁴ kəm, ki'mi ⁴
Mhoketerehhoе	1-е Л. 2-е Л. 3-е Л.	*nahna/u *an-tum (<> *'an-kutum?) *, an- <i>ti</i> (n)na *sumu *sī(n)na [или si(n)na?]		anna (эхскл.), inna (инкл.) } a _i d in } a _i			in-n nt-čn nt-sn	nəkunne kunne ⁴ kunəm- <i>ti</i> nitni nitən- <i>ti</i>

Причечания.¹ В белаине из первичных форм личных самостоятельных местоимений прямого падежа сохранились только формы 1-го лица: ед. ч. *anī*, мн. ч. *hanīt*, остальные вытеснены новообразованиями. Хотя формы языка сомали, выбранные нами для таблицы, кажутся не очень показательными ввиду сильного изменения их фонетического облика, однако то, что они восходят к местоимениям семитского типа, подтверждается и материалом других кушитских языков, например агау (диалект билин): 1-е л. *al-bā*, 2-е л. *inti-bā*, и т. д.² По-видимому, существует и форма **ka* (без элемента **an*), откуда в южнопериферийном языке мехри *hi*.

² Вторая форма употребляется с артиклем.

³ Эти формы принадлежат ко 2-му типу.

⁴ -*ti* под влиянием 2-го лица женского рода?

Таблица 6

Объектные и личные местоимения прямого падежа 2-го типа

	Семитские (акк.) ¹		Египетский		Берберские		Хауса	
	местоимения прямого объекта	«старые не-зависимые» местоимения	личные зависимые местоимения	местоимения прямого падежа	местоимения прямого падежа	местоимения прямого падежа	объектные местоимения	
EINNCTBHHOe иинктбххое	1-е л. { м. р. 2-е л. ж. р.	<i>iā-ti</i> <i>ku'a > ku'ā-ti</i>	<i>wy²</i> <i>fw-t</i>	<i>wy²</i> <i>kw > kw(kuwa?)></i> <i>lm > luqa?)></i> <i>lm > in(*kimi?)></i> <i>sw-l</i> <i>st-t</i>	<i>-3</i> <i>ka³, kiki и т. д.⁴</i> <i>kem, kimi и т. д.⁴</i> <i>*sw(*sija?)></i> <i>*sija?)></i> <i>-3</i> <i>-3</i>	<i>ni⁵</i> <i>ka³</i> <i>ke</i> <i>*si⁶</i> <i>i-ta</i>	<i>ni⁵</i> <i>ka³</i> <i>ki</i> <i>*si⁶</i> <i>ta</i>	
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>su'a > su'ā-ti</i> <i>šā-ti (sā-ti?)</i>						
MOKKCTBHHOe моккктбххое	1-е л. { м. р. 2-е л. ж. р.	<i>ni'ā-ti</i> <i>*kunu > kunu ></i> <i>> kūnū-ti</i> <i>kinā-t > kinā-ti</i> <i>*sunu > sunu ></i> <i>> šunū-ti</i> <i>śinā-t (śinā-t?) ></i> <i>śinā-ti</i>		<i>n</i> <i>{ tn (*kunu ></i> <i>> lunu?)</i> <i>sunu?)</i>	<i>nakunna и т. д.</i> <i>kunna и т. д.⁴</i> <i>ku (< *kunu)</i> <i>ku (< *kunu)</i> <i>-3</i> <i>-3</i>	<i>mu</i> <i>ku (< *kunu)</i> <i>su (< *sunu)</i> <i>su (< *sunu?)</i>	<i>mu</i> <i>ku (< *kunu)</i> <i>su (< *sunu)</i>	
	3-е л. { ж. р.							

Приимечания. 1. Наиболее архаичные староиндийские формы.

2. Этимологически неясные формы. Ожидалось бы *ku или *ka.

3. Местоимения 1-го и 3-го лица относятся к 1-му типу.

4. В ряде диалектов эти формы являются объективными.

5. Cp. сем. 'an-i (тип 1) или семитское объективное суффиксальное местоимение 1-го лица -ni?

в египетском играют при финитных формах глагола другие, так называемые «личные зависимые» местоимения (они же субъектные в адвербияльных и инфинитивных конструкциях). По всей вероятности, мы имеем здесь дело с раздвоением первоначальной парадигмы типа **wu*, **kw*, **t̪m-t*, **sw*, **sy-t*, которую мы и встречаем лишь с небольшими различиями в древнейшем староаккадском в качестве парадигмы объектных местоимений⁴⁵. Поскольку в аккадском эргатив уже превратился в номинатив и тем самым субъект непереходного глагола перестал выражаться тем же падежом, что и объект, постольку данные местоимения стали восприниматься как чисто объектные, а показатель -*t*, обобщенный и на мужской род, стал восприниматься как специфический объектный показатель; по образцу форм на -*t*, выражавших винительный падеж, были образованы (впрочем, не во всех диалектах аккадского) и формы местоимений дательного падежа с показателем -*s* > -*š*⁴⁶. Для номинатива же были резервированы эмфатические формы местоимений с частицей 'an-.

В противоположность этому в египетском парадигма раздвоилась; один ее вариант продолжал выражать субъект в инфинитивных конструкциях и объект переходного глагола; другой вариант был в течение некоторого времени сохранен для выражения субъекта именного сказуемого. В этой функции он был позже вытеснен эмфатическими, так называемыми «личными независимыми» местоимениями 1-го типа.

Без дополнительного материала по чадским языкам трудно сказать, какова здесь была линия развития. Хаусанские формы как субъектного, так и объектного местоимения, по-видимому, происходят от первоначальных неэмфатических форм (тип 2), а их дифференциация, возможно, объясняется фразовым ударением. Местоимение 1-го лица *nl* может быть объяснено различным образом (как *'*an-ī* или по связи с суффиксальной формой объектного местоимения 1-го лица -*ni*).

Более сложно положение в берберском. Наличные местоимения, по-видимому, принадлежат к смешанной парадигме; 1-е л. (ед. ч. *nəkk* или *nki*, мн. ч. *nəkunna* и т. п.), вероятно,

⁴⁵ При предлогах играют роль общекосвенных.

⁴⁶ В кушитском языке куара (диалекте языка agay) объектные и косвеннообъектные самостоятельные местоимения также образуются с помощью суффиксов -*il* (для винительного падежа) и -*ši* (для дательного). Мы имеем здесь дело с поздним процессом (что видно из сильно изменившейся формы самих местоименных основ), но параллельным происходитшему в аккадском. Происхождение окончания -*il* для объектных местоимений, вероятно, то же, что и в аккадском; окончание -*ši* для косвеннообъектных местоимений возникло, очевидно, по аналогии, в связи с сохранением (или же со вторичным образованием) в кушитских языках позднего периода дательного падежа на -*s*, -*š* (он имеется в центральных и западных кушитских языках).

принадлежит к 1-му типу — эмфатических личных местоимений прямого падежа (< *'an-*dki?*), 2-е л. (ед. ч. м. р. *kał* или *kīči*, ж. р. *kət* или *kīti* и т. п., мн. ч. м. р. *kippə* и т. п., ж. р. *kipət-ti*) — ко 2-му типу — неэмфатических личных местоимений, а 3-е л. — к 1-му типу, но с *-ti* женского рода, перенятым из 2-го типа (ед. ч. м. р. *nta*, *nətta* и т. п., ж. р. *nta-t*, *nətta-t* и т. п.; мн. ч. *nitni* и т. п., ж. р. *nitənti* и т. п.⁴⁷).

Существующее различие между субъектными, объектными (прямого и косвенного объекта) и притяжательными местоимениями представляется в берберском вторичным; различие заключается лишь в ударении и вытекающих из него изменениях. Все они происходят от одной и той же парадигмы, которая кажется контаминацией нескольких более древних парадигм.

II. Самостоятельные притяжательные местоимения либо образуются вторично⁴⁸, либо представляют собой суффиксальные притяжательные местоимения, вводимые специальным указательно-относительным (*nota genitivi*, о которой ниже).

Суффиксальные притяжательные местоимения в большинстве семитохамитских языков отличаются от суффиксальных объектных только в 1-м лице единственного числа. Однако аккадский имеет полные парадигмы суффиксальных притяжательных, объектных и косвеннообъектных местоимений⁴⁹. Здесь мы не будем приводить их полностью (см. табл. 7).

Как видно из изложенного, — если отвлечься от частных особенностей и от явлений, обусловленных аналогиями или фонетическим развитием (а в случае личных и объектных местоимений — и перестройкой глагольной структуры), — система местоимений личной группы может считаться генети-

⁴⁷ Эти формы можно реконструировать как происходящие из ед. ч. м. р. **nit-hu'ā*, ж. р. **nit-hi'ātī*, мн. ч. м. р. **nit-hunū/t*, ж. р. **nit-hinātī?*

⁴⁸ В аккадском они образованы от суффиксальных притяжательных местоимений путем их обособления и присоединения именных падежных показателей. В языках более поздних имеют место равные новообразования.

⁴⁹ В аккадском суффиксальные косвеннообъектные местоимения отличаются от суффиксальных местоимений прямого объекта в единственном числе показателем *-t*; во множественном числе аккадские объектные и косвеннообъектные суффиксальные местоимения первоначально были сходны с самостоятельными. В берbero-ливийских притяжательных, объектных и косвеннообъектных местоимения также могут различаться, но формы их очень близки, и различия состоят преимущественно в наличии или отсутствии тех или иных соединительных элементов между именем и суффиксальным местоимением, предлогом и суффиксальным местоимением, или глаголом и суффиксальным местоимением.

Таблица 7

Притяжательные суффиксальные местоимения

		Семитские	Египетский ¹	Берbero-ливийские	Кушитские (бедауи) ²	Чадские (хаяса)
		Языки				
1-е л.	* - <i>i</i> , - <i>ia</i> [объектн. * - <i>ni</i> , КОСВ. - <i>ob</i> ., акк. - <i>a(m)</i> , - <i>ni(m)</i>]	-y (* - <i>ia</i>)	-i, - <i>ii</i> ³	(ноль) ⁴	-na	
2-е л. M. P. Ж. Р.	* - <i>ka</i> * - <i>ki</i>	-k (* - <i>ka</i>) -f (* - <i>ki</i>)	-k (* - <i>kim?</i>) -f (* - <i>siy-</i>)	-ka -ki	-ka -ki	
3-е л. M. P. Ж. Р.	* - <i>su</i> * - <i>sa</i> (или - <i>sa?</i>) [объектн. акк. - <i>si</i>]	-s (* - <i>sa</i>)	-s / -t (лив.-NUM. -s) * -s -t	-s -s	-sa -ta	
MоnгoтBиHиe е	1-е л. M. P. Ж. Р.	* - <i>na/u/i</i> * - <i>kamu</i> * - <i>ki(n)na</i>	-n -i n (* - <i>kin a</i>) -s	-na, -n ₂ (<i>r'</i>) -um (* - <i>ku m t?</i>) -um-t (* - <i>ku m t?</i>) -sen / -ten -sen-f / -tan-l	-n -kna -sna	-nu -ku [диал. -kum] -sna
MоnгoтBиHиe е	2-е л. M. P. Ж. Р.	* - <i>samu</i> * - <i>si(n)na</i> [или - <i>si(n)na?</i>]				
	3-е л. M. P. Ж. Р.					

Приимечания. 1 В египетском эти же показатели являются в спрягаемой форме глагола субъектными.
 2 В сомали притяжательные местоимения сильно видоизменились.

3 При терминах родства — ноль.

4 Гласный, выражавший 1-е лицо, поглощается соединительным гласным -*u*, присутствующим в бедауи при всех притяжательных суффиксальных местоимениях.

чески идентичной во всех пяти ветвях семитохамитской семьи. Наибольшие особенности является чадская ветвь, как обычно, стоящая несколько особняком. В личных самостоятельных местоимениях 1-го типа присутствие эмфатического префикса '*an-*' в прямом падеже объединяет семитские языки с кушитскими; они противостоят в этом чадскому. В египетском и берберском личные местоимения являются признаками смешения парадигм; префикс '*an-* (*in-*)' чередуется с *nit-*.

Ряд особенностей местоимений личной группы объясняется историей структуры глагола; поскольку определительная конструкция в отличие от глагольной не претерпевала в семитохамитских языках особо существенных изменений, поскольку система притяжательных местоимений во всех ветвях семьи почти идентична.

В семитохамитских языках наряду с обычной определительной конструкцией (определенное в форме *status constructus* + определение в родительном падеже *status rectus*, например акк. *qarad ṣarr-i-m* 'раб царя') распространена также описательная определительная конструкция по типу «раб, который царь» или «раб, тот царь» (определенное в форме *status rectus* + местоимение, так называемая *nota genitivi*, или «изафет» + определение в родительном падеже *status rectus*, например акк. *qard-u-m ḫu ṣarr-i-m*).

В качестве *nota genitivi* выступает указательно-относительное местоимение, не совпадающее с личным местоимением 3-го лица, которое, конечно, по происхождению тоже является указательным.

По употреблению того или иного указательного местоимения, играющего роль *nota genitivi*, все семитохамитские языки могут быть разделены на преимущественно употребляющие местоимение с основой *d-* ($>d$, также *z*; в аккадском с нерегулярным переходом *d->t->s-*) и преимущественно употребляющие местоимение с основой *n-* (в женском роде *n-t->t-*). К первой группе принадлежат семитские языки, ко второй — египетский и чадские⁵⁰. Берbero-ливийские занимают промежуточную позицию, применяя как *n-*, так в определенных случаях и *d-*⁵¹.

Иногда самостоятельные притяжательные местоимения образуются из сочетания *nota genitivi* и суффиксального местоимения, например в хауса:

⁵⁰ В хауса существует *da* как относительное местоимение, но оно не имеет характера *nota genitivi*.

⁵¹ Оба эти местоименных элемента имеют в берbero-ливийских очень широкое и разнообразное применение, причем элемент *d-* имеет, в частности, относительное значение. В ливийско-нумидийском, по-видимому, элемент *d-* играл роль союза, а *n-* — роль *nota genitivi*.

Единственное число

1-е л.	<i>nā-ya</i> ⁵²	<i>tā-ya</i> ⁵³
2-е л.	м. р. ж. р.	<i>nā-ka</i> <i>nā-ki</i>
	м. р. ж. р.	<i>nā-sa</i> <i>nā-ta</i>
3-е л.	м. р. ж. р.	<i>ta-sa</i> <i>ta-ta</i>

Множественное число

1-е л.	<i>nā-mi</i>	<i>tā-mi</i>
2-е л.	м. р. ж. р.	<i>nā-ku(m)</i> <i>nā-su(m)</i>
	м. р. ж. р.	<i>tā-ku(m)</i> <i>tā-su(m)</i>
3-е л.	м. р. ж. р.	

Тот же указательный элемент, который был использован в качестве *nota genitivi*, применялся и для образования эмфатических самостоятельных местоимений в египетском и берберском.

Наряду с указательными местоимениями, давшими личные местоимения 3-го лица, и с местоимениями, давшими *nota genitivi*, имеются также и другие основы указательных местоимений, нередко специфичные для одной или нескольких ветвей (*p*- для египетской, *b*- для кушитской, *h*- для семитской и, по-видимому, для берbero-ливийской и др.).

Указательный характер (для дальних и для дальних невидимых предметов) имела первоначально, по-видимому, и местоименная основа *m-*. В исторически засвидетельствованных семитохамитских языках к этой основе, помимо мимации и именного форманта *ta-*, восходят вопросительные (и неопределенные) местоимения [семитские: акк. *tann-* 'кто?', *mīn-* 'что?'; др.-евр. *mī* 'кто?', *mā* 'что?'; арам., араб. *tan* 'кто?', *mā* 'что?'; египетский: *m* 'кто?', 'что?'; берbero-ливийские: ташельхь *mī(-t)* 'кто?', *ta(-t)* 'что?'; кушитские: сомали *ta* частица вопроса, *ta-heq* 'что?'; чадские: хауса *te* (со связкой 'что?' и др.)].

Того же происхождения некоторые частицы отрицания и запрещения (араб. *mā* и др.; по А. П. Рифтину).

ГЛАГОЛ

Проблема глагола принадлежит к труднейшим вопросам семитохамитского языкознания.

При довольно большом разнообразии глагольных образований в различных семитохамитских языках, для всех засви-

⁵² Для обладаемого в мужском роде.

⁵³ Для обладаемого в женском роде.

дательствованных и реконструируемых языков древнего и среднего состояния в глаголе характерно различие по форме категорий переходности и непереходности⁵⁴ и совершенного и несовершенного вида. Глагол спрягается по лицам субъекта; при переходных глаголах может иметься и суффиксальный местоименный показатель объекта, о котором уже шла речь в предыдущем разделе.

Времен семитохамитский глагол первоначально не имел, хотя в грамматиках видовые формы обычно по традиции обозначают как «времена». При этом терминология, применяемая для разных языков, весьма различна⁵⁵. Для удобства сравнения мы будем называть формы совершенного и несовершенного вида единообразно — перфективом и имперфективом⁵⁶, хотя их содержание может не вполне совпадать в отдельных языках. Для анализа системы спрягаемых форм глагола важны также формы императива и тесно связанного с ним юссива. Под последним термином мы будем понимать форму, служащую для выражения различных модальных категорий — желания, допущения, возможности, условности и т. п. О некоторых наклонениях позднейшего образования, в частности о сослагательном, мы скажем ниже особо.

В ряде семитохамитских языков имеется еще отдельная спрягаемая форма непереходного, первоначально — именного сказуемого. Так, в аккадском языке любое имя, стоящее в абсолютной форме *status praedicativus*, если оно в качестве сказуемого относится к 1-му или 2-му лицу, может получать субъектные показатели местоименного происхождения. Наиболее часто эта форма, носящая название статива (или пермансива), образуется от причастия состояния, и хотя принципиально является залогово-нейтральной, имеет обычно пассивное значение [**labiš(a)* 'одет', **damik(a)* 'хорош', **maruš(a)* 'болен', **rapaš(a)* 'широк'; **lab(i)š-āku* 'я одет', **dam(i)k-āku* 'я хорош', **mar(u)š-āku* 'я болен', **rap(a)š-āku* 'я широк'], однако далеко не всегда. Основная функция статива — выражать наступивший и длящийся результат действия, поэтому *šab(i)t-āku* означает не только 'я схвачен', но и 'я схватил и продолжаю держать'. Стативная форма причастия состоя-

⁵⁴ Впрочем, ввиду отсутствия огласовки, неясно, существовало ли в египетском формальное отличие между переходным и непереходным глаголами для остальных глагольных категорий, помимо особой непереходной «формы качества и состояния».

⁵⁵ В аккадском: претерит и презенс; в других семитских языках: перфект и имперфект; в берберском: аорист и претерит, или фактум и фленс; в кушитских: перфект и презенс и т. д.

⁵⁶ Существует мнение (М. Коэн и др.), что глагол в семитохамитских языках первоначально был безвидовым и что различие в огласовке основы перфектива и имперфектива является вторичным. Однако это различие во всяком случае восходит к общесемитохамитскому.

ния⁵⁷ входит в парадигму любого глагола. В египетском совершиенно аналогичную функцию выполняет так называемый «псевдопартицип», или «форма качества и состояния» (квадитатив-статив). В берберском ей соответствует квадитатив, обычно образуемый от качественных прилагательных. В бедауде близкую функцию выполняет именное сказуемое с соединенной связкой.

В берbero-ливийских языках, в древнейшем слое кушитских⁵⁸, в чадских языках, а также в аккадском перфектив и имперфектив характеризуются префиксальным спряжением, а статив (где он сохранился) — суффиксальным. Во всех остальных семитских языках, кроме аккадского, префиксальное спряжение имеет только имперфектив, в то время как перфектив образуется по образцу аккадского статива, который здесь отсутствует⁵⁹. В египетском языке категории перфектива и имперфектива образуются с помощью глагольных форм, восходящих к именной посессивной конструкции.

Таким образом, префиксальное спряжение как имперфектива, так и перфектива распространено в четырех из пяти ветвей семитохамитских языков, а префиксальное спряжение

⁵⁷ Обычные типы глагольных имен в семитохамитских языках — это масдар, иначе имя действия или состояния (инфинитив), причастие действия (впоследствии превратившееся в причастие действительного залога, когда возникло противопоставление активного и пассивного залогов) и причастие состояния (в языках с пассивным залогом — пассивное причастие). Модели следующие: инфинитив — северносем. **parās-* (в арамейском и южных семитских — новообразований); куш. бед. *fedūg, dār*; чадск. хауса *kira-да* (непереходные глаголы — также по модели *taff(i)-iða*); причастие действия — общесем. **pāris-*, эфиоп. **parāst-*; куш. бед. *fadgi, fākīt*; чадск. хауса — префиксация *ta-i-*; причастие состояния — акк. **pari/u/as-* (в других семитских языках — новообразования, обычно от основы **parās-*); куш. бед. *fedg-a, dīr-a (-a < *-aka)*; хауса *kirarre < *kirar-je* (?); во всех случаях в берbero-ливийском — новообразования.

⁵⁸ Старый тип спряжения глагола в кушитских вытесняется новообразованиями со вспомогательным глаголом. При этом иной раз отчетливо сохраняются следы префиксального спряжения вспомогательного глагола, например в аагау глагол *wāṣ* 'слушать' спрягается следующим образом (имперфективе): ед. ч. 1-е л. *wāṣ-a-kūn*, 2-е л. м. и ж. р. *wāṣ-ra-kiy* > **wāṣ-ta-kun*, 3-е л. м. р. *wāṣ-a-kiy* > **wāṣ-ja-kun*, 3-е л. ж. р. *wāṣ-ā-tl*; мн. ч. 1-е л. *wāṣ-na-kūn*, 2-е л. м. р. и ж. р. *wāṣ-dāna-kiy* < **wāṣ-tu-na-kun?*, 3-е л. м. р. и ж. р. *wāṣ-āna-kiy* < **wāṣ-ja-na-kun?*. Очевидно, это глагольное имя *wāṣ* + префиксальное спряжение глагола *kūn* 'быть'. Однако, например, в бедауде старый тип сохраняется в очень многих случаях («глаголы сильного спряжения»). В новосемитских языках в ряде случаев также возобладали новообразования (так в особенности в новосирийском), в частности в связи с выработкой системы времен, вытесняющей старую систему противоположения только совершенного и несовершенного вида.

⁵⁹ Однако материалы наиболее древних семитских языков, как, например, угаритского и аморейского, заставляют думать, что это явление вторичное.

только имперфектива — лишь в части языков семитской ветви (правда, в большей их части), египетский же имеет особую глагольную систему, отличную от всех других семитохамитских языков. Это заставляет считать, что префиксальное спряжение обоих видов является фактом древнейшим, а другие типы глагольной системы — инновациями в отдельных ветвях и группах языков⁶⁰.

Поэтому для выявления характера общесемитского глагола следует, очевидно, обратиться к тем языкам, которые сохранили префиксальное спряжение для обоих видов. Во всех этих языках глагольная система весьма сходна. Если оставить пока в стороне статив, то оказывается, что юссив, перфектив и имперфектив спрягаются одинаково, т. е. имеют одинаковые субъектные показатели; различие между этими формами не в характере спряжения, а в характере огласовки глагольной основы. Это префиксальное спряжение имеет следующий вид:

Ед. ч.	Семитские ¹	Берберские	Бедауи	Хауса ²
1-е л.	'a-....-əy ⁵	a-....	in
2-е л.	{ м. р. ta-.... ж. р. ta-....-l ³	t-....t t-....t	te-....-a te-....-i	ka ki
3-е л.	{ м. р. ja-.... ж. р. { ja-.... ⁴ ta-.... }	i-.... t-....	i/č-.... ti-....	la ta
Мн. ч.				
1-е л.	na/i-....	n-....	ni-....	ni
2-е л.	{ м. р. ta-....-ū ³ ж. р. ta-....-ā/-na	t-....-m t-....-m-t ⁶	{ te-....na e-....-na	{ ku su
3-е л.	{ м. р. ja-....-ū ³ ж. р. { ja-....-ā/-na ta-....-ā/-na }-n ⁷-n-t ^{6,7}		

При мечания. ¹ Общесемитские формы даем в реконструированном виде. В аккадском это формы спряжения перфектива, имперфектива и юссива, в других языках — только имперфектива и юссива.

² В хауса показатели лица субъекта глагола представляют собой лексически самостоятельные единицы (скорее всего, остаток спряжения вспомогательного глагола *nā с полностью редуцированной основой).

⁶⁰ Для египетского языка другим возможным объяснением отличия его глагольной системы от системы других семитохамитских языков было бы предположение, что он отчленился от общесемитохамитского языка-основы до выработки в нем его глагольной системы. Однако поскольку египетский объединяется некоторыми грамматическими и лексическими изоглоссами только с северными семитохамитскими языками (семитскими и берберскими), постольку столь раннее его отчленение от общего для всех семитохамитских языков предка представляется маловероятным, и более естественно считать, что префиксальное спряжение утеряно египетским в доисторическую эпоху.

³ В части семитских языков в изъявительном наклонении в этих формах прибавляется суффикс *-pa*, отсутствующий в юссиве и сослагательном (II) наклонении.

⁴ Форма *ta...*, судя по материалам одного из диалектов аккадского, первоначально употреблялась в том случае, если подлежащее было не только именем женского рода, но и существом женского пола. Позднее формы *ia...* и *ta...* закрепились каждая в разных диалектах. Аналогичное явление, по-видимому, наблюдалось и в берберо-ливийских.

⁵ Окончание *-əy*, видимо, перенесено сюда из спряжения статива (квалитатива) в связи с общей для берберо-ливийского утерей начального *'a-* (**'a->*ə->* ноль). Возможно, того же происхождения также и суффиксальное *-i* во 2-м лице.

⁶ Суффикс *-t* здесь, очевидно, вторичный и обязан своим происхождением аналогии.

⁷ Префикс здесь, очевидно, утерян; он сохранился в единственном числе, по всей вероятности, в связи с иным положением прежнего ударения. Возможно также, что формы без префикса можно объяснить влиянием «квалитатива». Для 3-го лица множественного числа форма без префикса засвидетельствована уже для нумидийского: м. р. *sk/n* 'построили', ж. р. *bəl* (с неизвестным значением). Но для женского рода единственного числа, хотя и согласуемого со множественным числом (очевидно выражавшим коллективность), засвидетельствована форма с префиксом: *i-trb trb-in*.

Различие между отдельными префиксально спрягаемыми формами представляется при этом в следующем виде (см. табл. 8; даем реконструируемые формы; те из образований, которые кажутся нам позднейшими, даны в квадратных скобках. Глагольные основы подставлены в парадигму произвольно, только для того, чтобы выявить модель).

Как видно из таблицы 8, чадские языки и здесь стоят особняком: субъектные показатели в хауса представляются лексически автономными единицами и в ряде форм соединяются с основой особой частицей. Однако противопоставление юссива и перфектива как форм неполногласных имперфективу как форме полногласной имеется и здесь. Отметим, что *kira-ya* — форма глагольного имени действия⁶¹; в аккадском форма имперфектива также, возможно, восходит к основе имени действия **parās-*.

Чрезвычайно интересна частица *n(a)*, соединяющая в хауса показатель субъекта с глагольной основой. Истолкование ее как первоначальной nota genitivi наталкивается здесь на трудности, хотя такая nota genitivi широко распространена в хауса в именных конструкциях. Дело в том, что если бы конструкция в формах с *n(a)* была бы первоначально посессивной, то порядок слов, как и в египетском,

⁶¹ Этимологически ее можно было бы сопоставить с непереходным имперфектом **ji-nkas-i* в бедаудье (-ха можно сопоставить с относительным суффиксом *-ia-*, *-i(j)*).

Таблица 8

Семитохамитские префиксальные спрягаемые глагольные формы

Язык	Характер глагола	Императив	Юссив	Перфектив	Имперфектив
Аkkад- ский	Переходный гл. движе- ния I гл. движе- ния II, а также мгновен- ного и по- верхност- ного дей- ствия	* <i>p(u)rus</i> [* <i>p(u)rus</i>	* <i>ja-prus</i> ¹ * <i>ja-prus</i> ¹	* <i>ja-prus</i> * <i>ja-prus</i>	* <i>ja-paras</i> ² * <i>ja-parus</i> ²
	Непереходный (индоативный)	* <i>p(i)ris</i>	* <i>ja-pris</i> ¹	* <i>ja-pris</i>	* <i>ja-paris</i> ²
		* <i>p(a/i)ras</i> ³	* <i>ji-pras</i> ³	* <i>ji-pras</i> ³	[* <i>ja/i-</i> <i>pari/us</i> ⁴]
Берbero- ливий- ские ⁵	Переходный Непереходный	* <i>(u/i)fru/is</i> *(<i>a</i>) <i>fras</i>		* <i>ja-fru/is</i> * <i>ji-fras</i>	<i>ja-f(a)ras</i> ?
Бедауей ⁶	Переходный	?		* <i>ja-fdig</i> , * <i>ja-dir</i>	* <i>ja-fandig</i> , * <i>ja-n-dair</i>
	Непереходный	* <i>nekās-</i> , * <i>ām-</i>		* <i>ji-nkās</i> , * <i>ji-ām</i>	[* <i>ji-nkasi</i> , * <i>ji-āmi</i>]
Хауса		* <i>kira</i> ⁸	* <i>ja kira</i>	<i>ja(-n) kira</i>	<i>ja-na kira-</i> <i>pa</i>

При меч ания. ¹ Юссив, восстанавливаемый в форме **ja-prus* и т. д., хорошо засвидетельствован в других семитских языках, в аккадском же он встречается в чистом виде только в условных предложений, где смыкается с перфективом, а также в форме запрещения *aj(-i)-prus* (< **aj ja-prus*) и пожелания *liprus* (< **lū ja-prus*).

² Реально засвидетельствована форма *i-'parras*. Удвоение в ней вторичное, так как **ja-paras* должно было бы дать *'*i-paras*, что закономерно дало бы *'*ipras*; однако форма *ipras* < **il-pras* уже была использована для непереходного глагола. Ср. в меxри *jiṭōber* < **ja-tabar* (как показал А. Клингенхебен). Наряду с приведенной моделью переходного глагола существует более редкая: **lmad*, **ja-lmad*, **ja-lmad*.

³ Так в большинстве семитских языков, первоначально и в аккадском, где эти глаголы имеют ингрессивно-индоативное (начинаяльное) значение: *i-blat* 'ожил', *i-šlam* 'стал благополучным'. Очень рано, однако, в аккадском эта форма вытесняется формой с огласовкой глаголов движения (по аналогии).

⁴ Эта форма имеется только в аккадском и, вероятно, не первоначальна. Древнейшей формой, видимо, было **il-pras*.

5 Предложенная нами реконструкция праберберо-ливийских форм требует обоснования, которое мы постараемся дать в самом кратком виде. В современных берберских языках имеются, как правило, три спрягаемые глагольные формы (помимо императива): аорист (=перфектив), претерит (=имперфектив) и аорист-габитатив, который О. Рёсслер сопоставляет с аккадским имперфективом (считая аорист и претерит за разновидности одной формы), а М. Коэн и А. Клингенхебен более убедительно увязывают с семитскими редуплицированной и рефлексивной породами — формами другого характера, о которых ниже. Возможно также, что эта форма аналогична египетской форме итератива (или дуратива, габитатива) *mrr*. В некоторых диалектах спрягаемых форм больше (до пяти), но А. Бассэ, — по-видимому, справедливо, — считает остальные формы воинственными позже. Восстановление первоначальной огласовки берберских глагольных форм сопряжено с большими трудностями, связанными с исчезновением ряда согласных (*θ*, *χ*, *y*, *b*, *č*, *h*, *š*, *k*), с совпадением всех кратких гласных в *ə* или нуле гласного и в ряде случаев — с изменением гласных под влиянием исчезнувшего, но для нас качественно неотождествимого согласного. Многое поэтому здесь остается совершенно неясным. Однако наиболее обычны формы: императив *ərðəl*, *əzzəl*, *əgmi*, *əndu*, перфектив (аорист) *i-rdəl*, *i-zzəl*, *i-gm̩i*, *i-nādū*, имперфектив (претерит) *i-rdəl*, *i-zzəl*, *i-gməl*, *i-nāda/u* (корни *rđl* 'брать', *[z]z̩l* 'держать', *gm̩i* 'искать', *nđd* 'сбивать масло'). Совпадение форм перфектива и имперфектива выывает необходимость в появлении специальной дополнительной частицы имперфектива *ad*. Нам представляется, что наиболее логично и последовательно наличные глагольные формы можно объяснить, если реконструировать их следующим образом: императив **(u)r̩ul*, **(u)sul* [или **(i)r̩il*, **(i)sil*], **(i)gm̩i*, **(u)nđdū*, перфектив **ja-r̩ul*, **ja-sul* [или **ja-r̩il*, **ja-sil*], **ja-gm̩i*, **ja-nđdū*, имперфектив **ja-r̩(a)sal*, **ja-(a)sal*, **ja-g(a)m̩i*, **ja-n(a)dād*. Трудно доказать, что основа имперфектива образовалась именно по модели **-fras*, а не **-fras*, однако это вероятно по аналогии с семитскими (не только аккадским, но и южноperiферийными).

Для реконструкции берберского непереходного глагола следует иметь в виду, что в настоящее время он может совпадать с переходными (императив *ənder*, перфектив *i-nđər*, имперфектив *i-nđar* от корня *nđr* 'стонать', причем, однако, исходная огласовка могла быть и отличной от переходного, например **(a)nđar*, **i-nđar*, **i-nđar*), или же выражается так называемым квадитативом. Последний в свою очередь может иметь две различные формы: 1) императив *gəđər̩*, перфектив *ja-gəđər̩*, 'быть рыжим'; 2) императив *istmad*, перфектив *i-smad* 'быть холодным' (прочие варианты огласовки квадитатива относятся, видимо, к производным глагольным породам). Роль имперфектива в квадитативных глаголах во всех случаях играет форма, по своему происхождению явно именная (в кабильском она спрягается по образцу аккадского статива). Не касаясь сложного вопроса о форме императива, можно предположить, что первоначальные формы перфектива восходят к **ja-ggadaq*, **ja-smāt̩*. Первая из этих форм не имеет, как кажется, аналогий в других семитохамитских языках (но ср. ниже о породе N?), и мы опускаем ее в таблице. Возможно, что непереходные глаголы первоначально не различались по видам. Правда, нерегулярный глагол **inj̩i* 'быть молодым', наряду с закономерной формой императива и перфектива *inaj̩* <**ja-nāj̩*, дает форму имперфектива *ja-jaq̩i*, видимо, из **ja-jañāj̩* — по образцу имперфектива переходных глаголов (?). Однако это — единичный случай и, может быть, за формой *ja-jaq̩i* скрывается какая-либо редкая именная модель.

6 В бедаудье, исключая вторичные формы, образуемые с помощью вспомогательного глагола, имеются три формы префиксального спря-

жения: перфект (=перфектив), плюсквамперфект и презенс (=имперфектив). Плюсквамперфект, по-видимому, — вторичная форма, образованная из презенса. Некоторые глаголы имеют только две формы префиксального спряжения. Противопоставление огласовки *-a-* имперфектива огласовке *-i-* перфектива характерно и для других кушитских языков (сомали, агау, сахо-афар и др.; в последнем, однако, это различие в огласовке перенесено на префикс). Следует обратить внимание на то, что переходный глагол в бедауде образуется по типу аккадского глагола *движения*.

⁷ Засвидетельствованы формы 3-го л. ед. ч. *fan'dig*, *e-n'dir*. Высказывается мнение, что *-n-* в форме переходного презенса — реликт вспомогательного глагола *'an* ‘быть’ (ср. группу префиксов *ja-na* в агау). Однако это маловероятно, так как во множественном числе этого *-n-* нет: 3-е л. мн. ч. *e-fa'dig-na*, *e'-dir-na* (и *e'-der-na* < **ja'-dair-na?*). Инфикс *-n-* нет и в презенсе производных глагольных пород. Поэтому либо мы имеем перед собой контаминацию первоначальных и вспомогательно-глагольных форм в парадигме, либо засвидетельствованную форму 3-го лица ед. ч. презенса можно объяснить как < **ja-faddig*, считая *-nd-* результатом диссимиляции *-dd-*, которое само по себе, конечно, тоже вторичного происхождения (ср. образование имперфектива в аккадском), а долготу — результатом влияния ударения или аналогии. Ср. также в сомали перфектив *ji-kīn* ‘знал’, имперфектив *ja-kān*. Иначе возможно предположить родство *-n-* в бедауде с частицей *-na* в хауса. Для образования непереходного имперфектива на *-i-* ср. форму имперфектива на *-da* в хауса.

⁸ Эта форма почти полностью вытеснена юссивом.

был бы обратным, и к тому же субъектные местоимения вряд ли совпадали бы с местоимениями в формах без *n(a)*⁶².

Более вероятно, что в *n(a)* следует видеть остаток вспомогательного глагола «быть», аналогии чему имеются в ряде кушитских языков. Этот же глагол с полностью редуцированной основой следует, вероятно, видеть в «самостоятельных» местоименных показателях лица в юссиве, в неполногласной форме *ja(n)* перфектива и полногласной форме *ja-na* имперфектива⁶³. В египетском языке первоначальные глагольные формы совершенно вытеснены именными конструкциями

⁶² Правда, в египетском *n-* не только основа *nota genitivi*, но еще и предлог, указывающий в числе прочего на различные локативно-tempоральные отношения. Однако этот предлог, возможно, родственен семитскому предлогу *li/a-* и является лишь омонимом *nota genitivi*.

Частица *-n-* сохраняется не во всех формах хаусанского перфектива; ее нет в 1-м лице, 2-м лице м. р. и в 3-м лице ед. ч., поэтому берем форму множественного числа *su-n kira*. В подкрепление предположения о том, что конструкция в чадских могла быть аналогична египетской (см. ниже), можно отметить, что в чадском языке мусгу местоименный показатель 3-го лица при глаголе опускается, если в предложении субъект выражен именем. Однако приведенное в тексте объяснение представляется более вероятным.

⁶³ Помимо приведенных в таблице глагольных форм, в хауса существуют и другие, где субъектный показатель соединяется с глагольной основой другими частицами. Например, прошедшее время *su(n)-ka kira*, будущее время *s(u)-ā kira*; иногда место этих частиц (?) занимают несомненные вспомогательные глаголы, например габитатив *su kan kira*.

(посессивной и близкой к ним): *sđm-f* 'услышание⁶⁴ его' = 'он слышит' — для имперфектива и *sđm-n-f* 'услышание для него' = 'он услышал' — для перфектива⁶⁵. Первоначально именной характер этой конструкции подтверждается не только тем, что субъект здесь всюду выражен обычным притяжательным местоимением, но и тем, что личный показатель *-f* 'его' опускается, если подлежащим является имя существительное: *sđm z* 'слышит сын', собственно 'услышание сына'. Однако, как мы увидим, некоторые исследователи полагают, что следы префиксального спряжения в египетском все же имеются.

В берберских языках подлежащее, если оно следует после глагола, ставится в *status annexus*⁶⁶. Можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело тоже с посессивной конструкцией (хотя и без вытеснения собственно глагольных форм именными), поскольку *status annexus* выступает и в качестве формы родительного падежа. Однако толкование берберской глагольной конструкции как посессивной отнюдь не может считаться обязательным⁶⁷.

Что касается семитских языков, то, как мы уже указывали, есть основание предполагать в них первоначально эргативный характер конструкции по типу «у него — услышание (оно)» = «он услышал (его)». Для языков с эргативной

⁶⁴ Обычно полагают, что *sđm* здесь — причастие страдательного залога. Однако есть основания думать, что страдательного залога как такового в семитохамитских языках не было, так что речь идет о причастии состояния типа аккадского, не обязательно имеющим пассивное значение. В аккадском оно (в производных породах) совпадает с именем действия или состояния. Поэтому форму *sđm-f* позволительно толковать не только как 'услышанное его', но и как 'услышание его'. Согласно Т. М. Тэккеру, элемент *sđm-* в *sđm-n-f* — инфинитив. Существенен здесь сам именной характер конструкции.

⁶⁵ Наряду с этим имеются и другие глагольные формы, где субъектный показатель вводится другими частицами, например результативные (?) формы *sđm-in-f*, *sđm-br-f*, *sđm-k'-f*. Эти частицы могут стоять *и* перед глагольной формой: *br(-f)* *sđm-f*. Очень распространены различные конструкции с авербальным или именным предикатом.

⁶⁶ Иногда между глагольной формой и подлежащим вставляется частица *-n* или *-d*, которая, однако, в настоящее время носит характер постверба, уточняющего значение глагола в смысле направления действия.

⁶⁷ В самом деле, форма *status annexus* есть в сущности просто форма имени без артикля. Можно предположить, что наличие артикля при подлежащем вызывало перенесение на него логического ударения и передвижение его в начало предложения, вследствие чего в настоящее время подлежащее, стоящее перед глаголом, имеет форму *status liberus*, а стоящее после него — форму *status annexus*. С другой стороны, можно предполагать и то, что в берbero-ливийском были возможны две равноправные конструкции: эргативная или номинативная (подлежащее в *status liberus* + сказуемое) и посессивная (сказуемое + подлежащее в *status annexus* = родительном падеже, ср. особую форму на *-t* в *status annexus* в ливийско-нунидийском). Однако последнее предположение вряд ли убедительно.

конструкцией обычно характерно, что субъектные показатели переходного глагола неизъя возвести к личным местоимениям прямого падежа. По-видимому, это же явление мы наблюдаем и в семитохамитских языках⁶⁸. Префикс 1-го лица ('-a-) не может быть увязан с каким-либо местоимением прямого падежа; единственная аналогия — суффикс *-a(m)*, выражающий 1-е лицо косвенного объекта. Мы не можем судить о префиксах остальных лиц; возможно, не было существенной разницы в местоименных основах прямого и предполагаемого косвенного падежей. Субъектные же показатели в 3-м лице глагола, как во многих языках, очевидно, восходят к показателям грамматических классов *u-//i-*⁶⁹ и *t-*.

Мы уже отмечали выше, что в языках эргативного строя при переходном глаголе субъект действия стоит в косвенном, так называемом эргативном падеже, а прямой объект рассматривается как субъект состояния, наступающего в результате этого действия, и поэтому стоит в прямом (абсолютном) падеже, обычно неоформленном. При непереходных же глаголах, которые прежде всего — глаголы состояния, субъект этого состояния, естественно, тоже стоит в прямом (абсолютном, неоформленном) падеже⁷⁰. Поэтому, если семитохамитские языки когда-то были языками эргативного строя, то следует ожидать, чтобы и здесь непереходные глаголы конструировались подобным же образом и, соответ-

⁶⁸ Заметим, что личное самостоятельное местоимение прямого падежа в семитских языках, вообще говоря, и в историческое время выражает не подлежащее как таковое, а только эмфатически выделенный логический субъект, иной раз такое местоимение даже не согласуется с глаголом (ср. акк.: *u ði i-mkut-su ðatt-u(-m)* 'а он — поразил его страх').

⁶⁹ Ср. частое чередование начального *u-//i-* при сохранении *u* в других позициях в ряде семитохамитских языков. Для чередования *u-//i-* в других позициях ср.: 1) показатель 1-го лица притяжательного местоимения: хауса *-u-*, остальные языки *-ia-*; 2) причастия состояния: куш. *-ara >-ā*, хауса *-aie*, **-ie* (*kirarre < *kirar-je?*), в женском роде на *-ia-*.

⁷⁰ Предположение о первоначально эргативном характере семитохамитской глагольной конструкции влечет за собой допущение, что в общесемитохамитском не должно было существовать пассива, т. е. такой глагольной формы, в которой действие рассматривается не с точки зрения логического субъекта, а с точки зрения логического объекта. При классической эргативной конструкции не может существовать пассива, так как точка зрения логического объекта (=субъекта состояния) так же отражена в основной глагольной форме, как и точка зрения субъекта действия, т. е. глагольная форма не является ни активной, ни пассивной, а «двухсубъектной»: в ней отражен и субъект действия, и субъект наступающего состояния, что ясно видно на примере таких эргативных языков, как шумерский, хурритский, урартский и т. п. И действительно, можно показать, что формы пассива в отдельных семитохамитских языках неизъя возвести к общему прототипу, и что семитохамитский пассив во всех случаях — либо не специальна пассивная, а «безличная» форма, либо вторично возникла

ственno, чтобы их субъектные показатели могли быть воведены к личным местоимениям прямого падежа. Выше мы видели, правда, что непереходные глаголы в семитохамитских языках, хотя и имеют особое оформление, однако спрятываются в принципе так же, как и переходные. Но материалы наиболее архаичного аккадского языка показывают, что речь идет только о глаголах непереходного действия (глаголы движения, индоативные и т. п.). Иначе обстоит дело в тех случаях, когда сказуемое выражает состояние, для чего в аккадском языке существует особая форма — статив, образуемая как от первичных, так и от глагольных имен, в первую очередь от причастий состояния [модель **paris(a)*, **paras(a)*, **parus(a)*]⁷¹. Как уже указывалось выше, в 3-м лице статив оформляется как *status praedictivus* и имеет только родовой показатель, но если подлежащее выступает в 1-м или 2-м лице, то статив получает суффиксальные субъектные показатели, принципиально совпадающие с личным самостоятельным местоимением прямого падежа (минус эмфатическая частица '*an*-'):

Местоимение		Личный показатель в стативе ⁷²
1-е л.	<i>*-ku</i>	<i>-kā⁷³</i> , <i>-ti⁷⁴</i>
2-е л. { м. р. ж. р.	<i>*-ka > *-ta</i> <i>(*-ki?) > *-ti</i>	<i>-ka⁷⁴</i> , <i>-ta</i> <i>-ki⁷⁴</i> , <i>-ti</i> , и т. д. ⁷⁶

из форм возвратных. Нередко мнимые формы пассива в действительности залогово-нейтральны. (Так, выделение грамматиками специальной первичной формы пассива в египетском ведет к утверждению о наличии в этом языке пассива от непереходного глагола. Однако по определению пассив — это глагольная форма, где логический объект рассматривается как грамматический субъект, а непереходный глагол — это глагол, не имеющий ни логического, ни грамматического объекта. Другими словами, в египетском якобы имеется глагольная форма, в которой грамматическим субъектом является объект глагола, не имеющего объекта. Исторически существующее в египетском положение проще объяснить существованием в нем, — на более ранней ступени развития, — залогово-нейтральных непереходных форм глагола). Здесь мы не будем подробнее останавливаться на этом вопросе, который мы постараемся осветить в другом месте.

⁷¹ Окончание *-a* не засвидетельствовано для статива в аккадских текстах, во может быть восстановлено, потому что для абсолютной формы как ноль, так и *-a* вообще засвидетельствованы на древнейшем этапе аккадского, а 3-е лицо статива — не что иное, как абсолютная форма (*status praedictivus*) причастия состояния.

⁷² И в «новом перфективе» других семитских языков, кроме аккадского.

⁷³ В аккадском и эфиопском.

⁷⁴ В эфиопском «новом перфективе».

⁷⁵ В других семитских языках (в «новом перфективе», возникшем из статива).

⁷⁶ Во множественном числе 1-го л. **-na/u*, 2-го л. м. р. **-kuti*, **-tum*, 2-го л. ж. р. **-ki(n)na*, **-ti(n)na*, 3-го л. м. р. **-ā*,

Совершенно так же, как аккадский статив, конструируется и функционально совпадающий с ним египетский «псевдопартицип» («форма качества и состояния», квалитатив-статив):

1-е л.	<i>sđm-kwy</i> ⁷⁷				
2-е л.	<table border="0" style="margin-left: auto; margin-right: auto;"> <tr> <td style="text-align: center;">м. р.</td> <td style="text-align: center;"><i>sđm-ty</i></td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">ж. р.</td> <td style="text-align: center;"><i>sđm-ty</i></td> </tr> </table>	м. р.	<i>sđm-ty</i>	ж. р.	<i>sđm-ty</i>
м. р.	<i>sđm-ty</i>				
ж. р.	<i>sđm-ty</i>				
3-е л.	<table border="0" style="margin-left: auto; margin-right: auto;"> <tr> <td style="text-align: center;">м. р.</td> <td style="text-align: center;"><i>sđm-w, sđm-y</i></td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">ж. р.</td> <td style="text-align: center;"><i>sđm-ty</i>⁷⁸.</td> </tr> </table>	м. р.	<i>sđm-w, sđm-y</i>	ж. р.	<i>sđm-ty</i> ⁷⁸ .
м. р.	<i>sđm-w, sđm-y</i>				
ж. р.	<i>sđm-ty</i> ⁷⁸ .				

Сомнение здесь вызывает лишь конечное *-y*, и, может быть, правы те, кто видят в нем реликт глагольной связки *īw* 'быть' в старом префиксальном спряжении⁷⁹:

1-е л.	<i>*sadim-ku</i> ⁸⁰ 'a-īw > <i>sđm-kwy</i> [<i>*sadim-kuₖa!(u)</i>]				
2-е л.	<table border="0" style="margin-left: auto; margin-right: auto;"> <tr> <td style="text-align: center;">м. р. <i>*sadim-t(a)</i></td> <td style="text-align: center;"><i>ta-īw</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(u)</i>]</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">ж. р. <i>*sadim-t(i)</i></td> <td style="text-align: center;"><i>ta-īw-ī</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(i)</i>]</td> </tr> </table>	м. р. <i>*sadim-t(a)</i>	<i>ta-īw</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(u)</i>]	ж. р. <i>*sadim-t(i)</i>	<i>ta-īw-ī</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(i)</i>]
м. р. <i>*sadim-t(a)</i>	<i>ta-īw</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(u)</i>]				
ж. р. <i>*sadim-t(i)</i>	<i>ta-īw-ī</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(i)</i>]				
3-е л.	<table border="0" style="margin-left: auto; margin-right: auto;"> <tr> <td style="text-align: center;">м. р. <i>*sadim-(a)u</i></td> <td style="text-align: center;"><i>la-īw</i> > <i>sđm-w/y</i> [<i>*sadim-ua!(u)</i>]</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">ж. р. <i>*sadim-t</i></td> <td style="text-align: center;"><i>t/la-īw</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(u)</i>]</td> </tr> </table>	м. р. <i>*sadim-(a)u</i>	<i>la-īw</i> > <i>sđm-w/y</i> [<i>*sadim-ua!(u)</i>]	ж. р. <i>*sadim-t</i>	<i>t/la-īw</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(u)</i>]
м. р. <i>*sadim-(a)u</i>	<i>la-īw</i> > <i>sđm-w/y</i> [<i>*sadim-ua!(u)</i>]				
ж. р. <i>*sadim-t</i>	<i>t/la-īw</i> > <i>sđm-ty</i> [<i>*sadim-ta!(u)</i>]				

Примерно так же, как аккадский статив, образуется и берберо-ливийский квалитатив — предикативная форма качественных прилагательных, сохранившаяся только в одном из берберских языков — кабильском⁸¹:

3-го л. ж. р. **-ā*. Последние две формы являются обычным множественным числом аккадского имени в *status praedicativus*.

⁷⁷ Так же *sđm-kw*, *sđm-ky*.

⁷⁸ Ср. М. Э. Матье, *Основные черты древнеегипетского глагола*, — «Ученые записки ЛГУ», № 128, сер. востоков. наук, вып. 3, 1952.

⁷⁹ Правда, эти исследователи (например, А. Клингенхебен) считают, что связка здесь присоединяется не к полной форме статива с личным окончанием, а просто к *status praedicativus*, как это имеет место, скажем, в предикативных прилагательных языка бедауье, но такое предположение хуже объясняет наличные формы (например, *sđm-kwy*). Поэтому предпочтительнее реконструировать египетский квалитатив-статив (по крайней мере в единственном числе) как спрягаемую форму *status praedicativus* причастия состояния (*status praedicativus* + суффицированное личное местоимение) в соединении с префиксально спрягаемой связкой. Следует заметить, что реконструкция следов связки в древнеегипетской «форме качества и состояния» предполагает существование совсем иной глагольной конструкции, чем в исторически вавилонийско-ассирорусских египетских текстах, где связка в данном случае невозможна.

⁸⁰ Условно реконструируемая огласовка типа огласовки аккадского причастия состояния. По Тэккеру, основу нужно огласовывать по типу **sadim-*.

⁸¹ Совпадение с аккадским заставляет думать, что спряжение кабильского квалитатива — пережиток общеберберо-ливийского явления,

Аккадский
статив

Кабильский
квалитатив

Ед. ч.⁸²

1-е л.	... -āku ⁸³	... -əγ (< *... -ak < *... -akku?) ⁸⁴
2-е л.	{ м. р. ... -āta ⁸³ ж. р. ... -āti ⁸³	{ ... -əd (< *... -at < *... -atta?) ⁸⁴ ... -əd (< *... -at < *... -atti?) ⁸⁴
3-е л.	{ м. р. ... — ж. р. ... -at	... — ... -əθ (< *... -at)

В кушитских языках, если старый статив и существовал, то был вытеснен новообразованиями (в бедауе есть предикативное прилагательное с сокращенной связкой). В хауса статива нет.

Следует попытаться объяснить отличия глагольной системы в других семитских языках, кроме аккадского, от общесемитохамитской. Предлагалось несколько различных объяснений⁸⁵, но наиболее простым кажется то, которое будет изложено ниже.

Основное отличие других семитских языков от аккадского в области глагольной системы заключается в том, что форма,

что подтверждается и наличием во всех берберо-ливийских диалектах показателя 1-го лица -əγ (-iγ/-aγ) в формах перфектива и имперфектива. Этот показатель может происходить явно только из парадигмы квалитатива. Отсюда следует, что в общеберберо-ливийском ранее существовал статив с личными показателями, восходящими к личным самостоятельным местоимениям прямого падежа 1-го типа (типа семитских 'an-āku/t, 'an-ia, 'an-ii и т. д., но без 'an-), ср. берберское личное самостоятельное местоимение 1-го лица nə(k)k(i) (> *'an-ākī?). В других берберских языках квалитатив спрягается примерно так же, как и прочие глагольные формы.

⁸² Во множественном числе аккадский статив образуется по тому же образцу, а именно -āpi, -ātapi (**-tumū*), -ātina, -ā, -ā, в то время как кабильский квалитатив имеет общий для всех лиц множественного числа показатель -iθ, который, по мнению О. Рёсслера, можно сопоставить с аккадским множественным числом прилагательных и причастий на -āt-.

⁸³ -ā—здесь соединительный гласный.

⁸⁴ Предполагаем, что -γ, -d восходят не к -k, -t, как обычно, а к удвоенным под влиянием прежнего ударения -kk-, -tt-; -ku, -ta, -ti должны были бы дать в кабильском -(ə)χ, -(ə)θ.

⁸⁵ Новейшие теории см. J. Kuryłowicz, *L'apophonie en sémitique*, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961; O. Rössler, *Akkadisches und libysches Verbum*, — «Orientalia», XX, 1951; A. Klingenberg, *Die Präfix- und die Suffixkonjugation des Hamito-Semitischen*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», IV, 1956. — Все эти теории страдают тем недостатком, что практически отождествляют форму семитского «нового» имперфектива *ja-prus-i с аккадским перфективом *ja-prus, хотя эти формы не идентичны. Теория А. Клингенхебена имеет еще ту слабость, что выводит содержание из предполагаемых им форм, а не необходимость наличия тех или иных форм из содержания. Важнейшая теоретическая работа — B. Kienast, *Das Punktualthema japyrus und seine Modi*, — «Orientalia», XXIX, 2, 1960 (там же литература).

игравшая в аккадском роль статива (модель **para/i/usa*, которую мы назовем «новым» перфективом), здесь полностью вытеснила старый перфектив **ja-prus*⁸⁶, **ji-pras*. Объяснить это изменение в общем нетрудно, так как статив, выражая состояние как результат действия, является формой перфективной по своему существу; к тому же, будучи по своему происхождению залогово-нейтральным, статив мог в отдельных случаях получать и переходное значение, когда образовывался от переходного глагола; так, форма *šabit* ('взят', но также 'взял и держит') может уже и в аккадском языке в отдельных случаях (в поэзии) получать объектный местоименный суффикс.

Более трудно объяснить тот факт, что форма старого перфектива плюс окончание *-i* (**ja-prus-i*, **ji-pras-i* и т. п.) во всех семитских языках, кроме аккадского и южнoperиферийных, играет роль имперфектива (будем называть эту форму «новым имперфективом»). Прежде чем перейти к объяснению этого факта, необходимо коснуться тех форм, которые в семитском языкоzнании довольно условно обозначаются как наклонения⁸⁷.

Поскольку наклонения выражались преимущественно внешней гласной флексией, постольку уже в языках средней ступени они сохранялись только пережиточно, а в языках новой ступени совершенно исчезли. Таким образом, речь может идти лишь об аккадском и арабском. Формы наклонений существуют здесь только для префиксального спряжения, т. е. в аккадском для перфектива и имперфектива, в арабском — только для «нового» имперфектива. Помимо этих двух языков необходимо

⁸⁶ Для упрощения в дальнейшем мы будем опускать формы глаголов движения типа **ja-pris*.

⁸⁷ В общесемитохамитском субъюнктивном наклонении, видимо, не было. Это вытекает из того, что окончания *-i*, *-a*, как показал А. П. Рифтин, были первоначально свойственны именным оборотам, исторически предшествовавшим возникновению придаточных предложений. Так, наряду с подчинительной глагольной конструкцией **šarr-i-tu i-prus-i*, *šar(r) i-prus-i* ('царь, который разделил', где в первом случае *tu* — по *ta genitivi*, а во втором случае определительным придаточным предложением управляет имя *in status constructus*, как если бы далее следовало определение родительным падежом) в аккадском все еще можно употребить и генитивный или локативный, чисто именной оборот: **šar(r) parās-i-t*, **šar(r) parās-i-u*;ср. в Законах Хаммурапи: *'erēb tābāz-i* 'ярость, что в битве'. Аналогично тому, как аккадское *-i* в **ja-prus-i* является показателем локатива (совершенно так же, как *-a* в шумерском сослагательном наклонении и в именных оборотах), семитское *-a* в **ja-prus-a* является винительным цели, весьма обычным в семитских языках (см. А. П. Рифтин, *О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке*, — «Советское языкоzнание», III, 1937, стр. 59 и сл.; *К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках*, — «Труды II сессии Ассоциации арабистов», М.—Л., 1941, стр. 127 и сл.).

привлечь материалы языка мехри, поскольку они дают возможность реконструировать положение в южнoperиферийных языках древней ступени, тексты на которых не огласованы.

В перечисленных языках существуют или реконструируются три основных наклонения⁸⁸, не считая изъявительного⁸⁹: юссивное (без окончания) и два типа сослагательных (субъюнктивных) — с окончаниями *-i* и *-a*.

В мехри, в котором, как в языке новой ступени, внешней гласной флексии не сохранилось, имеется только одна форма для всех наклонений, помимо изъявительного (и императива), а именно **la-frus-*; однако с большой долей вероятности можно предположить, что в южнoperиферийных языках древней ступени имелись также формы **la-frus-i* и **la-frus-a*, слившиеся при утере внешней флексии с формой юссива *la-frus*⁹⁰.

Соотношение значений форм наклонений в аккадском, южнoperиферийных (в реконструкции) и в арабском можно представить в виде табл. 9.

Своеобразие аккадского языка заключается в существовании формы имперфектива непереходного глагола **la/i-pari/us*, образованной по аналогии с имперфективом переходного глагола **la-paras*; как, по-видимому, показывает материал берберского, это — аккадское новообразование, так как в общесемитохамитском форма непереходного глагола **li-prās* обслуживала оба вида. Существовавшие в различных семитохамитских языках другие формы имперфектива непереходного глагола, как видно из табл. 8, не сводимы к общему прототипу. Наличие симметричных форм переходного и непереходного перфектива, отличных от таких же симметричных форм переходного и непереходного имперфектива, по всей вероятности, и предохранило аккадский от вытеснения старого перфектива стативом. Наоборот, для других семитских языков образование «нового» перфектива на базе статива сделало впервые возможным различать виды не только в переходном, но и в непереходном глаголе.

⁸⁸ В арабском и некоторых других семитских существует еще так называемое «усилительное наклонение» с окончанием *-n(na)*, в данном случае не представляющее для нас интереса. В аккадском роль особого «наклонения» для выражения общего движения действия по направлению к говорящему играет изъявительная форма с суффиксальным местоимением косвенного объекта 1-го лица (см. А. П. Рильтин, *К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках...*).

⁸⁹ Мы исключаем также императив, форму совершенно особую и не связанную с обсуждаемыми формами наклонений.

⁹⁰ Реально в южнoperиферийных языках древней ступени как юссив, так и субъюнктив обычно имеют «усилительную» форму на *-n*, *-nn*, вероятно, сверх собственного показателя наклонения: ноль, *-i*, *-a*. Это во всяком случае указывает, что образование юссива и субъюнктива в этих языках было однородным по характеру.

Таблица 9

Наклонения в семитских языках

Форма	Языки		
	Аккадский	Южнопериферийные	Арабский
I. <i>*ia-prus</i> (неперех. <i>*i-prus</i>)	1) изъявительное перфектива; 2) юссив безвидовой	юссив безвидовой	юссив безвидовой
* <i>ia-pruz-u</i> (неперех. <i>*i-pruz-u</i>)	субъюнктив I перфектива (как форма глагола во всех придаточных предложениях, кроме условных, где применяется юссив)	*субъюнктив I (возможно, безвидовой?)	изъявительное имперфективо, она же форма имперфективного глагола во всех придаточных предложениях, кроме целевых и условных субъюнктивов (как форма глагола в целевых придаточных предложениях?)
* <i>ia-pruz-a</i> (неперех. <i>*i-pruz-a</i>)	субъюнктив II перфектива (сохранялся только в одном из диалектов староаккадского), специфика неясна	*субъюнктив II (как форма глагола в целевых придаточных предложениях?)	изъявительное имперфективо, вместе с этим — форма <i>i-i-fras?</i> 1
II. <i>*ia-paras</i>	изъявительное имперфектива переходного глагола	изъявительное имперфективо переходного глагола	(вероятно, не существует)
* <i>i/a/i-pari/us</i>	изъявительное имперфектива неперходного глагола	(не существует)	(не существует)
* <i>ia-paras-u</i> (неперех. <i>*i/a/i-pari/us-u</i>)	субъюнктив имперфектива	(вероятно, не существует)	(не существует)
III. <i>*par/a/us(a)</i>	статив	перфектив	перфектив

1 В дальнейшем так же, как в аккадском.

«Новый» перфектив **para/i/usa*, вытеснивший формы **la-prus*, **li-pras* в их роли изъявительного наклонения перфектива, отдельных собственных форм для юссиева и субъюнктива не имел ни в южнопериферийных, ни в арабском⁹¹. Так как форма **la-prus* в ее роли юссиева являлась безвидовой⁹², то она смогла сохраниться и после появления «нового» перфектива. Безвидовой же, вероятно, была и форма субъюнктива II **la-prus-a*, обслуживавшая целевые предложения, имперфективные по самому своему содержанию⁹³. Наконец, вероятно, что и форма субъюнктива I **la-prus-i* была безвидовой, либо изначально, либо по аналогии с юссиевом и субъюнктивом II, так как материалы меҳри показывают, что и при наличии изъявительного наклонения имперфектива **la-faras* в сослагательном наклонении имперфектива налицо форма **la-frus(-i)*; аккадская форма *la-paras-i* является, очевидно, новообразованием.

При вытеснении во всех наклонениях старого перфектива «новым» все перечисленные безвидовые префиксальные формы оказались имперфективными.

Непереходная, первоначально безвидовая даже в изъявительном наклонении⁹⁴ префиксальная форма **li-pras-* с появлением «нового» перфектива также закрепилась за имперфективом.

То обстоятельство, что в арабском форма **la-frus-i* используется в качестве изъявительного наклонения имперфектива, затемняет для нас тот факт, что она одновременно несет и те функции, которые свойственны аккадской форме **la-prus-i*, а именно подобно ей применяется в качестве формы глагола во всех придаточных предложениях, кроме целевых⁹⁵ и условных⁹⁶. Таким образом, можно предполагать, что форма

⁹¹ Аккадский статив может принимать окончание *-i* субъюнктива, но не во всех формах; возможно, это явление аккадского языка в других языках не возобладало.

⁹² Свидетельством этого является безвидовой характер юссиева в условных предложениях в арабском и в аккадском (где его смешивают с перфективом, хотя он имеет имперфективное значение).

⁹³ Поскольку действие в целевом предложении нормально не может рассматриваться как совершенное.

⁹⁴ Ср. аналогичное положение, например, в шумерском.

⁹⁵ Классический аккадский не делает различия между целевыми и другими придаточными предложениями. Но наличие в староаккадском двух синонимичных форм сослагательного наклонения **la-prus-i* и **la-prus-a* не может быть первоначальным, и, вероятно, что форма **la-prus-a* ранее несла особую функцию, а именно ту же, что и в арабском. На это указывает и ее происхождение из винительного места (направление → цель), см. выше.

⁹⁶ Различие видового порядка (для арабского *la-frus-i* является формой глагола придаточного и главного предложения в имперфективе, для аккадского *i-prus-i* — форма глагола придаточного предложения в перфективе) в данном случае значения не должно иметь, если мы

**la-frus-i* в арабском была первоначально, так же как в акадском и в мехри, субъюнктивной и, как в мехри, безвидовой, лишь позже вытеснив форму изъявительного наклонения имперфектива **la-faras*, являвшуюся, по согласным показаниям материалов почти всех ветвей семитохамитской языковой семьи, исконной формой имперфектива переходного глагола.

Причина возникновения в арабском этой второй и отныне более важной функции формы **la-frus-i* — функции изъявительного наклонения имперфектива — может быть объяснена довольно просто. Как мы видели, все прочие неполногласные префиксальные глагольные формы с появлением «нового» перфектива стали из безвидовых имперфективными. Получилась следующая схема:

	Имперфектив переходного глагола	Имперфектив непереходного глагола
Изъявительное наклонение	* <i>la-paras</i>	* <i>li-pras</i>
Юссиив	* <i>la-prus</i>	* <i>li-pras</i>
Субъюнктив I	* <i>la-prus-i</i>	* <i>li-pras-i</i>
Субъюнктив II	* <i>la-prus-a</i>	* <i>li-pras-a</i>

Полногласная форма старого изъявительного наклонения имперфектива нарушила стройность схемы. Тем не менее она сохранилась в мехри, но в арабском, с его тенденцией к геометрическому схематизму⁸⁷, а также в североцентральных языках она была вытеснена следующей по частоте встречаемости формой, а именно формой глагола большинства придаточных предложений⁸⁸. Это было тем естественнее, что и в существовавшем уже к этому времени «новом» перфективе формы глагола в главных и придаточных предложениях никак не различались.

допустим, что субъюнктив в арабском был формой безвидовой и если акадский субъюнктив имперфектива **la-paras-i* — новообразование.

⁸⁷ Эта тенденция очень четко проявляется для арабского во всех глагольных моделях. Ср. в числе прочего подгонку огласовки непереходного глагола (*la-fras-i*) под схему огласовки переходного (*la-frus-i*), т. е. **li-pras-i* > **li-fras-i*.

⁸⁸ Изъявительное наклонение и субъюнктив I — являются одинаково повествовательными формами; в сущности субъюнктив I становится функционально излишним при наличии подчинительных союзов. Напротив, юссиив имеет совсем иную семантику. Поэтому понятно, что формы изъявительного наклонения **la-faras*, **li-fras* были вытеснены формами субъюнктива **la-frus-i*, **li-fras-i*, а не формой юссиива. К тому же в перфективном употреблении субъюнктив I уже исчез с появлением формы **fara/i/usa*, но область употребления юссиива не была затронута «новым» перфективом.

Таким образом, для прасемитского мы можем реконструировать следующую систему, близкую к общесемитохамитской⁹⁹.

Пра се ми т ск и й:				Непереходный глагол
Переходный глагол				
Наклонения	Имперфек- тив	Безвидовые формы	Перфектив	Безвидовые формы
Изъявитель- ное	* <i>ja-paras</i>	—	* <i>ja-prus</i> ¹⁰⁰	* <i>ji-pras</i> ¹⁰¹
Юссив	—	* <i>ja-prus</i>	—	* <i>ji-pras</i>
Субъюнк- тив I	—	* <i>ja-prus-u</i>	—	* <i>ji-pras-u</i>
Субъюнк- тив II	—	* <i>ja-prus-a</i>	—	* <i>ji-pras-a</i>
Статив	—	—	* <i>pari/a/us(a)</i>	* <i>pari/a/us(a)</i>

Отсюда выводятся системы трех рассматриваемых языков. Во всех случаях наблюдается тенденция к симметрии форм.

Акка д ск и й:				Непереходный глагол	
Переходный глагол			Непереходный глагол		
Наклонения	Импер- фектив	Безви- довые формы	Перфек- тив	Импер- фектив	Безви- довые формы
Изъявитель- ное	<i>i-parras</i>	—	<i>i-prus</i>	<i>i-parru/is</i>	<i>i-pras</i> ¹⁰³
Юссив	—	<i>i-prus</i>	—	—	—
Субъюнк- тив ¹⁰²	<i>i-par- ras-u</i>	—	<i>i-prus-u</i>	<i>i-par- ru/is-u</i>	<i>i-pras-u</i> ¹⁰³
Статив	—	—	<i>paris</i>	—	<i>pari/a/us</i>

⁹⁹ Разница между общесемитохамитской и протосемитской схемами состоит в том, что в общесемитохамитском других наклонений, кроме изъявительного и юссивного, как уже указывалось, не должно было существовать, да и юссив представлял не что иное, как особое употребление перфектива.

¹⁰⁰ Форма **ja-prus*, очевидно, была основной повествовательной формой, а форма **ja-paras* — противостоящей (в тех случаях, когда нужно было специально подчеркнуть незавершенность действия). Поэтому хотя изъявительное наклонение **ja-prus* помещено нами не в тот столбец, что юссив и субъюнктивы **ja-prus*, **ja-prus-u*, **ja-prus-a*, однако противопоставление между ними в видовом отношении нерезкое, в отличие от противопоставления **ja-prus*: **ja-paras*.

¹⁰¹ Как показывают материалы остальных языковых ветвей, исходной формой здесь, видимо, было **ji-pras*; сокращение гласного вызывало Systemzwang.

¹⁰² Опускаем диалектные формы субъюнктива II на -a.

¹⁰³ Позднее вытесняется формами глаголов движения *i-parrus(-u)*: **i-prus(-u)*; *i-parris(-u)*: *i-pris(-u)*.

Южнопериферийные:

	Переходный глагол		Непереходный глагол	
Наклонения	Имперфектив	Перфектив	Имперфектив	Перфектив
Изъявительное Юссив	*ja-faras *ja-frus (безвид.)	*farasa	*ji-fari/us ¹⁰⁴ *ji-fras (безвид.)	*fari/usa
Субъюнкти́в I	*ja-frus(-u)		*ji-fras(-u)	
Субъюнкти́в II	*ja-frus(-a)		*ji-fras(-a)	

Арабский:

	Переходный глагол		Непереходный глагол	
Наклонения	Имперфектив	Перфектив	Имперфектив	Перфектив
Изъявительное + субъюнк- тив I				
Юссив	ja-frus-u ja-frus (безвид.)	farasa ¹⁰⁵	ja-fras-u ja-fras (безвид.)	fari/usa ¹⁰⁵
Субъюнкти́в II	ja-frus-a		ja-fras-a	

В североцентральных языках существовала та же система, что и в арабском¹⁰⁶, с той разницей, что удерживалась огласовка *ji-pras- для непереходных глаголов. На средней ступени, кроме изъявительного наклонения¹⁰⁷, здесь сохранился уже только один юссив, да и то лишь в тех случаях, когда наличие или отсутствие в прошлом конечного гласного, к этому времени уже отпавшего, повлияло на характер огласовки основы¹⁰⁸.

Важной особенностью семитохамитской глагольной системы является существование так называемых «город», т. е. групп

¹⁰⁴ В эфиопском — *ji-fari/us. Менее ясно в мехри.

¹⁰⁵ Соотношение ja-frus-u : farasa и ja-fras-u : farisa является идеальным. В реальном языке, под влиянием фонетических изменений и аналогий, встречаются и другие соотношения.

¹⁰⁶ В древнееврейском сохранилось пережиточно употребление формы *ja-prus в значении перфектива — с союзом *ya-* (*wāw conversivum*) и в некоторых других случаях.

¹⁰⁷ А также «усилительного наклонения» на -n(na).

¹⁰⁸ Например, в древнееврейском: «новый» имперфектив *ja-k̠ul-u и юссив *ja-k̠ul одинаково дают *ja-k̠ul > ji-k̠bl, однако «новый» имперфектив *ja-gli'-u > *ja-gli > ji-g'lā, а юссив *ja-gli > *ja-gl > ji-g'lā.

парадигматически связанных между собой производных основ, причем каждая порода имеет определенную семантику, различным образом характеризуя действие с точки зрения его качества, количества и направления (каузатив, фактитив, интенсив, итератив, дуратив, рефлексив, конатив, совместное и возвратное действия и др.). Каждая порода имеет полную парадигму спрягаемых глагольных форм и глагольных имен.

Средствами для образования основ производных пород являются: 1) полная или частичная редупликация (породы типа D[oppelungsstamm], употребляются в значении фактива, а также интенсива, итератива и каузатива); 2) инфиксация *-ā-* после первого корневого согласного (породы типа A, употребляются в значении конатива и совместного действия, и т. п.); 3) аффиксация *s-* (породы типа S, каузатив); 4) аффиксация *t-* (породы типа T, употребляются для передачи обратного направления действия, откуда вырабатываются рефлексивы, итеративы, габитативы и т. п.); 5) аффиксация *n-* или *m-* (породы типов N и M, употребляются в значении рефлексива и совместного действия, откуда затем, как и в породах типа T, нередко вырабатывается пассив).

Основную (непроизводную) породу мы будем обозначать символом G[rundstamm]¹⁰⁹.

Нередко встречаются и различные комбинированные породы, например S+T, S+D, D+T и т. п. Образование комбинированных пород является позднейшим, и их система весьма неоднородна в различных семитохамитских языках, даже в пределах одной какой-либо ветви.

Нередко формы, представлявшие собой первоначально самостоятельные породы простого или комбинированного типа, в дальнейшем превращаются в часть парадигм более часто употребляемых пород. Так, в эфиопском образования типа S (каузативы) образуются, в порядке обобщения системы, от всех пород. В аккадском из рефлексивных пород типа T вторично образовался дополнительный вид во всех породах (неудачно именуемый «перфектом», так как он не служит специально для передачи совершенного вида или прошедшего времени, а передает главным образом *consecutio actionibus*). В берберо-ливийских все породы имеют в составе парадигмы габитативную форму, образованную по типу редупликации или префиксации T, генетически соответствующую, по-видимому, породам D и T других языков. В египетском также имеется габитатив (итератив, дуратив) как часть глагольной парадигмы основной породы, образованный по одному из типов частичной редупликации.

¹⁰⁹ Условные обозначения пород применены нами по образцу принятых в ассириологии.

Тип породы	Языки	
	Семитские	Берbero-ливийские
	(старый перфектив; с суффиксом <i>-i</i> — «новый» имперфектив) ²	(перфектив)
G	* <i>ja-prus</i> (основная)	* <i>i-frəs</i> (основная)
A	* <i>ju-pāris</i> (конатив, совместное действие)	* <i>i-farəs</i>
D (полная редупликация)	—	* <i>i-frəsfərəs</i>
D (частичная редупликация)	(редкие типы) (редкие типы)	* <i>i-frəsrəs</i> * <i>i-fərurəs</i> и др.
D (редупликация 3-го корневого)	* <i>ja-p(a)rasis</i> (редкий тип)	(редкие типы)
D (редупликация 2-го корневого)	* <i>ju-parris</i> (фактитив; интенсив; каузатив)	(используется как перфектив-габитатив)
S	* <i>ju-sa-p(a)ris</i> (каузатив)	* <i>i-sə-frəs</i> (каузатив; фактитив) * <i>la-frəs?</i> ⁴ (неясно)
T	* <i>ja-l(a)-para/is</i> (перемена направления; рефлексив → пассив)	* <i>i-θ-frəs</i> (рефлексив → пассив) * <i>i-frəs-ət</i> (неясно)
N/M	* <i>ja-n-paris</i> (рефлексив → пассив)	* <i>i-na-frəs</i> * <i>i-mə-frəs</i> * <i>i-m-nə-frəs</i> (рефлексив, взаимное действие)

При меч ани я. ¹ В ряде кушитских языков, где глаголов старого, префиксального спряжения почти или совсем не сохранилось, показатели пород суффиксальные; так, в сомали *-st*, *-i* образуют каузатив, **-at* — рефлексив, **-am* — пассив.

² Соответственные формы «нового» перфектива: **parasa*, **pārasa*, **paras(i)sa*, **parrasa*, **sa-prasa*, **t(a)-p(a)rasa*, *(*i)n(a)-p(a)rasa*. Предпоследний гласный может быть и другой. В старом имперфективе последний гласный основы '*a*'.

³ В этом же значении употребляются также суффиксы *-r* и *-d*. Частица *da* здесь, видимо, указательное местоимение.

⁴ Весьма многочисленны в берберских языках глаголы с начальным *ja-* в перфективе, *ju-* в имперфективе; хотя каузативное значение для них не прослеживается, все же возможно, что они восходят к породе ти-

глагольных пород

Языки		
Египетский	Кушитские (бедауйе) ¹	Чадские (хауса)
	(перфектив)	
<i>ḥsb; gm</i> (основная) ?	<i>i-fdig; e-dir</i> (основная) <i>i-fädig; *e-där</i> (фактив, интенсив, итератив)	<i>kira</i> (основная) ?
<i>gmgm</i>	—	<i>kikkira</i>
<i>*ḥsbbsb</i> (итератив; фактитив)	<i>i-jifdeg; e-dedir</i> (итератив)	—
<i>*ḥsb</i> (редкий тип; аналогичная форма используется для габитатива)	—	?
<i>*ḥsb</i> ?	—	—
<i>*s-ḥsb; *s-gm</i> (каузатив)	<i>i-se-fadig; e-sō-dir</i> (каузатив)	<i>*kira-s (da)³</i> (каузатив)
} (пережитки)	<i>i-t-fedāg; e-tō-där</i> (рефлексив)	<i>*kira-ta</i> (дениминатив)
<i>*n-gmgt</i> и др. (неясно; редкий тип)	<i>i-mē-fdāg; e-mō-där</i> (совместное и взаимное действие)	—

на S (может быть, каузативно-рефлексивной или каузативно-пассивной?) с переходом *s* > *h*: перфектив *ṣagdəh* 'он достаточен' < **ṣu-ha-gdi/as* (?), имперфектив *ṣugdəh* < **ṣu-h(a)-gada/is* (?); ср. в угаритском и староарамейском параллельное существование каузативных пород типа **ṣu-ṣa-pris* и типа **ṣu-ha-pris* > *ṣapris* и вероятное соответствие общесемитского *s* берберскому *h* > нуль в местоимениях.

б) Формы с префиксированным *-tt-*, подобно породам с удвоенным вторым (а при утере первого корневого — первым из сохранившихся) корневым согласным, играют роль перфектива-габитатива. Следует отличать от породы Т вторично образованные в берберском породы с префиксом **tiṣ-*, с возвратным значением. Эта форма, видимо, одного происхождения с египетским пассивом типа *sdm-tw-f*, где *tw* — первоначально беличное местоимение типа нем. *man* (А. Клингенхебен).

Наличие или отсутствие тех или иных глагольных словообразовательных схем, имеющих характер пород, в отдельных языках не совпадает с группировкой языков по ветвям семитохамитской семьи; так, в арамейских языках семитской ветви нет породы Т, но они присутствуют в других языках той же семьи. В принципе породы всех шести типов могут присутствовать в любой ветви.

Однако в чадских и некоторых кушитских языках породы типа S и T образуются путем суффиксации, а не префиксации. Это явление известно и берберо-ливийским языкам. Породы типа M замещают породы типа N в кушитских и существуют наряду с типом N в берберо-ливийских; в семитских тип M отсутствует¹¹⁰, а в египетском и типы N и T существуют только как пережитки. Полная редупликация и редупликация двух корневых согласных из трех как средство образования пород почти совершенно отсутствуют в семитских языках, но зато широко распространены в остальных семитохамитских языках.

Чтобы дать представление об образовании пород, приведем несколько характерных систем, взяв для семитских реконструированные формы, из кушитских — бедауйе, из чадских — хауса. Комбинированные, а также некоторые породы вторичного образования или очень редкие не учтены. Глагольные корни даются условные, только чтобы дать представление о модели. Формы, включенные в табл. 10, относятся к перфективу (кроме египетского и хауса); некоторые другие приведены в примечаниях.

¹¹⁰ Исчезновение пород типа M в семитских, возможно, связано с особенностями образования причастий в этих языках. В языках других ветвей причастия образуются путем внешней флексии, по-видимому, от полногласной основы имперфектива или близкой к ней. Так, причастие действия: берб. *i(a)-frəs-n*, бед. *fādg-i*; причастие состояния: бед. перех. глагол *fadg-a* < **fadg-aqa*, неперех. глагол *nekās-a* < **na-kās-aqa*, хауса *kirarre* от *kira*, *sojai̯e* от *so* [< **kirar-je*, **sojai̯-le* (?), где **kirar-*, **sojai̯-*, возможно габитативная (?) полногласная основа, вытесненная в имперфективе другой основой имени действия — *kira-ya*]. В семитских же языках причастия производных пород образуются с помощью префикса *ti-*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для наглядности мы можем представить изоглоссы, намечаемые по ветвям семитохамитской семьи языков, в виде табл. 11 (лексические изоглоссы в таблицу не включены).

Таким образом, из 23 контрольных случаев больше всего изоглосс наблюдается, по-видимому, между семитскими и берберскими и берберскими и египетским; много изоглосс между семитскими и египетским, а также между семитскими и кушитскими, берберскими и кушитскими, кушитскими и чадскими. Меньше всего изоглосс между семитскими и египетским, с одной стороны, и чадскими — с другой. При всей предварительности приведенных в этой таблице сопоставлений из нее, очевидно, вытекает, что чадские языки раньше всех отделились от семитохамитского.

Совершенно гипотетически картину можно представить в следующем виде: общесемитохамитский язык-основа, занимая ареал Сахары¹, не позже VI тысячелетия до н. э.² разделился на северную и южную ветви. В северной ветви начинает складываться трехсогласный корень и в большей степени, чем в южной, развивается внутренняя флексия; здесь был утерян способ образования множественного числа путем редупликации. Раньше всего³ от южной ветви откололся чадский язык-основа. Это произошло в период, когда гласный в глагольном корне, вероятно, еще сохранялся.

¹ См.: Д. А. Ольдерогге, *Хамитская проблема в африканистике*, — «Советская этнография», 1949, № 3; *Происхождение народов центрального Судана*, — «Советская этнография», 1952, № 2; *Происхождение языка хауса*, — «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956.

² В V—IV тысячелетиях до н. э., по всей вероятности, уже существовали все пять ветвей семьи.

³ Делая это предположение, мы учитываем оговорку о том, что обособленность чадских языков может во многом являться кажущейся и обусловленной тем, что мы сравниваем язык новой ступени с языками более древних ступеней. Все же, как указывалось выше, меньшее число изоглосс между другими семитохамитскими языками и чадской ветвью может с достаточной долей уверенности считаться указанием на архаизм последней.

Таблица II

Семитохамитские изоглоссы

Характер изоглосс	Языки		Семитские	Берберо-ливийские	Египетский	Кушитские	Чадские
	Семитские	Берберо-ливийские					
<i>Корень:</i> Преобладание трехсогласного корня Наличие гласного в нормальном глагольном корне	—	—	+	—	—	?	—
<i>Словообразование:</i> <i>та-</i> как самостоятельная лексическая единица Внутреннефлексивное словообразование	++	—	—	—	—	—	—
<i>Имя:</i> Наличие родового показателя <i>у</i> мужского рода Образование мн. ч.: <i>на -ā</i> на <i>-ān-</i> путем удлинения падежного гласного в м. р. путем редупликации	++	—	—	—	—	—	—
<i>Местоимение:</i> Наличие <i>'an-</i> в личных местоимениях прям. пад. 1-го и 2-го лица Наличие <i>nt-</i> в личных местоимениях прям. пад. 2-го и 3-го лица Показатель <i>-t</i> в местоимении Основы <i>n-</i> , <i>t-</i> в местоимениях 1-го лица ед. и мн. ч. в прям. пад. и притяжательных формах Nota genitivi <i>n</i> Nota genitivi <i>d</i>	[+]	[+]	[+]	[+]	[+]	?	—
<i>Глагол:</i> Префиксальное спряжение обоих видов Лексическая самостоятельность личных показателей Посессивная конструкция с вытеснением старых спрягаемых форм глагола То же, без вытеснения Введение дополнительных частиц между личным показателем и основой	—	—	—	—	—	?	—

Таблица 11 (продолжение)

Языки	Семитские	Берbero-ливийские	Египетские	Кушитские	Чадские
Характер изоглосс					
<i>Глагольные породы:</i>					
Наличие пород с полной редупликацией	—	+	?	+	+
Наличие пород типа М	—	++	?	[+]	+
Суффиксация показателей породы					

Затем от северной ветви отделился египетский, для которого характерно вытеснение старой, вероятно эргативной, конструкции глагола и образование посессивной и предложной конструкций. Какие-то явления того же порядка, возможно, складывались и в контактировавших с праегипетским языках — чадском и берbero-ливийском, но здесь они не получили полного развития. Потеря корневого гласного, возможно, еще не завершилась к моменту отделения египетского. Конечно, говорить о египетском, как о *Mischsprache* (смешанном с семитским), как это раньше часто делалось в египетологической литературе, не приходится. Он не является чертой особой близости именно к семитским языкам, а имеющиеся общие черты восходят к общесемитохамитскому праязыку. Ряд явлений, особенно изменение фонологической системы и иная глагольная структура, говорит скорее о раннем отчленении египетского от семитохамитского.

Семитский язык-основа продолжает некоторое время сохранять контакты во всяком случае с принадлежащим к той же северной ветви берbero-ливийским (одинаковая глагольная система, тип образования множественного числа, значительное количество общей лексики), а возможно, и с кушитским (подчеркивающий элемент '*an-*' в личном местоимении, спряжение глагола, падежная система, образование множественного числа).

Отсюда следует, что носители прасемитского языка должны были находиться на территории Африки уже после отделения от египетского и, следовательно, прошли через Дельту, уже заселенную носителями египетского языка, где-то в начале — середине V тысячелетия до н. э.⁴ с запада на восток. Таким

⁴ В первой половине III тысячелетия до н. э. присутствие семитоязычного населения документально засвидетельствовано в Палестине и Месопотамии. Надо полагать, что они уже значительно раньше успели заселить Аравийский полуостров, в хозяйственно-климатическом отно-

образом, Аравия не может считаться первой прародиной семитских языков.

Ливийцы, оставаясь в первоначальных районах расселения носителей семитохамитских языков, в то же время про-двинулись как на восток, вслед за семитами, — в западную Дельту и в районы, непосредственно прилегающие к Египту, — так и на запад, в сторону Атлантики; в то же время принадлежавшие к южной ветви кушиты, длительное время сохраняя контакт с ливийцами (и с египтянами?), около того же времени совершили движение на юго-восток, причем их язык, как и чадский, накладывался на мощный местный субстрат⁵.

Как нам кажется, предположение о проходе семитов через Дельту с запада на восток не противоречит и археологическим фактам и, пожалуй, даже может ими быть подтверждено. Однако обсуждение этого вопроса в данном случае не входит в нашу задачу.

* * *

Изложенное показывает, насколько до сих пор скучны и приблизительны данные о характере языкового родства между отдельными ветвями семитохамитской семьи языков. По всей вероятности, многие из предложенных выше гипотез потребуют пересмотра. Настоятельной необходимостью является строгая разработка вопроса о фонетических соответствиях и выявление общего семитохамитского корнеслова, а также выработка убедительной теории глагольных конструкций, особенно для берберских и чадских языков. Все это, а также привлечение не затронутых здесь материалов ряда языков, позволит яснее реконструировать историю соответствующих языков и всей семьи в целом. Ясное понимание развития исторически за-свидетельствованных семитских языков невозможно без учета истории всей семитохамитской семьи.

шении близкий к их прародине. Последующие волнообразные выселения семитов из Аравии на север объясняются теми же причинами, что и выселение из Сахары: оскудением пастбищ для мелкого скота в условиях наступившей засушливой эры; а так как лошадь и верблюд не были одомашнены вплоть до середины — конца III тысячелетия до н. э., то своевременные ежегодные перекочевки были невозможны, что вызывало в конце концов необходимость полного оставления пастбищ, поскольку они уничтожались в результате длительного непрерывного выпаса.

5 Аравийский полуостров, видимо, не имел сколько-нибудь обширного населения, поэтому семитские языки (как и берbero-ливийские) не дают заметных субстратных явлений (если не считать позднейшего влияния шумерского и хурритского субстрата на семитские языки Месопотамии и Сирии). Типологические схождения между более древними языками Передней Азии и семитскими являются результатом сходства в лингвистическом развитии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

Аккадский

1. Старовавилонский (Законы Хаммурапи, § 3):

šumma¹ ayallum² ina dñim³ ana šlbūt⁴ sarratim⁵ ūši⁶'ammd⁶ aqāt ikbāt⁷ lā uktin⁸, — šummā dñum² šū dñ napištim⁹, ayaillum šū iddāk¹⁰.

2. Младовавилонский литературный (Эпос Гильгамеша, VIII, 1 и сл.):

anāku amātmā¹¹ ul kī¹² Enkidūmā^{13?} nissatu¹⁴ īterub⁸ ina karši- ja¹⁵, māta¹⁶ aplaḥmā¹⁷ arappudi¹⁸ šēra¹⁸; ana līt¹⁹ Utnapisti, mār²⁰ Ubār-Tutu¹³ urba¹⁶ šabtākīmā²¹, banṭis²² allak²³.

3. Младовавилонский литературный (Эпос «Когда вверху», I, 1 и сл.):

enāmtā eliš²² lā nabū²⁴ šamāml²⁵, šapliš²² ammatu šuma¹⁸ lā zak-rat²⁶... ibbanū²⁷ ilī²⁸ kereb-šun...

П е р е в о д :

1. Если человек на судебном процессе на свидетельство ложное выйдет и слово, которое сказал, не подтвердит, если процесс этот — процесс (о) жизни, человек этот должен быть убит.

2. Я (сам) умру тоже, не (так ли) как Энкиду же? Отчаянье вошло в утробу мою, смерти я убоился и бегу по степи; к могуществу (?) Утнапишти, сына Убар-Туту, путь я взял, быстро иду.

3. Когда вверху не были названы небеса, внизу суша именем не была прозвана... создались боги внутри них...

П р и м е ч а н и я:

1) Общесем. **sin/m* 'если' плюс энклитический союз *-mā*.

2) Мужской род, именительный падеж. Все слова, начинающиеся с гласного, следует рассматривать как имеющие ' в Anlaut'e (в наших примерах этот звук не обозначен).

3) Родительный падеж мужского рода, зависящий от предлога.

4) Имя абстрактное на *-īt-* от основы **śtb-* 'седой', 'старый', затем 'старейшина', 'свидетель'; *status constructus*.

5) Абстрактное имя, переданное женским родом прилагательного *sarr-* 'ложивый', букв. 'свидетельство лжи'.

6) 3-е л. м. р. ед. ч. юссиева-перфектива с направительным элементом *-am* и энклитическим союзом *-mā* (из **ja-ūši'-am-mā*).

7) Глагол придаточного предложения в сослагательном наклонении 3-го л. м. р. ед. ч. перфектива на *-i* (из **ja-kbi'-i*). Придаточное предложение вводится именем женского рода *ağāt-* (из **haağāt-*, корень **haağ-*) in status constructus.

8) 3-е л. м. р. ед. ч. «перфекта» породы D (из **ju-k-ta'-in*, корень **kūn-*) и (след. примере) основной породы (из **ja-y-ta-rab*, корень **yrb-*). «Перфект» выражает здесь последовательность действий (завершенное действие, более позднее, чем выраженное предшествующим глаголом. Во втором случае предшествующий глагол подразумевается: *Enkidu i māt* 'Энкиду умер').

9) Собственно 'процесс души' (*dtn* status constructus плюс имя существительное женского рода в родительном падеже).

10) 3-е л. м. р. ед. ч. имперфектива породы N (из **ja-n-Jāk*, корень **dāk-*).

11) 1-е л. ед. ч. имперфектива (корень **māt*) с энклитическим союзом.

12) Предлог *ki* 'подобно тому как'.

13) Имена собственные нередко не склоняются (по смыслу требуется родительный падеж). Энклитический союз *-mā* с удлинением гласного под влиянием вопросительной интонации.

14) В этот период мигмация уже отмерла.

15) Родительный падеж *status pronominalis* имени существительного мужского рода *kars-* (зависящий от предлога) плюс притяжательное суффиксальное местоимение 1-го лица *-ja*.

16) Винительный падеж, ср. прим. 14.

17) 1-е л. ед. ч. перфектива (корень **plb-*, огласовка на *a* вместо *i* в основе под влиянием *b*) плюс энклитический союз.

18) 1-е л. ед. ч. имперфектива глагола движения (корень **rpd-*; требует винительного места).

19) *Status constructus* имени женского рода *lit-*, управляющего родительным падежом.

20) *Status constructus* имени мужского рода (*mār < *mar'*).

21) 1-е л. ед. ч. статива (с энклитическим союзом). Статив с активным значением: «Я взял и продолжаю держать»; поэтому глагол имеет прямой объект.

22) Застывшая форма дательно-локативного падежа на *-iš < -is* (в наречном значении), образованная от прилагательного.

23) 1-е л. ед. ч. имперфектива глагола *(h)lk-*.

24) 3-е л. м. р. мн. ч. статива с пассивным значением (корень **nbi-*).

25) Поэтическая форма с наращением *-āt-* слова *šatāj-* 'небеса'; множественное число (в этот период косвенный падеж множественного числа вытеснил прямой, хотя иногда еще писалось *-āj*).

26) 3-е л. ж. р. ед. ч. статива с пассивным значением (корень **dkr-*; винительный падеж слова *šit-* 'имя' имеет инструментальное значение.

27) 3-е л. м. р. мн. ч. перфектива породы N [из **ja-n-bani(')-ū*].

28) Множественное число мужского рода, ср. прим. 25.

Арабский (классический)

(Н. В. Юшманов, Страна арабского языка, Л., 1938, стр. 51)

Kadimal 'ilā Ma'ni² bni Zā'idata³ 'asrā⁴; fa-'amara⁵ Ma'nun⁶ bi-
ṭa'āmin⁷, fa-'uhdirat⁸ (i)l-mā'idatu⁹ ṭa'-alāṭ-hā ṭa'āmun¹⁰; fa-jtama'ū¹⁰
ṭa'-akalū¹¹, ṭa'-Ma'nun janzuru¹² 'ilāṭ-him; fa-lamīnā farayūlū¹¹, kāma⁵
raju'lūn⁶ min-hum ṭa-kāla⁵: 'ajjuhā-l-'amīru⁹, (u)nżur¹³ mā-dā ḥaṣna'u¹⁴
mtiflu-ka bt-'adjāfi-hi¹⁵?», — fa-halla¹⁶ sabīla-hum¹⁷.

Перевод:

Прибыли к Ма'ну, сыну Зā'иды, пленные; и приказал Ма'н накормить их, и появился стол и на нем еда; и собрались (они) и поели, а Ма'н смотрел на них; и когда они кончили, встал человек из них и сказал: «О эмир! Посмотри, что это, что должен сделать подобный тебе (букв. подобие твоё) с гостями своими?», — и [Ма'н] отпустил их восвояси (букв. дорогой их).

Примечания:

- 1) Новый перфектив непереходного глагола 3-го л. м. р. ед. ч. (глагол, стоящий впереди субъекта, не согласуется с ним в числе).
- 2) Родительный падеж без нунации, так как имя определено приложением (*i*)*bnu Zā'idata*. Ср. ниже именительный падеж с нунацией.
- 3) Имя *Zā'idata* — двухпадежное: -*a* — общекосвенный падеж.
- 4) *'asrā* — ломаное множественное (< **asrāju*), двухпадежное и потому без нунации, от *'asīr-* 'пленный'.
- 5) 3-е л. м. р. мн. ч. нового перфектива (глаголы *'*mr* 'приказывать', *'*kāt* 'вставать', *'*kīl* 'говорить'); союз *fa-* выражает перемену субъекта.
- 6) Именительный падеж с нунацией.
- 7) Букв. 'о еде'.
- 8) 3-е л. ж. р. ед. ч. нового перфектива, пассив породы S (**s*>) с безличным значением.
- 9) *mā'idat-* 'стол' с артиклем *al-* (а элидируется) и, соответственно, без нунации. Именительный падеж.
- 10) 3-е л. м. р. мн. ч. нового перфектива породы Т с возвратным значением [глагол **għt'* 'собирать(ся)'].
- 11) 3-е л. м. р. мн. ч. нового перфектива основной породы (глаголы *'*kl* 'есть', 'кушать', *'*fry* 'завершать').
- 12) 3-е л. м. р. ед. ч. нового имперфектива (глагол **nṛ* 'смотреть').
- 13) Императив того же глагола.
- 14) Огласовка на 'a' обусловлена соседством ' ; форма та же, что в прим. 12 (глагол **sn* 'делать').
- 15) *'adħäf-* — ломаное множественное от *daif-* 'гость'. Другое ломаное множественное от того же слова — *duħħiż-* (корень **ħip*).
- 16) Изв **ħalala*, форма как в прим. 5 (глагол *ħll* 'отпускать').
- 17) Винительный места.

Берберский (кабильский диалект, или ауая)

(R. Basset, *Manuel de langue kabyle*, II, Paris, 1887, № 6)

nək uṣəl-əy¹ yər u-ḍrar²; i-brīd-an ḍirīt-ən³; fa-sərdun-t⁴ inūb ur təzmir⁶; a-sif⁷ iħħmal⁸; əns-iγ¹ y-Təlammat; bət-ł-ij¹ a-γərum⁷ iħ sin i-rgaz-ən d⁰-i-fkir-ən⁸, d⁰-i-msafər-ən, γ(ə)f-i-dar-ən ən-sən.

Перевод:

Я прибыл к горе; дороги плохие; мулица моя не выдержала; река разлилась; переночевал я в Теламмете; разделил хлеб с двумя людьми бедными, путешествующими на ногах своих.

Примечания:

- 1) 1-е л. ед. ч. перфектива (корни **ħsl* 'приходить', **ns* 'ночевать', **bħa* 'разделять').

- 2) *Status appnexus* мужского рода ед. ч. (предлог *yər* рассматривается как существительное).
- 3) Нерегулярная форма квалитатива *diri* 'быть плохим', 3-е л. м. р. мн. ч.
- 4) *Status liberus* женского рода. В кабильском *t* соответствует общеберберскому *t* (но *-t* после *n*).
- 5) Притяжательное прилагательное 1-го лица, вводимое *nota genitivi* (*i*)*n*; ср. ниже 3-е л. мн. ч. *ən-sən*.
- 6) 3-е л. ж. р. ед. ч. перфектива.
- 7) *Status liberus* ед. ч. мужского рода.
- 8) Арабизмы (*iaħmel* — 3-е л. м. р. ед. ч. перфектива).
- 9) Частица *d-* вводит определение прилагательным.

Египетский (староегипетский)*

(«*Urkunden des ägyptischen Altertums*», I, S. 100—101)

si w(y)¹ m z'b² (i)r(y)²² Nbn, rdy³ w(y) hm.f m smr w't(y)⁴, (i)m(y)-r' bnt(yw)-s pr-⁵; nš.n.(y)⁶ 4 (i)m(yw)-r' bnt(yw)-s pr-, wnw⁷ im; ir-k(wy)⁸ r hst⁹ hm.f m ir¹⁰ stp-z', m irt w t n(y)-swt¹¹, m irt 'h'w¹²; ir.k(wy) my kd¹³ r hst¹⁴ w(y) hm.f hr.s¹⁵ r (i)bt nb¹⁶ . . . n ikr(y)¹⁷, n w'b(y) hr ib n(y)¹⁸ hm.f . . . ink¹⁹ — tr(y)²⁰ m zs w'.k(wy)²¹ hn' z'b, (i)r(y)²² Nbn w'.

Перевод:

(И) вот, (когда) я (был) судьёю, управителем Иераконполя, поставил меня его величество в (качестве) друга единственного, распорядителя *hntyw-s* (социальная категория) дворца; оттеснил я четырех распорядителей *hntyw-s* дворца, бывших там; делал я все (так), чтобы жаловало (меня) его величество при устройстве охраны, при устройстве дороги царя, при устройстве стоянки; делал я согласно тому, за что жаловало меня его величество чрезвычайно . . . потому что горазд (был) я, потому что принят (был) я для сердца его величества . . . я — прётворивший в письмо, будучи один вместе с судьёй, управителем Иераконполя одним.

Примечания:

- 1) «Старо зависимое местоимение» 1-го л. ед. ч. (зависит от частицы *st*). В скобках дается то, что не отражено в графике.
- 2) Букв. 'в (качестве) судьи'.
- 3) Глагольная форма *sdm.f*, выше условно названная нами «имперфективом» (в отличие от формы длительности и повторности — «габитатива»), здесь выражает прошедшее время; 3-е л. ед. ч. м. р., объект выражен «личным зависимым» местоимением 1-го л. ед. ч.
- 4) Прилагательное с относительным суффиксом *-u* (графически не выраженным).
- 5) Букв. 'дом большой'.
- 6) Глагольная форма *sdm.n.f*, выше условно названная нами «перфективом».
- 7) Одно из причастий мн. ч. глагола *sh* 'быть'.
- 8) 1-е л. ед. ч. квалитатива-статива.

* За выбор текста и консультацию по нему я благодарен Ю. Я. Перепелкину.

- 9) Букв. 'против жалуемого' — согласно тому, за что жалует, — (причастие женского рода!)
- 10) Букв. 'в делании' (инфинитив, женский род).
- 11) Слово «царь» представляет собой выражение, вводимое по *genitivi*: '(принадлежащий) *swt*'.
- 12) Отглагольное имя, мужской род.
- 13) Букв. 'как образ'.
- 14) *hst* здесь относительная форма глагола *ḥsy* 'хвалить', 'жаловать'.
- 15) Предлог именного происхождения *ḥr* 'за' с притяжательным местоимением 3-го л. ед. ч. женского рода.
- 16) Выражение «против всякой вещи» (т. е. «более всякой вещи») означает «чрезвычайно».
- 17) 1-е л. ед. ч. глагольной формы *sdm.f*, вводимое предлогом *n*, играющим роль подчинительного союза (ср. семитское *μ/ikr* 'быть редким, дорогим').
- 18) *Nota genitivi*.
- 19) «Личное независимое» эмфатическое местоимение 1-го л. ед. ч.
- 20) Причастие.
- 21) 1-е л. ед. ч. квалитатива-статива, выражающее состояние: 'быть одним'.
- 22) Притяжательное прилагательное от предлога *r*, букв. 'относящийся к'.

Бедауе (диалект хадендауа)

(L. Reinisch, *Die Bedauye-Sprache in Nordost-Afrika*, I, Wien, 1895, стр. 56—57)

1. *Mar'tad i'bābiāl*, 'Massir 'ēbē2, ma'lō tirg' i'sa'2, *So'dān 'ēbē2, Sodā'nib3 i'sa'*, wū-'ō'r-ūh4 əl'hīqāl; *had'ātō dṣ'hā 'ēta6*: «ane'mhēlāne7 'tēne8; te'-had'a9 wō-'ōr mə'hēlta6, wū-'ōr i'ia'2.
2. *Sul'tān i'fe8, 'ōt10 ibire8, tū-'ō't-ūh11 'markab ti'hāj12, i'bābta8. Tak 'ekhan2 sul'iāni13 tō-'ōrt11, ūn ū'-tak4 'markab dem'a'rab14 'śānja1*.

Перевод:

1. Мартад уехал, (в) Каир прибыл, два месяца жил, (в) Судан пришел, в Судане жил, сын его заболел; старуха — к (нему) пришла, «я буду лечить», — сказала; старуха сына лечила, сын умер.
2. Султан был, дочь имел; дочь его (на) корабль взошла, уехала. Человек полюбил султана дочь, этот человек (на) корабль золото погрузил.

Примечания:

- 1) 3-е л. м. р. ед. ч. перфектива «слабого» («нового») спряжения (в глаголах *i'bāb* < араб. *hibāb* 'путешествовать', *ləh* || *əlh* 'болеть', *śān* < араб. *za'anā*, меҳри *śān* 'грузить'); *-ja* < **ja-an*.
- 2) 3-е л. м. р. ед. ч. перфектива «сильного» («старого») спряжения (в глаголах *bāj* 'идти', 'приходить', *zā'* 'садиться', 'селиться', 'обитать', *ja'i* 'умирать', *fāj* 'быть', *bari* 'иметь', *kahan* 'любить').
- 3) Винительный падеж места (-*b* < *-*qa*: показатель мужского рода -*μ* плюс показатель падежа -*a*).
- 4) Артикль мужского рода именительного падежа (*w*)*ā*; -*h* — диалектная форма притяжательного местоимения 3-го л. м. р. ед. ч. с единительным элементом -*ā*- (форма артикля мужского рода винительного падежа — *wāb*).
- 5) В записи Л. Рейниша *had'āt* — форма винительного падежа женского рода — возможно, ошибка вместо '*had'a*? Или диалектная форма именительного падежа женского рода?

6) 3-е л. ж. р. ед. ч. перфектива «слабого» («нового») спряжения: *-ta* < **ta-an* (в глаголах *ič* 'приходить', *təħəl* 'лечить', *ibāb* 'путешествовать').

7) Соответствует *ani mhēlani* в других диалектах: 1-е л. имперфектива «слабого» («нового») спряжения от глагола *təħəl* 'лечить': *-ani* < **a-'ane*.

8) 3-е л. ж. р. ед. ч. имперфектива «сильного» («старого») спряжения (глагол *an* 'говорить').

9) Беглое произношение вместо *tū-had'a : tū* — артикль женского рода именительного падежа (в винительном падеже *tō*).

10) 'б' < 'bg', ж. р. от 'bg' 'сын'.

11) См. прим. 4 и 9.

12) 3-е л. ж. р. ед. ч. перфектива «сильного» («старого») спряжение (глагол *ħāħ* 'живь', 'пребывать', порода А).

13) Родительный падеж.

14) Винительный падеж, ср. прим. 3.

Хауса *

(G. Mischlich, *Über Sitten und Gebräuche in Hausa*, — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen d. Friedrich-Wilhelm-Universitäts», X, III. Abt., 1907, S. 155; ср. М. А. Смирнова, Язык хауса, М., 1960, стр. 69)

Asalin¹ hausawa² an³ ce⁴: wadansu⁵ mutane⁶ ne⁷, wa da⁸ kane; su ka zo⁹ daga kasal¹¹ larabawa¹⁰ da¹² matan¹¹ su¹² biu¹³. Su ka zamna⁹ wan⁵ jejil¹⁴ kusa da¹⁵ kasal¹ Barro, sunansa¹⁶ Gabi, su ka yi⁹ bukoki¹⁷, su na halbin¹⁸ namun jeji, don¹⁹ su ma-halba²⁰ ne, har matar²¹ kanen¹ nan²² ta haifi²³ ya...

Перевод:

Происхождение хаусанцев (таково), говорят: были некие люди, старший (брать) и младший (брать); они пришли из страны арабов с женами своими двумя. Они поселились в глухом месте вблизи страны Барро, по имени Габи, построили хижины, охотились на дичь, так как были охотниками, пока жена младшего (брата) этого (не) родила дочь...

Примечания:

1) -n (вариант -l) nota genitivi [присоединена к именам существительным *asali* 'происхождение', *kasa* (*kasa*) 'страна', *kane* 'младший брат']; связывает определяемое как с определением родительным падежом, так и с определением-прилагательным.

2) Имя существительное во мн. ч. (ед. *bahaushe*) 'хаусанцы'.

3) Безличное местоимение.

4) Глагол 'говорить'.

5) *wanl*, мн. ч. *wadansu*, местоимение 'некий'.

6) *mutane* — мн. ч. от *mutum* 'человек'.

7) Связка.

8) Союз 'и'; предлог 'с'.

9) *su ka zo* (*zo* 'приходить', ср. *za* 'идти'), *su ka zamna* (*zamna* 'селиться'), *su ka yi* (*yi* 'делать') — 3-е л. мн. ч. м. р. прошедшего времени.

10) *larabawa* образовано как *hausawa* (см. прим. 2; ед. ч. *balarabe* < араб. *al-'arabi*) 'арабы'.

11) *mata*, мн. ч. от *ṭace* 'женщина'; -n nota genitivi.

* В нормализованной орографии.

- (12) Притяжательное местоимение 3-го л. м. р. мн. ч.
 13) 'два'.
 14) 'пустынное место'; *namin jeji* 'дичь' (идиом).
 15) *kusa da* — составной предлог 'близ'.
 16) *suna* 'имя' плюс *nota genitivi* и притяжательное местоимение 3-го л. м. р. ед. ч.
 17) Мн. ч. от *buka* 'хищина'.
 18) *halbi* 'охота'; *su na halbi* — имперфектив, 3-е л. м. р. мн. ч. 'охотились'. Так как *halbi* — имя, то оно управляет объектом в родительном падеже с помощью *nota genitivi*.
 19) Предлог, здесь 'потому что'.
 20) Мн. ч. от *ma-halb-i* 'охотник'.
 21) *mata* 'жена', -r — *nota genitivi*.
 22) Указательное местоимение.
 23) *ta(-n)* *haifi* — 3-е л. ж. р. ед. ч. перфектива глагола *haifi* 'рожать'.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ

- Calice F., *Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung*, Wien, 1936 (учтены более старые работы).
- Castellino G., *Observations on the Akkadian Personal Pronouns in the Light of Semitic and Hamitic*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», V, 2, 1957.
- Cohen M., *Les résultats acquis de la grammaire comparée chamito-sémitique*, — «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», Année 1933.
- Cohen M., *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*, Paris, 1947.
- Cohen M., *Sémitique, égyptien, libyco-berbère, couchitique et méthode comparative*, — «Bibliotheca Orientalis», X, 1953.
- Greenberg J., *Studies in African Linguistic Classification*, New Haven, 1955.
- Drexel A., *Der semitische Triliterismus und die afrikanische Sprachforschung*, — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXXI, 1924, XXXII, 1925.
- Ember A., *Egypto-Semitic Studies*, Leipzig, 1930.
- Erman A., *Das Verhältnis des Ägyptischen zu den semitischen Sprachen*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», XLVI, 1892.
- Friedrich J., *Semitisch und Hamitisch*, — «Bibliotheca Orientalis», IX, 1952.
- Klingenheben A., *Die Präfix- und die Suffixkonjugation des Hamito-semitischen*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», IV, 1956.
- Leslau W., *The Influence of Cushitic on the Semitic Languages of Ethiopia. A Problem of Substratum*, — «Word», I, 1945.
- Leslau W., *Semitic and Egyptian Comparisons*, — «Journal of Near Eastern Studies», XXI, 1962.
- Leslau W., *A Prefix h in Egyptian, Modern South Arabian, and Hausa*, — «Africa», XXXII, 1, 1962.
- Meinhof C., *Die Sprachen der Hamiten*, Hamburg, 1912.
- Reinisch L., *Das zahwort vier und neun in den chamito-semitischen sprachen*, Wien, 1890.
- Reinisch L., *Das persönliche Fürwort und die Verbal-Flexion in den*

Chamito-Semitischen Sprachen, — «Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, Schriften der Sprachenkommission», Bd I, Wien, 1909.

Rössler O., *Verbalbau und Verbalflexion in den semitohamitischen Sprachen. Vorstudien zu einer vergleichenden semitohamitischen Grammatik*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», C, 1950.
Rössler O., *Akkadisches und libysches Verbum*, — «Orientalia», XX, 1951.

Rössler O., *Der semitische Charakter der libyschen Sprache*, — «Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge», XVI (50), 1952.

Vycichl W., *Hausa und Ägyptisch*, — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin», XXXVII, III, 1934.

Vycichl W., *Ein passives Partizip im Ägyptischen und Haussa*, — «Le Muséon», LXX, 3—4, 1957.

Vycichl W., *Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung*, — «Mitteilungen der Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo», XVI, 1958.

Zyhlarz E., *Konkordanz ägyptischer und libyscher Verbalstammtypen*, — «Zeitschrift für Ägyptische Sprache», LXX, 1935.

Zyhlarz E., *Das geschichtliche Fundament der Hamitischen Sprachen*, — «Africa», IX, 1936.

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

(новосемитские языки не включены)

Газов-Гинзберг А. М., *О первичном произношении некоторых семитских фонем (в связи со звукоподражанием)*, — Сб. «Семитские языки», М., 1963.

Крымский А. Е., *Семитские языки и народы*, ч. 2—3 (со включением двух статей Т. Нельдеке), изд. 2, М., 1909—1912.

Лекиашвили А. С., *Образование форм рода и числа имен в семитских языках*, Тбилиси, 1963.

Рифтин А. П., *О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке*, — «Советское языкознание», III, 1937.

Рифтин А. П., *К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках*, — «Труды II сессии Ассоциации арабистов», М.—Л., 1941.

Юшманов Н. В., *Соответствие арабского *ðāð* арамейскому 'āyn*, — «Доклады Академии наук», сер. В, 1926.

Aro J., *Die semitischen Zischlaute (ѣ), ѿ, ѿ und ѿ und ihre Vertretung im Akkadischen*, — «Orientalia», XXVIII, 4, 1959.

Barth J., *Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen*, 2. verm. Ausg., Leipzig, 1894.

Bergsträsser G., *Einführung in die semitischen Sprachen*, München, 1928.

Birkeland H., *Some Reflections on Semitic and Structural Linguistics*, — «For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday», The Hague, 1956.

Brockelmann C., *Semitische Sprachwissenschaft*, — «Sammlung Göschen», Leipzig, 1906.

Brockelmann C., *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, I—II, Berlin, 1907—1912.

Fleisch H., *Introduction à l'étude des langues sémitiques*, Paris, 1947.

Gray L. H., *Introduction to Semitic Comparative Linguistics*, New York, 1934.

Greenberg J. H., *The Patterning of the Root-morphemes in Semitic*, — «Word», VI, 2, 1950.

- Jušmanov N., *Théorie des consonnes emphatiques sémitiques*, — «Доклады Академии наук СССР», сеп. B, 1925.
- Kienast B., *Das Punktualthema *japrus und seine Modi*, — «Orientalia», XXIX, 2, 1960.
- Kienast B., *Das Personalpronomen der 2. Person im Semitischen*, — «Akten des XXIV. Internationalen Orientalisten-Kongresses München 1957», Wiesbaden, 1959
- Kramers J. H., *De semitische talen*, Leyden, 1949.
- Kuryłowicz J., *La nimation et l'article en arabe*, — «Archiv Orientální», XLVIII, 1/2, 1950.
- Kuryłowicz J., *L'apophonie en sémitique*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.
- Landsberger B., *Die Gestalt der semitischen Wurzel*, — «Atti del XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti (1935)», Roma, 1938.
- Leslau W., *Le rapport entre š et h en sémitique*, — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale et slave», VII, 1944.
- Liverani M., *Antecedenti del diptotismo arabo nei testi accadici di Ugarit*, — «Rivista degli studi orientali», XXXVIII, 2, 1963.
- Moscati S., *Il sistema consonantico delle lingue semitiche*, Roma, 1954.
- Moscati S., *Chi furono i semiti?* — «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei», Anno CCCLIV, Memorie, serie VIII, vol. VIII, 1, Roma, 1957.
- Moscati S., *Plurall interni in Ugaritico?* — «Rivista degli studi orientali», XXXII («Scritti in onore di G. Furlanis»), I, 1957.
- Moscati S., *Sulla ricostruzione del protosemitico*, — «Rivista degli studi orientali», XXXV, 1—2, 1960.
- Petráček K., *Die Struktur der semitischen Wurzelmorpheme und die Übergang 'ain > ǵatn und ǵatn > 'ain im Arabischen*, — «Archiv Orientální», XXIII, 1955.
- Růžička R., *Konsonantische Dissimilation in den semitischen Sprachen*, — «Beiträge zur Assyriologie», VI, 4, 1909.
- Růžička R., *La question de l'existence du ǵ*, — «Archiv Orientální», XXII, 1954.
- «Semitistik» («Handbuch der Orientalistik», Bd III, Abschn. 1. und 2/3, herausg. v. B. Spuler), Leiden, 1953—54.
- Soden W. v., *Tempus und Modus im Semitischen*, — «Akten des XXIV. Internationalen Orientalisten-Kongresses München, 1957», Wiesbaden, 1959.
- Vilenčík J., *Welchen Lautwert hatte (d) im Ursemitischen*, — «Orientalistische Literaturzeitung», XXXIII, 1930.
- Vilenčík J., *Zur ursemitischen Konsonantensystem*, — «Orientalistische Literaturzeitung» XXXIV, 1931.

(a) Севернoperиферийные семитские языки

- Липин Л. Д., *Аkkадский язык*, М., 1964.
- Aro J., *Die semitischen Zischlaute (š), ǵ, ǵ und ə und ihre Vertretung im Akkadischen*, — «Orientalia», XXVIII, 4, 1959.
- «The Assyrian Dictionary», ed. I. J. Gelb, Th. Jacobsen, B. Landsberger, A. L. Oppenheim, E. Reiner, Chicago, 1956 sq.
- Deimel A., *Akkadisch-Sumerisches Glossar. Sumerisches Lexicon*, III, 1, Rom, 1937.
- Delitzsch F., *Assyrisches Handwörterbuch*, Leipzig, 1894.
- Gelb I. J., *Old Akkadian Writing and Grammar*, — «Materials for the Assyrian Dictionary», 2, 2-nd ed., Chicago, 1961.
- Goetze A., *The Sibyllants in Old Babylonian*, — «Revue d'assyriologie», LII, 1958.

- Labat R., *Le système phonétique de l'akkadien; observations préliminaires à une étude phonologique*, — «Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques», IV, 1945—48, Paris, 1948.
- Soden W. v., *Grundriss der akkadiischen Grammatik*, Roma, 1952.
- Soden W. v., *Akkadisches Handwörterbuch*, Wiesbaden, 1959 ff.
- Ungnad A., *Grammatik des Akkadiischen mit Übungsbuch (in Transkription)*, 3. durchg. Aufl., München, 1949 (1-е изд.: *Babylonisch-assyrische Grammatik mit Übungsbuch*, München, 1906).

(б) Североцентральные семитские языки

- Винников И. Н., *Словарь арамейских надписей*, — «Палестинский сборник», III (66), 1958 и сл.
- Шифман И. Ш., *Финикийский язык*, М., 1963. Изд. 2. М.: УРСС, 2003.
- Aistleitner J., *Untersuchungen zur Grammatik des Ugaritischen*, Berlin, 1954.
- Aistleitner J., *Wörterbuch der ugaritischen Sprache* (herausgegeben von O. Eißfeldt), Berlin, 1963.
- Bauer H. und Leander P., *Histortsche Grammatik der hebräischen Sprache des Alten Testamentes*, I, Halle, 1922.
- Bauer H. und Leander P., *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Halle, 1927.
- Bauer Th., *Die Ostkanaanäer*, Leipzig, 1926.
- Beer G. — Meyer R., *Hebräische Grammatik*, I—II, Berlin, 1952—55.
- Ben, Jehuda E. *Thesaurus totius hebraitatis*, Jerusalem — Berlin, 1912 ff.
- Brockelmann C., *Syrische Grammatik*, 7. Aufl., Leipzig, 1955.
- Cantineau J., *Le Nabatéen*, I—II, Paris, 1930—1932.
- Cantineau J., *Essai d'une phonologie de l'hebreu biblique*, — «Bulletin de la Société linguistique de Paris», XLVI, 1950.
- Costaz L., *Grammaire syriaque*, Beyrouth, 1955.
- Dalman G., *Grammatik des jüdisch-palästinischen Aramäisch*, Leipzig, 1905.
- Dalman G. H., *Aramäisch-neuhebräisches Handwörterbuch zu Targum, Talmud und Midrasch*. 2. verb. u. verm. Aufl., Frankfurt a. Main, 1922.
- Epstein J. N., *A Grammar of Babylonian Aramaic*, Jerusalem, 1960 (на иврите).
- Friedrich J., *Punische Studien*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», NS XXXII, 2, 1957.
- Friedrich J., *Phönizisch-punische Grammatik*, Roma, 1961.
- Fronzaroli P., *La fonetica ugaritica*, Roma, 1955.
- Garbini G., *L'aramaico antico*, — «Atti d. Accademia Nazionale dei Lincei», Anno CCCLIII, Memorie, ser. VIII, vol. VII, fasc. 5, Roma, 1956.
- Garbini G., *Il semitico di Nord-Ovest*, Napoli, 1960.
- Gelb I. J., *La lingua degli amoriti*, — «Accademia Nazionale dei Lincei», Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche, ser. VIII, vol. XIII, 3—4, 1958.
- Gesenius W., *Hebräische Grammatik*, 28. Aufl. herausg. v. E. Kautzsch, Leipzig, 1909; 29. Aufl. herausg. v. G. Bergsträsser, I—II, Leipzig, 1918—29.
- Gesenius W. — Buhl F., *Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament*, 18. Aufl., Leipzig, 1933.
- Gordon C. H., *Ugaritic Manual*, Roma, 1955.
- Harris Z. S., *A Grammar of the Phoenician Language*, New Haven, 1936.
- Harris Z. S., *Development of the Canaanite Dialects*, New Haven, 1939.
- Jean Ch.-F. et Hoftijzer J., *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest*, Leiden, 1960.

- Klíma O. a Segert S., *Mlávnice hebrejskiny a aramejskiny*, Praha, 1956.
 Köhler L. — Baumgartner W., *Lexicon in Veteris Testamento libros*, Leiden, 1958.
 Levy J., *Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim*, Berlin — Wien, 1924.
 Rosenthal F., *Die Sprache der palmyrenischen Inschriften*, Leipzig, 1936.
 Rosenthal F., *Die aramaistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen*, Leiden, 1939.
 Rosenthal A., *A Grammar of Biblical Aramaic*, Wiesbaden, 1961.
 Segert S., *Die Sprache der moabitischen Königsinschrift*, — «Archiv Orientalní», XXIX, 1961.
 Steuernagel C., *Hebräische Grammatik*, Leipzig, 1962.

(e) Южноцентральные семитские языки

- Гранде Б. М., *Курс арабского языка в сравнительно-историческом освещении*, М., 1963.
 Юшманов Н. В., *Грамматика литературного арабского языка*, Л., 1928.
 Изд.3. М.: КомКнига, 2006.
 Юшманов Н. В., *Строй арабского языка*, Л., 1938.
 Birkeland H., *Stress Patterns in Arabic*, Oslo, 1954.
 Bravmann M., *Materialien und Untersuchungen zu den phonetischen Lehren der Araber*, Göttingen, 1934.
 Bravmann M., *Studies in Arabic and General Syntax*, Cairo, 1953.
 Brockelmann C., *Arabisches Grammatik*, Leipzig, 1953.
 Brünnow R. E. und Fischer A., *Arabische Chrestomathie aus Prosa-schriftstellern*, 7. Aufl., Leipzig, 1960.
 Cantineau J., *Esquisse d'une phonologie de l'arabe classique*, — «Bulletin de la Société linguistique de Paris», XLIII, 1946.
 Dozy R., *Supplément aux dictionnaires arabes*, I—II, 1881.
 Fleisch H., *Etudes de phonétique arabe*, — «Mélanges de la Faculté orientale de l'Université St. Joseph de Beyrouth», XXVIII, 1949—1950.
 Fleisch H., *L'arabe classique. Esquisse d'une structure linguistique*, — «Mélanges de la Faculté orientale de l'Université St. Joseph de Beyrouth», XXXIII, 1956.
 Freytag G. W., *Lexicon Arabico-Latinum*, I—IV, Halle, 1830.
 Kazimirski A., *Dictionnaire arabe-français*, I—II, Paris, 1846.
 Kuryłowicz J., *Le diptotisme et la construction des noms de nombre en arabe*, — «Word», VII, 1951.
 Lane E. W., *An Arabic-English Lexicon*, I—VIII, London, 1863—93.
 Lekiaschwili A. S., *Zur Bildung des gebrochenen Plurals im Arabischen*, — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», II, М., 1963.
 Rabin Ch., *Ancient West Arabian*, London, 1951.
 Reckendorf H., *Arabische Syntax*, Heidelberg, 1921.
 Wright W., *A Grammar of the Arabic Language*, I—II, Cambridge, 1896—98.

(e) Южнопериферийные семитские языки

- Beeston A., *A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian*, London, 1962.
 Conti Rossini C., *Chrestomathia arabica meridionalis epigraphica*, Roma, 1936.
 Dillmann A., *Lexicon linguae ethiopicae*, Lipsiae, 1865.
 Dillmann A., *Ethiopic Grammar*, London, 1907 (1-е нем. изд.: Leipzig, 1899).
 Höfner M., *Altsüdarabische Grammatik*, Leipzig, 1943.
 Jahn A., *Grammatik der Mehri-Sprache in Südarabien*, Wien, 1905.

- Leslau W., *South-East Semitic (Ethiopic and South Arabic)*, — «Journal of the American Oriental Society», LXIII, 1943.
- Leslau W., *Four Modern South Arabic Languages*, — «Word», III, 1947.
- Leslau W., *The Imperfect in South East Semitic*, — «Journal of the American Oriental Society», LXIII, 1953.
- Leslau W., *The Position of Ethiopic in Semitic: Akkadian and Ethiopic*, — «Akten des XXIV. Internationalen Orientalisten-Kongresses, München 1957», Wiesbaden, 1959.
- Stehle D., *Sibilants and Emphatics in South Arabic*, — «Journal of the American Oriental Society», LX, 1940.

ЕГИПЕТСКИЙ

- Коростовцев М. А., *Введение в египетскую филологию*, М., 1963.
- Матье М. Э., *Основные черты древнеегипетского глагола. К постановке проблемы*, — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 128, сер. востоков. наук, вып. 3., 1952.
- Петровский Н. С., *Египетский язык*, Л., 1958.
- Buck A. de, *Grammaire élémentaire du Moyen égyptien*, Leide, 1952.
- Crum W. E., *A Coptic Dictionary*, Oxford, 1939.
- Edel E., *Altägyptische Grammatik*, Roma, 1955.
- Erichsen W., *Demotisches Glossar*, Kopenhagen, 1954.
- Erman A., *Ägyptische Grammatik*, 4, verm. Ausg., Berlin, 1928—29.
- Erman A., *Neuägyptische Grammatik*, 2. Aufl., Leipzig, 1933.
- Erman A. und Grapow H., *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, I—VI, Berlin, 1926—31 (Neudruck 1955).
- Feichtner M. K., *Die erweiterten Verbalstämme im Ägyptischen*, — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXXVIII, 3/4, 1931.
- Feichtner M. K., *Die t-Präfix- und t-Suffixverben im Ägyptischen*, там же, XXXIX, 1932.
- Gardiner A. H., *Egyptian Grammar*, 3rd ed., Oxford, 1957.
- Kuentz Ch., *Les deux mutations consonantiques de l'égyptien*, — «Atti del III Congreso Internazionale degli Linguisti», Roma, 1933.
- Lefebvre G., *Sur l'origine de la langue égyptienne*, — «Chronique d'Egypte», XI, 1936.
- Lefebvre G., *Grammaire de l'égyptien classique*, 2de éd., Le Caire, 1955.
- Lexa Fr., *Grammaire démotique*, I—VII, Praha, 1947—50.
- Spiegelberg W., *Koptisches Handwörterbuch*, Heidelberg, 1921.
- Steindorff G., *Lehrbuch der Koptischen Sprache*, Chicago, 1951.
- Thacker T. M., *The Relationship of the Semitic and Egyptian Verbal Systems*, Oxford, 1954.
- Thausing G., *Über ein h-Präfix im Ägyptischen*, — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXXIX, 3/4, 1932.
- Till W., *Koptische Grammatik (Saidischer Dialekt)*, Leipzig, 1955.
- Vergote J., *Phonétique historique de l'égyptien. Les consonnes*, Louvain, 1945.
- Vergote J., *Le système phonologique du moyen-égyptien*, — «Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques», IV (1945—48), Paris, 1948.
- Vycichl W., *Pielformen im Ägyptischen und im Koptischen*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», V, 1, 1957.
- Westendorf W., *Vom Aktiv zum Passiv. Die Entwicklungstendenzen der altägyptischen Sprache*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», I, 1, 1953.

- Westendorf W., *Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter*, Berlin, 1953.
 Zyhlarz E., *Ursprung und Sprachcharakter des Altägyptischen*, — «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», XXIII, 1932—33.

БЕРБЕРО-ЛИВИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- Basset A., *La langue berbère. Morphologie. Le verbe. Étude des thèmes*, Paris, 1929.
 Basset A., *La langue berbère*, — «Handbook of African Languages», I, Oxford, 1952.
 Basset R., *Manuel de langue Kabyle*, Paris, 1887.
 Cohen M., *A propos du classement de la «forme d'habitude» dans la grammaire berbère*, — «Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques», IV, 1945—48, (1948).
 Fevrier J.-G., *Que savons-nous du libyque*, — «Revue Africaine», C, 1956.
 Foucauld Ch. de, *Dictionnaire abrégé touareg-français*, ed. R. Basset, I — II, Alger, 1920.
 Hanoteau A., *Essai de grammaire tamacheck*, Alger, 1886.
 Rössler O., *Der semitische Charakter der libyschen Sprache*, — «Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge, XVI (50), 1952.
 Stumme H., *Handbuch des Schilhischen von Tazerwalt*, Leipzig, 1899.
 Vycichl W., *L'histoire de la langue berbère*, — «Actes du XXIe Congrès International des Orientalistes», Paris, 1949.

КУШИТСКИЕ ЯЗЫКИ

- Юшманов Н. В., *Языки Абиссинии*, — сб. «Абиссиния (Эфиопия)», ред. Д. А. Ольдерорге, М.—Л., 1936.
 Bryan M. A., *The Distribution of the Semitic and Cushitic Languages of Africa*, London, 1947.
 Cerulli E., *Quelques notes sur la phonologie du somali*, — «Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques», IV, 1945—48, Paris, 1948.
 Cerulli E., *Studi Etiopici*, I—IV, Roma, 1936—1951.
 Moreno M. M., *Il Somalo della Somalia*, Roma, 1955.
 Reinisch L., *Die Bilin-Sprache*, Leipzig, 1883.
 Reinisch L., *Die Chamirsprache in Abessinen*, I—II, Wien, 1883—84 («Sitzungsber. d. Kais. Akademie der Wissenschaften», Ph.-hist. Klasse, CV, 2).
 Reinisch L., *Die Sahosprache*, Leipzig, 1885 (Sonderdruck aus der «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», XXXII).
 Reinisch L., *Die Quaraspalte in Abessinien*, Wien, 1885—87 («Sitzungsber. d. Kais. Akademie der Wissenschaften», Ph.-hist. Klasse, CVIII, 2, CIX, 1, CXIV, 2).
 Reinisch L., *Die Kafa-Sprache in Nordost-Afrika*, I—II, Wien, 1888 («Sitzungsber. d. Kais. Akademie der Wissenschaften», CXVI).
 Reinisch L., *Wörterbuch der Bedauye-Sprache*, Wien, 1895.
 Reinisch L., *Die Bedauye-Sprache in Nord-Ostafrika*, I—III, Wien, 1893—94.
 Reinisch L., *Die Somali-Sprache*, I—III, Wien, 1900—1903.

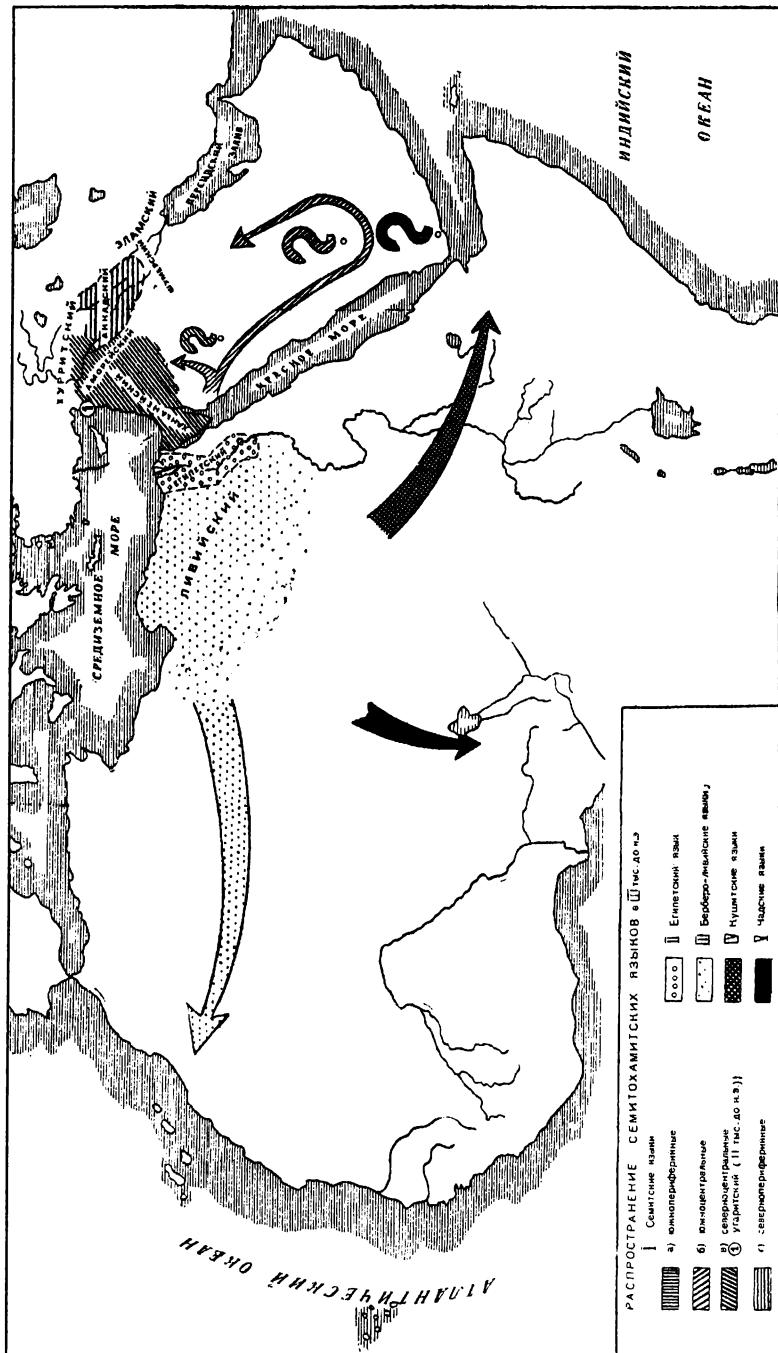
ЧАДСКИЕ ЯЗЫКИ

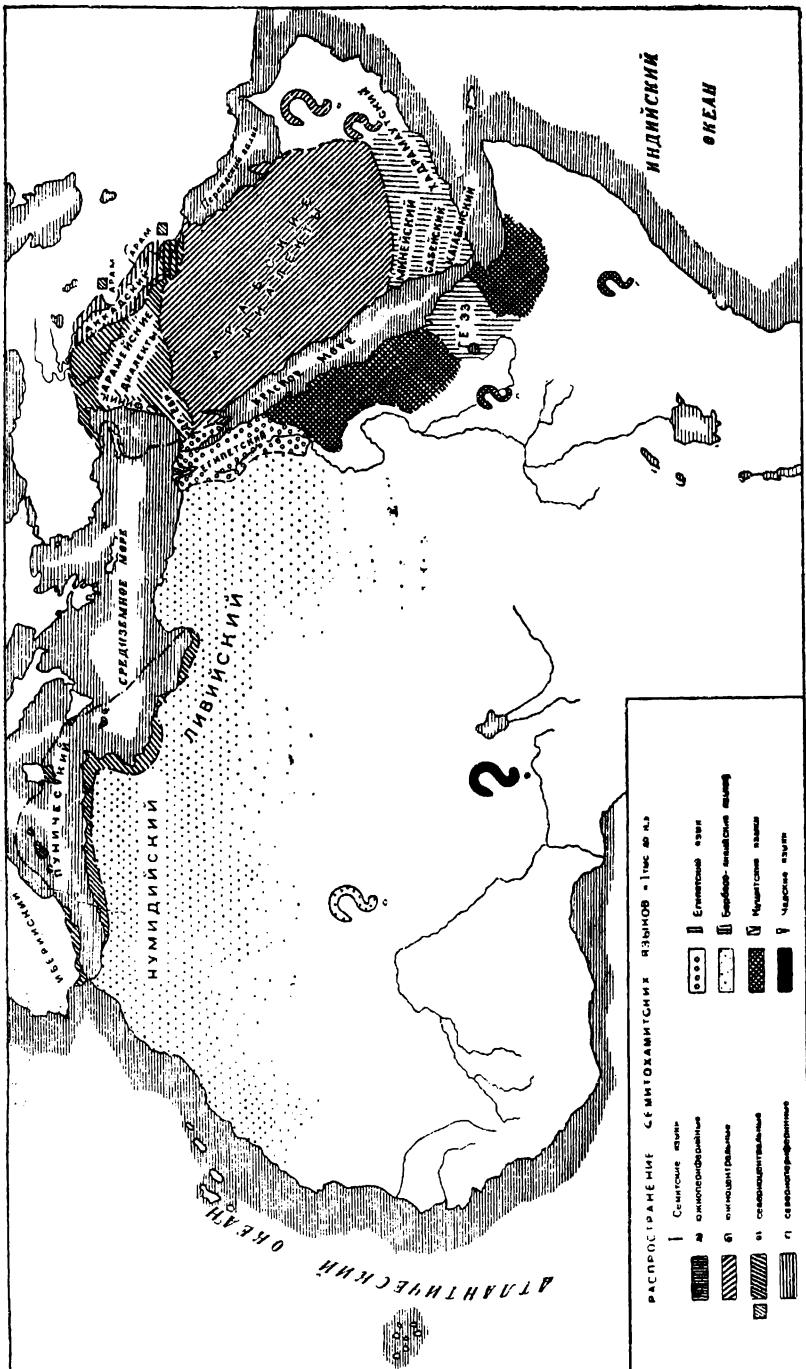
- Ольдероргэ Д. А., *Хамитская проблема в африканистике*, — «Советская этнография», 1949, № 3.

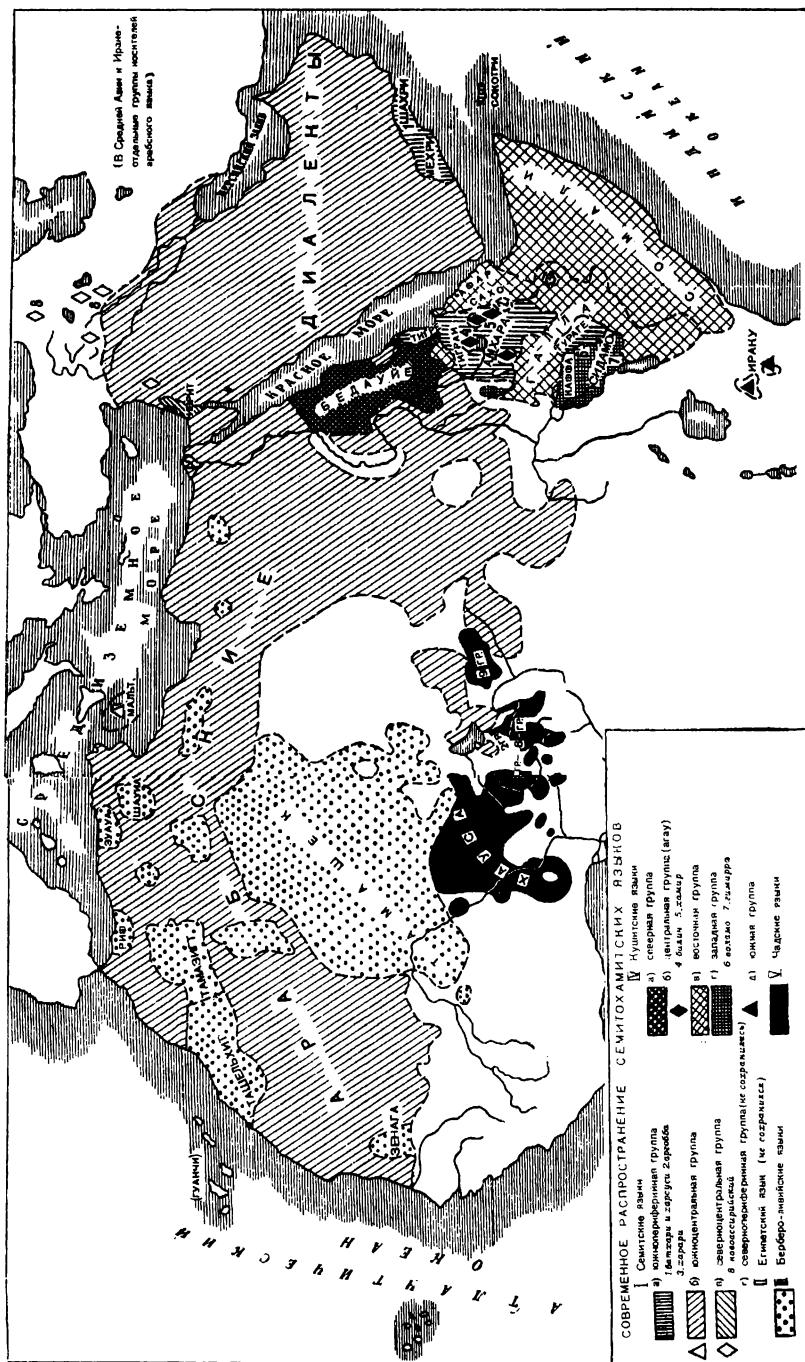
- Ольдерогге Д. А., *Происхождение народов центрального Судана*, — «Советская этнография», 1952, № 2.
- Ольдерогге Д. А., *Язык хаяса*, Л., 1954.
- Ольдерогге Д. А. (ред.), *Хаяса-русский словарь*, М., 1963.
- Смирнова М. А., *Язык хаяса*, М., 1960.
- Юшманов Н. В., *Строй языка хаяса*, Л., 1937.
- Abraham R. C. and Mai Kano Malam, *Dictionary of the Hausa Language*, Hertford, 1949.
- Bargery G. W., *A Hausa-English Dictionary*, Oxford, 1951.
- Foulkes H. D., *Angas Manual*, London, 1927.
- Lukas J., *Die Logone-Sprache*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», XXI, 1936.
- Olderogge D. A., *The Origin of the Hausa Language* («Papers of the Soviet Delegation to the Vth International Congress of Anthropologists»), Moscow, 1956.
- Westermann D. and Bryan M. A., *Languages of West Africa* («Handbook of African Languages», II), Oxford, 1952.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

акк. — аккадский	ст.-акк. — староаккадский
араб. — арабский	там. — тамашек
арам. — арамейский	угар. — угаритский
бед. — бедауде	фаюм. — фаюмский диалект
берб. — берберский	чадск. — чадский
демот. — демотический	эфиоп. — эфиопский
др.-евр. — древнееврейский	* — восстановленная форма, реально не засвидетельство- ванная
егип. — египетский	> — переходит в
кабил. — кабильский	< — происходит из
копт. — коптский	— чередуется
куш. — кушитский	/ — или
лив.-num. — ливийско-нумидийский	~ — соответствует
общекуш. — общекушитский	[] — произносится
общесем. — общесемитский	' — ударение
риф. — рифский	
саид. — саидский диалект	
сем. — семитский	
сом. — сомали	

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Общие сведения. Фонология. Корень и слово	7
Постановка вопроса	7
Некоторые грамматические черты адстрата семитских языков	13
Фонология	17
Структура корня	27
Словообразование	36
Лексический состав	39
Морфология	52
Имя	52
Местоимение	66
Глагол	75
Заключение	99
Приложения	103
Образцы текстов	105
Библиография	111
Список сокращений	118
Карты	119

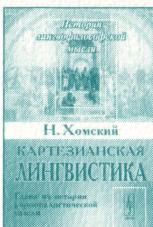
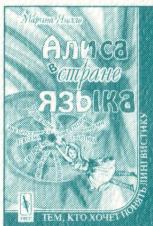

Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999)

Выдающийся отечественный востоковед и филолог, доктор исторических наук. Окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1938 г. Работал в Эрмитаже, в Институте истории, а с 1956 г. — в Институте востоковедения Академии наук СССР. В 1960 г. защитил докторскую диссертацию. Был избран в Британскую академию, Американскую академию искусств и наук. Почетный доктор гуманитарных наук Чикагского университета. Член многих советских, российских и зарубежных редакционных коллегий.

И. М. Дьяконов — автор многих книг и статей как по социально-экономической истории стран древней Передней Азии, так и по филологии (семитские, шумерский, хурритский, урартский, эlamский языки). Широкую известность получили его работы: «История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э.» (1956), «Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер» (1959), «Урартские письма и документы» (1963), «Языки древней Передней Азии» (1967), «Люди города Ура» (1988), «Архайческие мифы Востока и Запада» (1990; 2-е изд.: URSS, 2004) и другие.

Наше издательство рекомендует следующие книги:

3921 ID 36663

9 785484 005130 >

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (495) 135-42-16

Тел./факс: 7 (495) 135-42-46

E-mail:
URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте
по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены
и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>